Алексей Исаев

Величайшее танковое сражение

1941

Алексей Исаев

Величайшее танковое сражение 1941

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2012

УДК 94
ББК 63.3(0)
И85

Оформление серии П.Волкова

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника В.Петелина

Редакция выражает благодарность М.В.Коломийцу за предоставленные фотоматериалы

Исаев А.В.

И85 Величайшее танковое сражение 1941 — М.: Яуза, ЭКСМО, 2012. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-699-53796-9

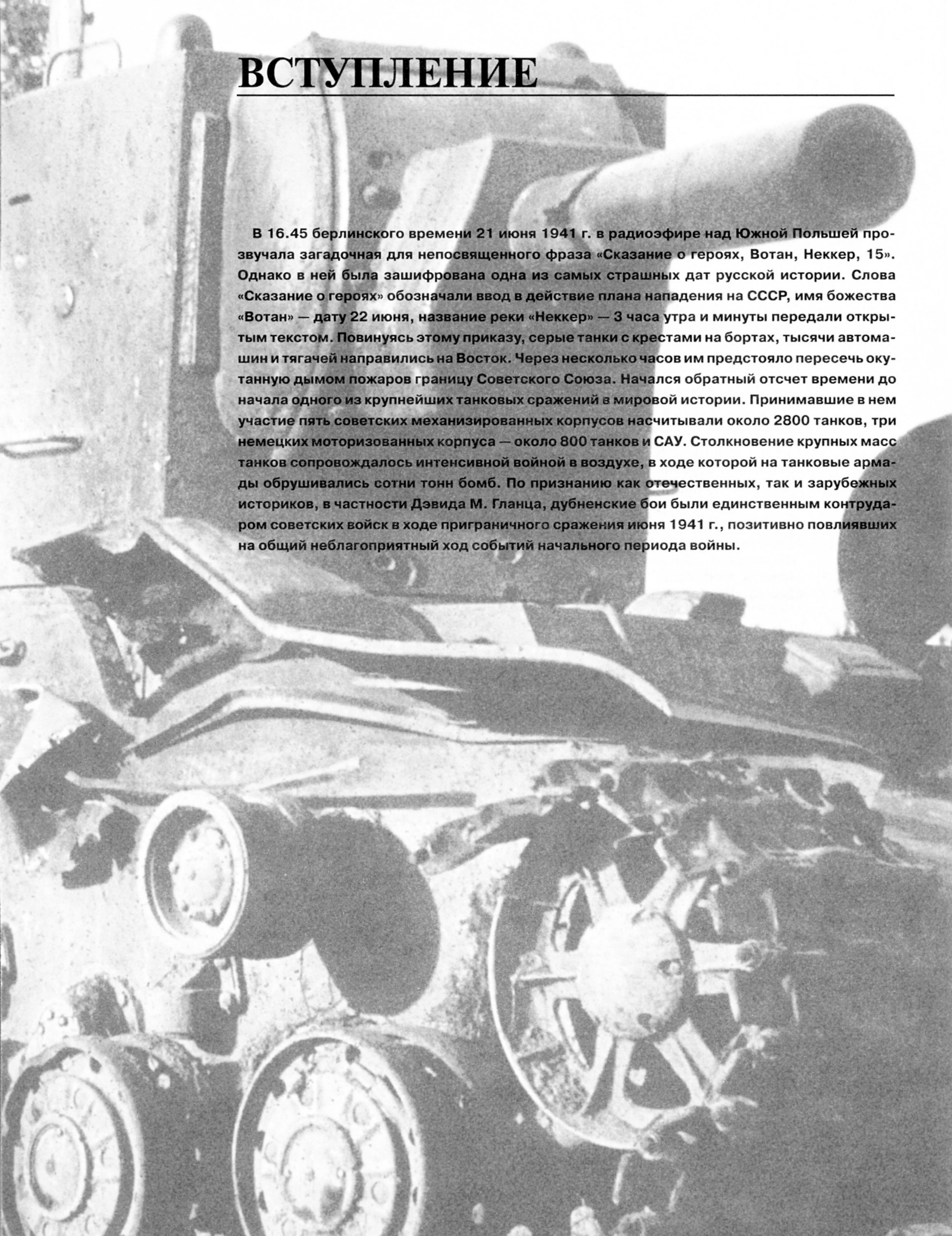
Эта трагедия до сих пор остается одной из самых темных и загадочных страниц отечественной истории. Эта грандиозная битва была гораздо более масштабной, чем знаменитое танковое сражение под Прохоровкой. В июне 1941 года в районе Дубно восьми сотням танков и САУ 1-й танковой группы фон Клейста противостояли пять механизированных корпусов Красной Армии, насчитывающие более 2800 единиц бронетехники, в том числе 340 новейших КВ и Т-34. Если бы эти две танковые армады просто столкнулись на поле подходящих размеров подобно рыцарской коннице, исход битвы был предрешен. Однако в реальности наши мехкорпуса потеряли под Дубно большую часть танков и уже через неделю начали отступление к старой границе.

Как такое могло случиться? Почему, несмотря на подавляющее численное превосходство, советский контрудар не достиг цели? В чем причины сокрушительного поражения Красной Армии? Эта книга, основанная на недавно рассекреченных документах как отечественных, так и зарубежных архивов, впервые представляет не только советскую, но и немецкую точку зрения на величайшее танковое сражение Второй Мировой.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-53796-9

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

В 16.45 берлинского времени 21 июня 1941 г. в радиоэфире над Южной Польшей прозвучала загадочная для непосвященного фраза «Сказание о героях, Вотан, Неккер, 15». Однако в ней была зашифрована одна из самых страшных дат русской истории. Слова «Сказание о героях» обозначали ввод в действие плана нападения на СССР, имя божества «Вотан» — дату 22 июня, название реки «Неккер» — 3 часа утра и минуты передали открытым текстом. Повинуясь этому приказу, серые танки с крестами на бортах, тысячи автомашин и тягачей направились на Восток. Через несколько часов им предстояло пересечь окутанную дымом пожаров границу Советского Союза. Начался обратный отсчет времени до начала одного из крупнейших танковых сражений в мировой истории. Принимавшие в нем участие пять советских механизированных корпусов насчитывали около 2800 танков, три немецких моторизованных корпуса — около 800 танков и САУ. Столкновение крупных масс танков сопровождалось интенсивной войной в воздухе, в ходе которой на танковые армады обрушивались сотни тонн бомб. По признанию как отечественных, так и зарубежных историков, в частности Дэвида М. Гланца, дубненские бои были единственным контрударом советских войск в ходе приграничного сражения июня 1941 г., позитивно повлиявших на общий неблагоприятный ход событий начального периода войны.

ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»

Командование группы армий «Юг» появилось в августе 1939 г. и использовалось сообразно названию на южном крыле фронта в польской кампании. 23 октября 1939 года командование группы армий было переименовано в бесцветную группу армий «А» и под этим названием участвовало в боевых действиях на Западе. Наконец, 22 апреля 1941 г. штаб группы армий прибыл на советско-германскую демаркационную линию, где до 21 июня назывался «штаб участка Силезии». 21 июня 1941 г. в документах снова появляется группа армий «Юг». Во главе командования группы армий все это время был Герд фон Рундштедт.

Задачи армий Рундштедта в операции «Барбаросса», согласно директиве Верховного командования вермахта от 31 января 1941 г., распределялись так:

«а) Группа армий «Юг» наступает своим усиленным левым флангом в общем направлении на Киев, имея впереди подвижные части. Общая задача — уничтожить советские войска в Галиции и Западной Украине к западу от р. Днепр и захватить своевременно переправы на Днепре в районе Киева и южнее, создав тем самым предпосылки для продолжения операций восточнее Днепра. Наступление следует провести таким образом, чтобы подвижные войска были сосредоточены для удара из района Люблина в направлении на Киев.

В соответствии с этой задачей армии и танковая группа, руководствуясь непосредственными указаниями командования группы армий «Юг», должны обеспечить выполнение следующих задач:

11-я армия обеспечивает прикрытие румынской территории от вторжения советских войск, имея в виду жизненно важное значение Румынии для ведения войны. В ходе наступления войск группы армий «Юг» 11-я армия сковывает противостоящие ей вражеские силы, создавая ложное впечатление стратегического развертывания крупных сил, и по мере дальнейшего развития обстановки путем нанесения во взаимодействии с авиацией ряда ударов по отходящим войскам противника препятствует организованному отходу советских войск за Днестр.

1-я танковая группа во взаимодействии с войсками 17-й и 6-й армий прорывает оборону войск противника, сосредоточенных близ границы между Рава-Русской и Ковелем, продвигаясь через Бердичев — Житомир, своевременно выходит на р. Днепр в районе Киева и южнее. В дальнейшем, не теряя времени, согласно указаниям командования группы армий «Юг» продолжает наступление вдоль Днепра в юго-восточном направлении с тем, чтобы воспрепятствовать отходу за р. Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине, и уничтожить ее ударом с тыла.

17-я армия прорывает оборону противника на границе северо-западнее Львова. Быстро продвигаясь своим сильным левым флангом, она отбрасывает противника в юго-восточном направлении и уничтожает его. В дальнейшем эта армия, используя успешное продвижение войск танковой группы, без промедления выходит в район Винницы, Бердичева и, смотря по обстановке, продолжает наступление в южном или юго-восточном направлениях.

6-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы прорывает вражеский фронт в районе Луцка, прикрывая северный фланг группы армий от возможных атак со стороны Припятских болот, своими главными силами по возможности с максимальной быстротой следует на Житомир вслед за войсками танковой группы. Войска армии должны быть готовы по указанию командования группы армий повернуть свои главные силы на юго-восток, западнее р. Днепр с тем, чтобы во взаимодействии с 1-й танковой группой воспрепятствовать отходу за Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине, и уничтожить ее».

Таким образом, по плану немецкого командования операция против советских войск на Украине должна была носить характер «асимметричных канн», когда одно из охватывающих крыльев составлено из механизированных соединений, а второе — из пехотных. Это было одним из характерных приемов немецкой военной мысли 1940-х годов, неоднократно применявшимся в ходе «блицкригов».

Единственным подвижным объединением группы армий «Юг» стала 1-я танковая группа (см. таблицу). Прекрасно понимая, что войска Киевского особого военного округа были самыми многочисленными среди советских приграничных округов, немецкое командование не направило в 1-ю танковую группу ни одну дивизию с танками чешского производства 35(t) и 38(t). Все танковые соединения группы были двухбатальонными дивизиями, оснащенными техникой немецкого производства. Вместе с тем 1-ю танковую группу отличало комплектование дивизиями формирования 1940 г. Ни одна из них не могла похвастаться участием в качестве танкового соединения в польской кампании, и только 9-я танковая имела опыт французской кампании (до этого она была 4-й легкой дивизией). Однако последняя формировалась в Вене, а боеспособность австрийских частей всегда была заметно ниже немецких. Основную тяжесть дубненских боев вынесли дивизии, которые были детищем реорганизации танковых войск, начатой в июле 1940 г. Число танковых дивизий вермахта в результате этой реорганизации было удвоено. Удвоение числа дивизий происходило путем дробления танковых бригад существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых дивизий. Теперь во всех танковых дивизиях вермахта был один танковый полк двухили трехбатальонного состава вместо двух. В значительной степени это компенсировалось количественным и качественным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов.

Вскоре после формирования 11-я и 14-я танковые дивизии получили боевое крещение в операции «Марита» весной 1941 г. на Балканах. 16-я танковая дивизия в ходе «Мариты» была в резерве, а для 13-й танковой дивизии «Барбаросса» стала дебютом боевой карьеры как танкового соединения. В некоторой степени это компенсировалось тем, что новые дивизии

Танк Pz.IV 11-й танковой дивизии в апреле 1941 г. На борту, рядом с крестом, хорошо различима эмблема дивизии - привидение с мечом

формировались из уже получивших опыт польской и французской кампаний пехотных соединений. Тем не менее новички в лице 13-й и 16-й танковых дивизий были поставлены командованием во второй эшелон.

Разумеется, если, по советским меркам, танковые дивизии 1-й танковой группы были хорошо укомплектованы, то внутри вермахта были свои признаки высокой комплектности. К таким признакам, в частности, относилось оснащение мотопехоты соединений полугусеничными БТР «Ганомаг». В танковых дивизиях группы армий «Юг» они присутствовали только в масштабах роты. Это были: 1-я рота 9-го мотопехотного полка 9-й танковой дивизии, 1-я рота 110-го мотопехотного полка 11-й танковой дивизии и 1-я рота 66-го мотопехотного полка 13-й танковой дивизии. Рота мотопехотного полка на БТР штатно состояла из 13 бронетранспортеров Sd.Kfz.251: 10 линейных Sd.Kfz.251/1 и 3 Sd.Kfz.251/10 командиров взводов, вооруженных 37-мм противотанковой пушкой. В 14-й и 16-й танковых дивизиях БТР просто отсутствовали. Заметим, что две роты на БТР появились в 16-й танковой дивизии к маю 1942 г., а батальон — только в 1944 г. Под Курском 11-я танковая дивизия наступала с двумя ротами на БТР на всю дивизию. Одним словом, образ немцев как поголовно вооруженных пистолетами-пулеметами МП-40 и передвигающихся исключительно на гробообразных БТР, не более чем плод фантазии кинематографистов. БТР «Ганомаг» был сравнительно редкой птицей, и подавляющее большинство моторизованной пехоты вермахта передвигалось на марше на грузовиках, а в бою на своих двоих. Самоходная артиллерия в танковых дивизиях группы армий «Юг» была представлена 701-й ротой самоходных орудий из шести установок 15 cm sIG Sfl. Ausf.Pz.I Ausf.B. (150-мм тяжелое пехотное орудие на шасси танка Pz.I) в 9-й танковой дивизии. Еще одним признаком хорошей технической оснащенности были 10-см корпусные орудия, заменявшие четыре из двенадцати 15-см тяжелых гаубиц в артиллерийском полку. Бронебойный снаряд 10-см корпусной пушки К18 весом 15,56 кг и начальной скоростью до 827 м/сек мог поражать любой советский танк до ИС-2 включительно. Согласно имеющимся данным, орудия этого типа отсутствовали только в 16-й танковой дивизии. По иронии судьбы, именно ей пришлось чаще других сталкиваться с новейшими советскими танками.

Помимо танковых дивизий в состав 1-й танковой группы входили моторизованные пехотные дивизии. Это были 16-я и 25-я моторизованные дивизии. В отличие от обычных пехотных дивизий, они имели два, а не три полка пехоты, которые были, однако, полностью моторизованы. Артиллерийский полк моторизованных дивизий был трехдивизионного состава в отличие от четырех дивизионов в обычной пехотной дивизии, но орудия в нем буксировались полугусеничными тягачами. От танковых соединений вермахта и одноименных соединений РККА моторизованные дивизии отличало отсутствие танков (они их получили в количестве одного батальона только в 1942 г.). Предназначались моторизованные дивизии для прикрытия флангов наступающих танковых дивизий. Особняком от армейских моторизованных пехотных дивизий стояли моторизованные части СС. В подчинении 1-й танковой группы на 22 июня 1941 г. находились два таких соединения, мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (всего четыре батальона мотопехоты, слабый двухдивизионный артполк) и моторизованная пехотная дивизия СС «Викинг». «Викинг» был заметно сильнее своих армейских собратьев, поскольку имел не два, а три моторизованных пехотных полка трехбатальонного состава. В свою очередь, «Лейбштандарт» был единственным моторизованным соединением группы армий «Юг», имеющим штатную гусеничную бронетехнику. Еще в мае 1940 г. он получил батарею САУ StuGIII из 6 орудий, на 19 июня 1941 г. их было уже 7. «Викинг» получил «Штурмгешюцы» только в сентябре 1941 г. Также «Лейбштандарт» отличался беспрецедентно мощным противотанковым вооружением. Каждый из четырех мотопехотных батальонов бригады имел три 50-мм

Состав танкового парка дивизий 1-й танковой группы

Дивизия	Pz.II	Pz.III с 37-мм орудием	Pz.III с 50-мм орудием	Pz. IV	Командирские	Всего
9-я танковая	32(+8 Pz.I)	11	60	20	12	143
11-я танковая	45	23	48	20	10	146
13-я танковая	45	27	44	20	13	149
14-я танковая	45	15	56	20	11	147
16-я танковая	44	24	47	20	8	143
Всего	219	100	255	100	54	728

Полугусеничная техника была одним из символов блицкригов и германской армии. На снимке тягач SdKfz10 с установленной на нем 20-мм зениткой. Ничего подобного в Красной Армии не было

противотанковых орудия ПАК-38 и четыре 37-мм ПАК-35/36. Для сравнения: пехотные дивизии первой волны имели всего по два 50-мм ПАК-38 в полку. В худшую сторону эсэсовцы отличались от армейцев боевой подготовкой, и поэтому их предпочитали использовать для решения вспомогательных задач.

Командовал 1-й танковой группой 60-летний генерал-полковник Эвальд фон Клейст. Старый кавалерист, он во французской кампании командовал танковой группой, названной его именем. В ноябре 1940 г. она была официально названа 1-й танковой группой и под этим именем участвовала в операции на Балканах. Подчиненные 1-й танковой группе дивизии должны были действовать под руководством штабов особого типа — управлений моторизованных корпусов. Таких штабов в распоряжении командования танковой группы было три: III, XIV и XXXXVIII. Формально моторизованному корпусу могли подчиняться как танковые и моторизованные дивизии, так и пехотные дивизии. Однако наименование «моторизованный» накладывало свой отпечаток на назначение командира корпуса. Старались подбирать командиров, знакомых с практикой использования подвижных соединений.

III моторизованный корпус возглавлял генерал кавалерии Эбергард фон Маккензен. Он был явно слабее как тактик, чем его отец, Август фон Маккензен, ставший одним из известнейших военачальников Первой мировой войны. Однако в течение войны он вырос до должности командующего 1-й танковой армией. Командиры 13-й и 14-й танковых дивизий, с которыми корпус прошел все Приграничное сражение, Дюверт и Кюн не приобрели громкой славы. Начал боевые действия корпус в составе 14-й танковой, 44-й и 298-й пехотных дивизий. Немецкое командование изначально продумывало несколько вариантов действий, поэтому окончательный состав III моторизованного корпуса определился только на второй—третий день войны. В таблице показана численность соединений, в разное время подчинявшихся корпусу Маккензена в ходе Приграничного сражения.

Gefechtstaerke — это общая численность боевых подразделений соединений т.е. пехоты, танкистов, разведчиков, артиллерии и саперов. Не следует путать этот показатель с Kampfstaerke — «боевой численностью», в который входили офицеры, унтер-офицеры и рядовые, непосредственно участвующие в бою. Примерным эквивалентом последнего термина является советский термин «активные штыки». Verppflegungstaerke — это «число рационов», т.е. количество людей, состоящих на довольствии, включая военнопленных.

XXXXVIII моторизованный корпус не только стал одним из самых известных танковых соединений в Вермахте, но и собрал настоящую «звездную команду» немецких танковых командиров. XXXXVIII моторизованный корпус, впоследствии получивший наименование танкового, участвовал в большинстве крупных сражений на Восточном фронте, включая Сталинградскую битву, Курскую дугу, бои на Правобережной Украине осенью 1943 г. и зимой 1944—45 г. Командир корпуса, Вернер Кемпф, в 1942 г. станет командующим армейской группой, названной его именем, а в

Танк Pz.II одной из немецких танковых дивизий. На моторном отделении закреплен флаг со свастикой для опознания с воздуха самолетами люфтваффе

Танки Pz.III 9-й танковой дивизии на марше. Обратите внимание на приоткрытые лючки на лобовой части башни. Разнообразные лючки и смотровые приборы давали немецким танкам ощутимое преимущество в обзорности

Численность соединений III моторизованного корпуса на 21 июня 1941 г.

	13-я тд	14-я тд	25-я мд	44-я пд	298-я пд
Gefechtstaerke	12 516	10 997	12 258	18 697	14 599
Verpflegungstaerke	13 980	19 580	15 074	21 443	—

1944 г. возглавит группу армий «Север». Командир 16-й танковой дивизии, подчиненной корпусу вскоре после начала боев, Ганс-Валентин Хубе в сентябре 1942 г. получит в командование танковый корпус, а в октябре 1943 г. — 1-ю танковую армию, наследника 1-й танковой группы. Он погибнет в авиакатастрофе в апреле 1944 г. в звании генерал-полковника, будучи кавалером Рыцарского креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Вторым танковым батальоном 2-го танкового полка дивизии Хубе командовал в 1941 г. майор Хаязинф Граф фон Штрахвиц, один из признанных немецких танковых асов, командовавший впоследствии панцергренадерской дивизией «Великая Германия». Первым батальоном танкового полка 16-й танковой дивизии командовал майор Бернгард Сован, в 1943 г. командир 505-го танкового батальона «тигров». Вторым танковым соединением XXXXVIII корпуса — 11-й танковой дивизией — руководил генерал-майор Людвиг Крювель, кавалерийский офицер кайзеровской армии, встретивший Вторую мировую войну в штабе 6-го танкового полка. Он был едва ли не единственным командиром танковой дивизии, упомянутым в дневнике Гальдера по имени. Уже в августе 1941 г. Крювель пошел на повышение, получил звание генерал-лейтенанта и был направлен в Африку как специалист по боевым действиям в тропиках. Четыре месяца спустя он получает звание генерала танковых войск. Быструю карьеру Крювеля прервала в мае 1942 г. посадка его «Шторха» вследствие навигационной ошибки в расположении английских войск.

Эбергард фон Маккензен, командир III моторизованного корпуса. Он был сыном знаменитого немецкого военачальника Первой Мировой войны, но равной ему по величине фигурой Второй мировой так и не стал

В таблице показана численность личного состава корпуса в том виде, в котором он встретил утро 22 июня, т.е. две пехотные дивизии и одна танковая дивизия. Впоследствии пехотные дивизии из его состава были изъяты, а подвижные соединения — добавлены.

Для сравнения: численность стрелковых соединений 5-й армии (включая УРы), одним из противников которой стал XXXXVIII моторизованный корпус, на 1 июня 1941 г. составляла 53 163 человека.

XIV моторизованный корпус генерала фон Виттерсгейма большую часть Приграничного сражения находился в резерве. Его использовали для управления резервными танковыми и моторизованными соединениями. По мере их ввода в бой они выводились из подчинения Виттерсгейма и передавались в два других моторизованных корпуса.

С воздуха пехотные и танковые соединения группы армий «Юг» должен был поддерживать 4-й воздушный флот генерала А.Лера, а собственно дивизии 6-й и 17-й армий — 5-й авиакорпус Р. фон Грайма (см. таблицу). Характерной особенностью ВВС Германии, участвовавших в дубненских боях, было отсутствие в бом-

Заправка канистр из бочки с помощью ручного насоса. Именно нужды подвижных войск привели немцев к изобретению канистры, ныне широко распространенной тары для горючего. Даже английское название канистры «jerrycan» ведет свое происхождение от прозвища немцев в северной Африке — Jerry

бардировочных эскадрах символа блицкрига пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Ударная авиация корпуса фон Грайма вооружалась бомбардировщиками Ю-88 и Хе-111, которые в Люфтваффе использовались как универсальные, одни и те же машины летали как на бомбардировку артиллерийских позиций и маршевых колонн резервов, так и на Москву или Лондон. При ударах по переднему краю дальность конвертировалась во время нахождения над целью, когда «хейнкели» и «юнкерсы» могли висеть в воздухе на всем протяжении атаки.

Немецкое командование не заблуждалось относительно соотношения сил по самолетам. Соответственно, войска 1-й танковой группы ориентировались относительно грядущего сражения следующим образом: «Войска необходимо подготовить к отражению сильных воздушных налетов и крупных танковых атак численно превосходящими силами. Следует ожидать большое число ударов с бреющего полета. В настоящее время известно о 5000 русских самолетов, из которых лишь 3000 являются боеготовыми. Поскольку у русских нет хорошо организованных наземных служб наподобие наших, а ремонтные службы централизованно размещены в нескольких точках, уже через несколько дней станут заметны потери по техническим причинам. Далее, люфтваффе в первые дни направят свои удары против ремонтных центров, добьются господства в воздухе ударами по аэродромам и вскоре смогут переключиться на прикрытие или поддержку собственных войск»*.

Как мы видим, у люфтваффе был достаточно замысловатый план завоевания господства в воздухе: сочетание ударов по аэродромам с ударами по ремонтным центрам ВВС РККА. Неясно, почему немецкое командование ожидало атак с бреющего полета. Возможно, сказывался опыт войны на Западе. В действительности советские самолеты действовали с высоты 800—1200 м. Штурмовиков, которые впоследствии стали визитной карточкой советской авиации, было еще не так много. Большую часть авиапарка составляли вполне обычные бомбардировщики.

Если число танков, орудий, самолетов можно так или иначе подсчитать, то тактические приемы числовому измерению не поддаются. Здесь можно сделать оценки только на качественном уровне. Характерным приемом ведения боевых действий танковыми и пехотными дивизиями вермахта было формирование так называемых «боевых групп» (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из частей различных родов войск, входящих в дивизию. Ядром боевой группы становился танковый или пехотный полк, которому придавались дивизионы артиллерийского полка, батареи противотанкового дивизиона, роты саперного батальона. Часто боевая группа получала в свое распоряжение средства усиления, приданные дивизии из корпуса. Возглавлял боевую группу командир полка, а в случае танковых частей — командир пехотной бригады или танкового полка. На выходе получалась достаточно компактная и подвижная группа, сочетавшая в себе все огневые средства дивизии и корпусные средства усиления от 88-мм зениток до 240-мм мортир включительно. Тем самым автоматически решался вопрос взаимодействия войск, распоряжения артиллеристам и саперам отдавал сам командир боевой группы, без подачи заявок командиру дивизии или корпуса. «Изюминка» концепции боевых групп заключалась в том, что они не были одинаковыми. То есть боевые группы разных соединений могли иметь разный состав и численность. Это же относится к боевым группам, формируемым в рамках одной дивизии. В зависимости от конкретных условий одна боевая группа могла быть сильнее, другая — слабее. В частности, распространенным вариан-

Численность соединений XXXXVIII моторизованного корпуса на 22 июня 1941 г.

	Численность (Koepfe) людей	Лошадей
57-я пехотная дивизия	21 020	6000
75-я пехотная дивизия	26 030	6500
11-я танковая дивизия	18 340	—
Корпусные части	8600	—
Всего	73 990	12 500

Ганс Валентин Хубе, командир 16-й танковой дивизии. В 1941 г. он был пехотным командиром, возглавившим танковую дивизию. Последней должностью «папы Хубе» станет пост командующего 1-й танковой армией

* NARA T314 R1138 f640

Схема 1. Упреждение в развертывании. 22.6.41 г.

Эшелоны войск КОВО

Подвижные соединения

Durchschlagswirkung der deutschen panzerbrechenden Waffen

Zusammengestellt von Pz. Gr. 1

Zeichenerklärung

5 cm Pak 38 Pz.-Gr.-Patr. 40

8,8 cm Flak

5 cm KwK. Pz.-Gr.-Patr. 40

5 cm Pak 38 Pz.-Gr.-Patr.

5 cm KwK.-Pz.-Gr.-Patr.

4,7 cm Pak (t)

4,7 cm Pak. (ö)

7,5 cm KwK. Pz.-Gr.-Patr.

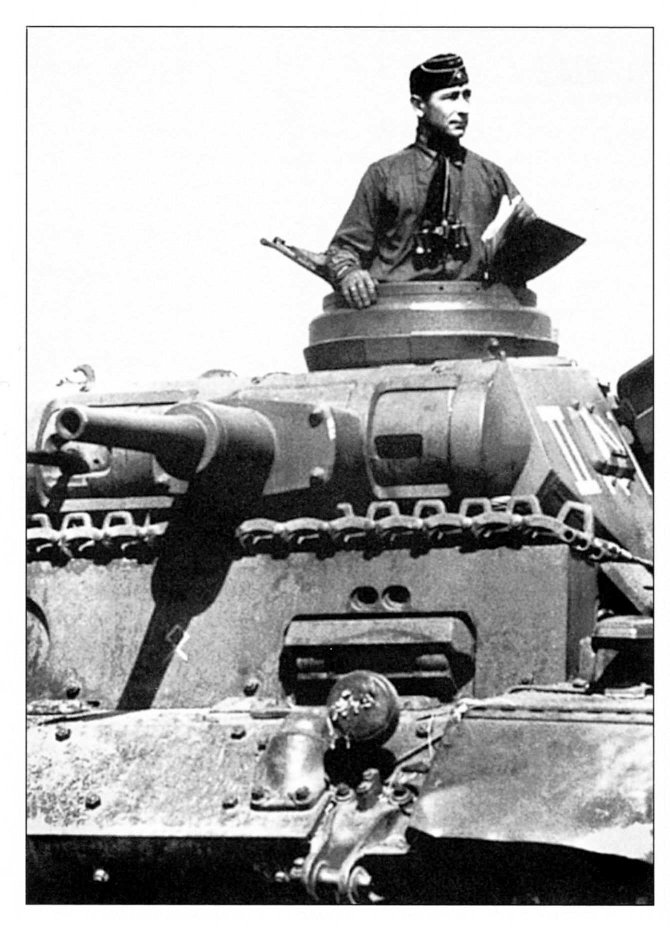
3,7 cm Pak

Pz. Büchse

2 cm KwK. 30

Geheime Kommandosache

График бронепробиваемости немецких танковых и противотанковых пушек. Вопреки распространенному заблуждению, в вермахте были орудия, способные поразить новые советские танки, пусть и на короткой дистанции. График начинается со 120-мм, пробиваемых на 100 м подкалиберным снарядом ПАК-38

Командирский танк 14-й танковой дивизии. Установка пулемета в лобовом листе корпуса заделана заглушкой. Такие машины несли дополнительный комплект радиооборудования

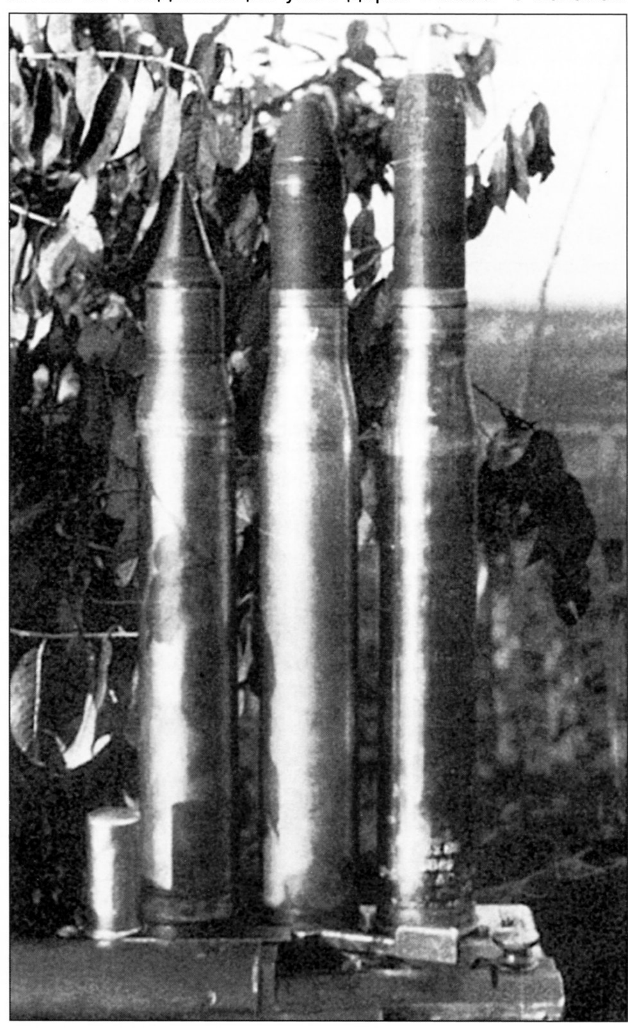
том было создание «танковой» и «мотопехотной» боевых групп, с акцентом на танки или на пехоту. То есть в «танковой» боевой группе сосредотачивалась большая часть танков, а в «пехотной» было много мотопехоты, но мало танков.

Еще одним характерным приемом действий германских войск является использование разведывательного батальона танковых и пехотных соединений в качестве самостоятельной моторизованной части. Помимо основных функций «глаз» дивизии, разведбату ставились задачи по захвату и удержанию тех или иных объектов. Особенно это было характерно для пехотных соединений, большая часть солдат которых двигалась пешком. Фактически это было частным случаем формирования боевой группы. Только ядром боевой группы становился разведывательный батальон, а придавались ему орудия из противотанкового дивизиона и артиллерия.

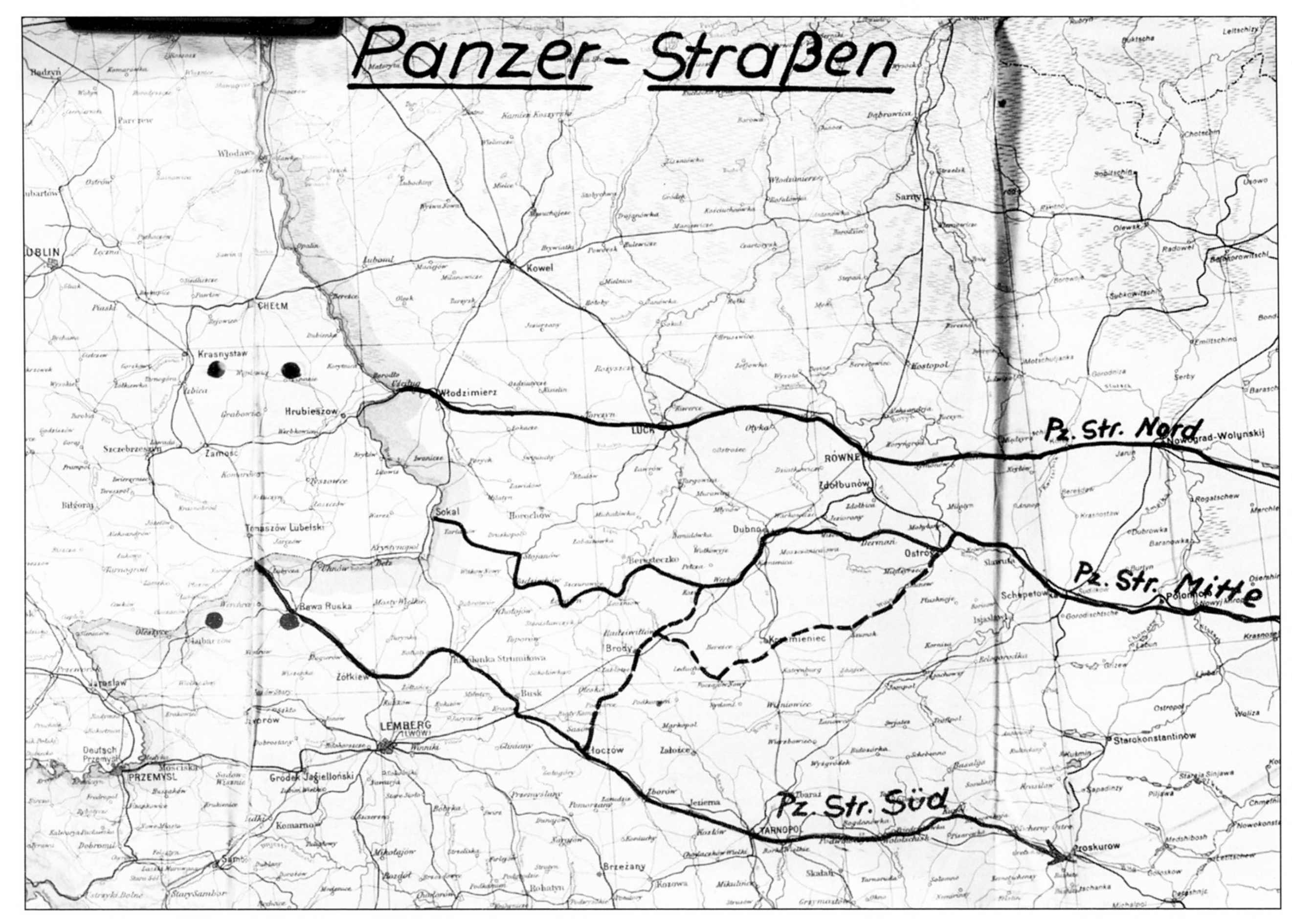
Еще одним краеугольным камнем выработанной к 1941 г. технологии ведения боевых действий была концепция «панцерштрассе» (букв. — «танковая дорога»), т.е. выявление в полосе предстоящего наступления дорог, которые могли бы стать осью продвижения механизированных соединений. Обычно это была цепочка из соединяющих узлы дорог шоссе. С началом

Состав авиации 5-го авиакорпуса 4-го воздушного флота на 22 июня 1941 г.

Эскадра	Авиабаза	Самолеты		
		Тип	Всего	Боеготовых
Штаб KG51	Кросно	Ju88	2	2
I/KG51			22	22
II/KG51			36	29
III/KG51	Лежаны		32	28
Штаб KG54	Люблин-Свидник		1	1
I/KG54			34	31
II/KG54			36	33
Штаб KG55	Лабуние	Bf110	2	1
I/KG55		He111H	27	27
II/KG55			24	22
III/KG55	Клеменшов		25	24
Штаб JG3	Хостыне	Bf109F	4	4
I/JG3	Дуб		35	28
II/JG3	Хостыне		35	32
III/JG3	Медоровка		35	34

Выстроенные на казеннике орудия выстрелы 50-мм ПАК-38. Слева направо: подкалиберный, бронебойный и осколочный

Расположение трех «панцерштрассе» в полосе действий группы армий «Юг». Факсимиле немецкой карты

операции движение по этим дорогам подразделений пехотных дивизий строго воспрещалось. «Панцерштрассе» могли быть использованы только для передвижения транспорта танковых соединений. В полосе предстоящего наступления на Украине командованием 1-й танковой группы были намечены три «панцерштрассе». Первая, получившая наименование «северной», проходила через Владимир-Волынский, Луцк, Ровно, Новоград-Волынский, Житомир и далее до Киева. Вторая, «центральная», проходила через Сокаль, Радзехов, Берестечко, Дубно, Острог и Житомир. Третья, «южная», проходила через Раву-Русскую, Жулкев, Буск, Золочев, Тарнополь и Проскуров. С первого дня наступления предполагалось наступать вдоль северной и центральной «панцерштрассе». Вдоль каждой из них должен был наступать моторизованный корпус, III и XXXXVIII соответственно. Вдоль южной «панцерштрассе» должен был двигаться XIV танковый корпус. Его предполагалось вводить в бой по обстановке, после захвата пехотой 17-й армии района Рава-Русской.

Оценка противника немецким командованием перед предстоявшим танковым сражением была сдержанной. Точных сведений о новейших Т-34 и КВ у немецкой разведки не было. Поэтому относительно возможностей противника к ведению танковой войны на совещании у начальника штаба 1-й танковой группы 14 июня 1941 г. было сказано: «Перед 6-й армией насчитывается около 900 танков. Еще 1000 танков сосредоточены в моторизованных ударных группах русских. Около 80% танков противника — малоценные с бронированием 15—18 мм, которое пробивается любыми противотанковыми средствами. Листовки касательно борьбы с танками будут выпущены 1-й ТГр.»*. Вскоре им предстояло как узнать о том, какие танки составляют оставшиеся 20%, так и убедиться в том, что их оценка численности танкового парка Киевского особого военного округа существенно отстает от реального положения дел. Справедливости ради нужно отметить, что немцы уже имели опыт борьбы с тяжелыми танками (B1bis во французской кампании). Так что по крайней мере материальная готовность к предстоящим боям имелась. Вообще, боевой опыт был одним из самых сильных аргументов немцев в предстоящем сражении.

---

* NARA T314 R1138 f640

КИЕВСКИЙ ОСОБЫЙ

Киевский особый военный округ (КОВО) перед войной был своего рода кузницей кадров для высшего руководства Красной Армии. Руководивший войсками округа в 1938—1939 гг. С.К. Тимошенко стал народным комиссаром обороны СССР, сменивший его на этом посту Г.К. Жуков — начальником Генерального штаба. Н.Ф. Ватутин, начальник штаба округа в 1938—1940 гг., стал первым заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии. Естественно, ушедшие на повышение генералы не забывали свой округ, и КОВО был в своем роде элитным. Одновременно он становился операционным центром, получая главные роли в советских планах войны.

Военное планирование. Важной особенностью военного планирования любой страны является зависимость принятия военных решений от решений политических. В отношении СССР в 1941 г. этот фактор стал определяющим в развитии событий. При разработке планов войны Генеральный штаб исходил из тезиса о своевременном приведении в действие механизма мобилизации и развертывания Вооруженных сил под влиянием политической обстановки. Соответственно, предполагалось наличие периода длительностью несколько недель, когда две страны будут постепенно «вползать» в войну под аккомпанемент дипломатических нот и ультиматумов, а потом и перестрелок на границе. В этот период должны были осуществляться перевозки войск, мобилизуемых людей и техники из внутренних округов к границе. После завершения развертывания войск обе стороны начинали первую операцию. Типичной формой первой операции было наступление с решительными целями. Стороны планировали наступательные действия на асимметричных направлениях, и кто наступал успешнее, тот и должен был стать победителем в начальном периоде войны.

В записке об основах развертывания войск, датированной сентябрем 1940 г., задачи Юго-Западного фронта в первой операции обрисованы следующим образом: «Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение ЛюблинСандомирской группировке противника и выйти на р.Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р. Одер». Детализировался этот план в так называемой записке начальника штаба КОВО М.А. Пуркаева, датируемой декабрем 1940 г.: «Ближайшая стратегическая задача — разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, Вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлениях: на Кельце, Петроков и на Краков». Реализация этого плана была возможна в случае резкого усиления КОВО за счет переброски войск из Одесского, Северо-Кавказского, Харьковского и Московского военных округов и мобилизации Киевского особого округа с изъятием транспорта и лошадей из народного хозяйства.

На период мобилизации и сосредоточения войск должны были действовать планы прикрытия, предписывавшие «упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа». Нужно отметить, что, в отличие от плана прикрытия ЗапОВО, расположившего сильнейшее соединение округа 6-й механизированный корпус — в районе Белостока с целью маневра по радиальным направлениям в белостокском выступе, штаб КОВО подошел к подготовке плана прикрытия достаточно формально. Ни одно из механизированных соединений округа высокой комплектности не было выдвинуто в полосу 5-й армии. И 4-й, и 8-й, и 15-й, и 16-й механизированные корпуса были скучены в области вокруг Львова, отделенной от полосы 5-й армии болотистой местностью. В дальнейшем это создало определенные трудности в нанесении контрударов во фланг танковому клину немцев, командиры 8-го, 15-го мехкорпусов жаловались на неблагоприятные условия местности на направлениях контрударов из района Львова на север. Также в план прикрытия была заложена мина замедленного действия в лице 3-й кавалерийской дивизии, получившей по плану прикрытия участок обороны на стыке Рава-Русского и Струмиловского УРов. На третий день мобили-

Все еще живы... Бойцы и командиры 16-го полка 87-й стрелковой дивизии на сборах в учебных лагерях незадолго до войны

Истребитель МиГ-3 на полевом аэродроме. «Миги» к началу войны были самым массовым истребителем нового типа

зации ее должна была сменить 159-я стрелковая дивизия, чего в реальности, как нетрудно догадаться, не произошло. Именно в полосе 3-й кавдивизии на завершающей фазе дубненских боев прорвался немецкий XIV моторизованный корпус. Одним словом, к разработке плана прикрытия командование округа подошло крайне формально, видимо, рассчитывая на вялый и бесцветный начальный период войны.

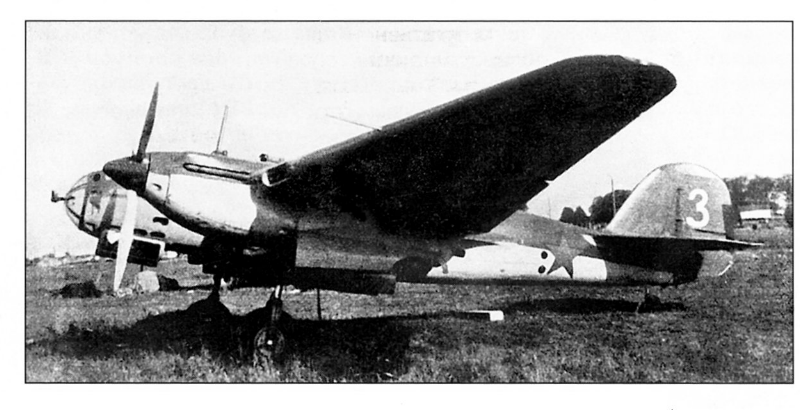
Однако в реальности события развивались совсем не по тому сценарию, к которому готовилась РККА. В отличие от польской кампании, когда за год до начала войны Польше были предъявлены ультимативные требования, никаких ультиматумов СССР не предъявлялось. Задача выбивания СССР как игрока на европейском поле дипломатического решения не имела, и полное молчание по дипломатическим каналам стало сильным дезориентирующим руководство Советского Союза ходом Германии. Под завесой волны дезинформации у границ СССР сосредотачивались войска. Данные разведки были противоречивы, и осознание опасности войны пришло слишком поздно. Политические решения, запустившие механизм мобилизации и развертывания, запоздали. Принятые в июне меры не могли радикально изменить обстановку, и РККА встретила войну, будучи неотмобилизованной и недоразвернутой. Заложенные в планах первой операции армии, корпуса и дивизии были размазаны по трем эшелонам без оперативной связи друг с другом, каждый из которых был слабее сосредоточенных и отмобилизованных армий вермахта.

Мехкорпуса. Главным героем разыгравшегося в первую неделю войны сражения были механизированные корпуса. Перед войной механизированные соединения Киевского особого военного округа ярко пережили все те перипетии, которые прошла организация танковых войск Красной Армии в целом. К началу Второй мировой войны в Красной Армии основной единицей танковых войск была бригада. Советские танковые бригады образца 1939 г. были никак не сравнимы с одноименными соединениями в периоде 1941—45 гг. Если в бригаде времен войны было 65 танков, то бригада 1939 г. была настоящим монстром из 255 танков БТ и 10 химических Т-26 или 267 Т-26. При этом они обладали совершенно ничтожными силами артиллерии (шесть 45-мм орудий) и всего одним батальоном мотопехоты. Причем необходимость последнего даже подвергалась сомнению — считалось, что без специальных гусеничных бронетранспортеров он не успеет за танками по изрытому воронками полю сражения. Механизированные корпуса Красной Армии 1930-х годов были из того же теста: они состояли из танковой бригады на танках БТ, танковой бригады на танках Т-26 (позднее появились мехкорпуса однородного состава только из бригад БТ), стрелковой бригады и вспомогательных частей, в том числе химического (огнеметного) батальона. Способность таких танковых бригад и механизированных корпусов действовать в отрыве от пехоты была весьма условной.

В то же время немцы вступили в войну, уже обладая намного более совершенными организационными структурами танковых войск. Танковые дивизии вермахта обладали многочисленной артиллерией, сильной мотопехотой при умеренной численности танкового парка. Такая организация уже позволяла им действовать самостоятельно, далеко отрываясь от пехоты. Немецкие танковые дивизии смело устремлялись в глубину обороны противника. Столкнувшись с вновь выстраиваемой полосой обороны или же с резервами обороняющегося, они могли уверенно вступать с ними в бой, занимать и удерживать местность. Это был на-

Этюд элегантности. Як-4 был попыткой получить скоростной деревянный самолет за счет высоких аэродинамических качеств конструкции

Пикирующий бомбардировщик Ар-2 на аэродроме. Самолет представлял собой глубокую модернизацию бомбардировщика СБ, приспособленную для нанесения удара с пикирования и оснащенную более мощным двигателем

стоящий переворот в военном деле. Теперь классическая операция на окружение могла осуществляться в больших масштабах, а быстрое продвижение вперед после прорыва обороны затрудняло для обороняющегося восстановление фронта.

В Красной Армии формирование танковых соединений нового поколения началось с приходом на пост наркома обороны ранее командовавшего Киевским особым округом маршала С.К. Тимошенко. В конце мая — начале июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК несколько вариантов предложений, в которых предлагалось сформировать принципиально новые механизированные соединения — танковые дивизии. Предлагалось иметь в составе танковой дивизии два танковых полка, один артиллерийский полк, один мотострелковый полк и один зенитный артдивизион. Всего в дивизии должно было быть 11 343 человека, 386 танков (тяжелых танков — 105, средних танков — 227, химических танков — 54), 108 бронемашин, 12 152-мм гаубиц, 12 122-мм гаубиц , 6 76-мм полковых пушек, 12 37-мм зенитных пушек. В окончательном варианте реорганизации, утвержденной правительством, предполагалось сформировать 8 механизированных корпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий. В Киевском округе формировались два из заложенных в программу реформирования танковых войск корпуса — 4-й и 8-й. Формирование 4-го механизированного корпуса было задержано необходимостью использования его частей для ввода войск в Буковину в июне 1940 г., но к августу 1940 г. оба механизированных корпуса были сформированы. Осенью 1940 г. в КОВО появился еще один механизированный корпус. 14 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили в те же инстанции доклад за № орг/1/106163сс/ ов, в котором предлагали мероприятия, необходимые для усиления войск в первой половине 1941 г. В частности, предлагалось сформировать в КОВО еще один механизированный корпус, 9-й. Вскоре эти идеи получили практическую реализацию.

Командующий 5-й армией генерал-майор танковых войск М.И. Потапов. В сентябре 1941 г. он попадет в плен в киевском «котле» и вернется только в 1945 г. Был восстановлен в армии, получил после войны звание генерал-лейтенанта

Формирование механизированных корпусов в 1940 г. было качественным скачком в организации танковых войск РККА. Теперь у Красной Армии были соединения, способные уходить на десятки километров вглубь от образованного прорыва, перевозя за танками в автомашинах пехоту, боеприпасы и топливо, самостоятельно уничтожать оперативные и стратегические резервы, обходить и окружать крупные группировки войск противника. С точки зрения обороны РККА получила крупные соединения, способные контрударами во фланг срезать вбитые в оборону на десятки километров танковые клинья противника. При этом в Красной Армии сохранялись танковые бригады на танках БТ и Т-26, которые можно было использовать для поддержки пехоты в обороне и наступлении.

Однако догоняющий лидера, даже если бежит изо всех сил, не может достичь за год-полтора того же результата, что и начавший бежать несколькими годами ранее. По отношению к германским танковым войскам мехкорпуса РККА 1940 г. все равно оказывались вчерашним днем. Во-первых, по опыту первых кампаний немецкие танковые дивизии были сбалансированы, приведены к примерно равному числу танковых и мотопехотных батальонов. Советские мехкорпуса были перегружены танками в ущерб мотопехоте. Во-вторых, имеющаяся на вооружении техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов (за отсутствием альтернатив) была создана, исходя из более простых задач. Штатные гаубицы М-30 и М-10 мехкорпусов должны были буксироваться тракторами СТЗ-5. М.И. Потапов, выступая на совещании командного состава РККА в декабре 1940 г. в качестве командира 4-го механизированного корпуса, говорил: «Несколько слов об артиллерии. Наша артиллерия, которая входит в состав механизированного корпуса, имеет такой трактор — СТЗ-5, который не успевает в своем продвижении за танковыми частями, поэтому требуемого взаимодействия мы не получаем. Этот трактор необходимо снять с вооружения механизированного корпуса и заменить его более мощным и вездеходным». Вторил ему в низкой оценке СТЗ-5 М.Г. Хацкилевич, командир 6-го механизированного корпуса. Транспортный трактор СТЗ-5, являвшийся мечтой артиллериста стрелковой дивизии, мало подходил для подвижных соединений. Мощность двигателя этого тягача была всего 50 л.с., и в этом он существенно уступал полугусеничным тягачам специальной постройки немецких танковых дивизий, оснащенных двигателями в 100—140 л.с. Тем не менее важный шаг вперед в строительстве танковых войск, соответствующих требованиям момента, был сделан.

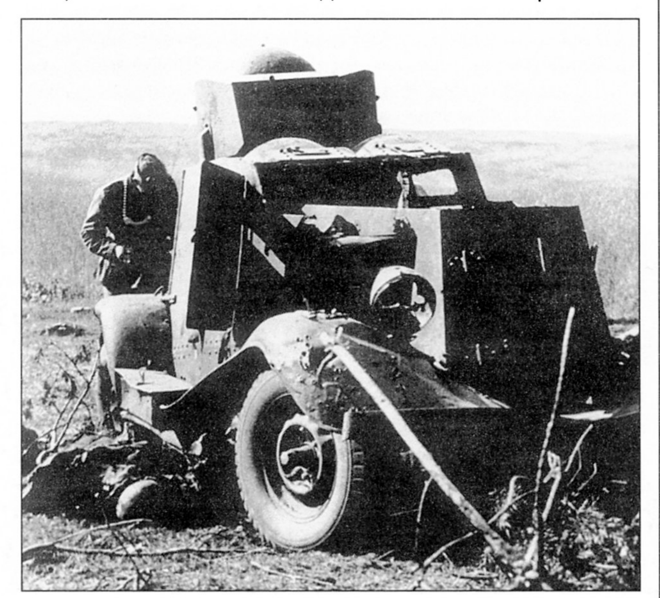
Однако зимой 1941 г. развернулись события, которые радикально изменили лицо танковых войск Киев-

Командир 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Д.И. Рябышев. Судьба возносила его до поста командующего Южным фронтом, но закончил он войну командиром стрелкового корпуса

ского особого военного округа. По итогам декабрьского 1940 г. совещания командного состава и игр на картах января 1941 г. новым начальником Генерального штаба стал Г.К. Жуков. 12 февраля НКО и Генштаб представили в Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР новый мобилизационный план, известный как МП-41. Согласно этому плану предполагалось наличие в армии мирного времени 2 мотострелковых, 60 танковых, 30 моторизованных дивизий и 30 управлений механизированных корпусов. Это фактически означало создание 20 новых мехкорпусов, которое началось в феврале—марте 1941 г. Уже 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых механизированных корпусов, танковых и моторизованных дивизий.

Теперь подавляющее большинство танков РККА должны были быть объединены в механизированные корпуса со штатной численностью 1031 танк. Тем самым уничтожалось видовое разнообразие танковых войск РККА, соединения и части, предназначенные для поддержки пехоты, исчезали вовсе. Теоретически это давало в руки командования больше единиц для маневренных боевых действий. Однако опыт войны не подтвердил это решение. В 1945 г., несмотря на присутствие в Красной Армии свыше 20 тыс. танков и САУ, никто не пытался создать 30 танковых армий. Их

Брошенный бронеавтомобиль ФАИ одной из танковых дивизий КОВО. Довольно редкая машина, имевшаяся только в танковых дивизиях первой волны формирования (8, 10 и 12-й)

Командир 15-го механизированного корпуса И.И. Карпезо. Он был тяжело ранен в первые дни войны. По излечении остался на преподавательской работе в тыловых округах

было всего шесть, а основная масса танков распределялась между соединениями и частями различного назначения, от эквивалентов танковых дивизий (танковых и механизированных корпусов) до бригад и полков непосредственной поддержки пехоты.

В КОВО формировались в дополнение к существующим соединениям 15, 16, 19, 22 и 24-й механизированные корпуса. Формирование новых мехкорпусов проходило в своеобразной манере — путем размножения простым делением существующих соединений. Выведя из состава 8-го механизированного корпуса 15-ю танковую дивизию, получили основу для вновь формируемого 16-го механизированного корпуса. Аналогичным образом 10-я танковая дивизия 4-го механизированного корпуса первого формирования стала ядром вновь создаваемого 15-го механизированного корпуса генерал-майора И.И. Карпезо. Не избежал подобной участи только что созданный 9-й мехкорпус генерал-майора К.К. Рокоссовского. Его 19-я танковая дивизия стала основой для 22-го механизированного корпуса (командир — генерал-майор С.М. Кондрусев) образца весны 1941 г. Впрочем, 9-й мехкорпус изначально не отличался высокой комплектностью. Соответственно вместо изъятой для создания нового соединения дивизии в старых мехкорпусах формировали с нуля танковые дивизии. В 4-м механизированном корпусе — 32-ю (командир — полковник Е.Г. Пушкин, формировалась на базе 30-й легкотанковой бригады), в 8-м — 34-ю (командир — полковник И.В. Васильев, формировалась на базе 26-й легкотанковой бригады Т-26) и в 9-м — 35-ю (полковник Н.А. Новиков). Ни одна из них не успела к началу войны получить автомашины и тягачи в достаточном количестве. Мало того, формировавшаяся из танковой бригады неспешных Т-26 34-я танковая дивизия получила не отличавшиеся резвостью танки Т-35 из 12-й танковой дивизии, комплектовавшейся Т-34 и КВ, что еще больше ухудшило ее маршевые возможности. Тем самым корпуса хорошей комплектности, 4-й и 8-й, получали в нагрузку малоподвижную дивизию, совместные действия с которой представляли определенные трудности. Выведенные из состава 4, 8 и 9-го механизированных корпусов 10, 15 и 19-я танковые дивизии получали на шею еще более тяжелый камень в лице двух слабоукомплектованных соединений: свежесформированной танковой и моторизованной дивизий. Ни 37-я танковая дивизия 15-го механизированного корпуса (командир — полковник Ф.Г. Аникушкин), ни 39-я танковая дивизия 16-го механизированного корпуса (командир — полковник Н.В. Старков), ни 41-я танковая дивизия 22-го механизированного корпуса (командир — полковник П.П. Павлов, формировалась из 36-й и 38-й танковых бригад Т-26) к началу войны необходимого автотранспорта не получили и являлись

Танк Т-28 одного из механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Хотя этот танк остался в тени Т-34 и КВ, по меркам 1941 г. это была достаточно современная машина с 76,2-мм пушкой и неплохими динамическими характеристиками

подвижными соединениями только номинально, мотострелковый полк этих дивизий передвигался пешком, как обычная пехота. Они были подобны безногим боксерам, которые имели сильные танковые «кулаки», но ничтожную подвижность. Еще хуже была ситуация в формировавшихся с нуля весной 1941 г. новых, «двухсотых» (все они получили номера больше 200), моторизованных дивизиях свежеиспеченных мехкорпусов. Они не получили автотранспорта как механизированные части, но одновременно у них отсутствовали лошади и повозки как в обычных стрелковых дивизиях.

Таким образом, июнь 1941 г. танковые войска округа встретили в состоянии разброда и шатания. У стрелковых корпусов были отняты танки непосредственной поддержки, корпуса формирования 1940 г. были раздерганы на части. Если мы сравним не брутточисленность танков КОВО и 1-й танковой группы, а число пригодных к использованию инструментов ведения войны, танковых и моторизованных дивизий, то картина получится далекой от страшного перевеса РККА «в танках». В Киевском особом военном округе имеется шесть соединений, которые можно использовать как самостоятельные. Это 8-я танковая и 81-я моторизованная дивизии 4-го механизированного корпуса, 10-я танковая дивизия 15-го механизированного корпуса, 12-я танковая и 7-я моторизованная дивизии 8-го механизированного корпуса, 15-я танковая дивизия 16-го механизированного корпуса. Только эти соединения были хотя бы теоретически эквивалентны немецким танковым дивизиям, были способны выполнять маневры, полагающиеся подвижному соединению. Остальные не имели для этого достаточного количества автомашин. Итого четыре танковых и две моторизованных дивизии.

Это вполне сравнимо с числом подвижных соединений 1-й танковой группы, состоявшей из пяти танковых — 9, 11, 13, 14 и 16-й трех моторизованных дивизий — 16-й, 25-й и моторизованной дивизии СС «Викинг». В качестве 1/2 моторизованной дивизии можно посчитать моторизованную пехотную бригаду СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Если мы сравним не количество танков противоборствующих сторон, а организационные структуры, то количество самостоятельных механизированных соединений КОВО и 1-й танковой группы вполне соразмерны друг другу.

4-й механизированный корпус. Представлять участников сражения имеет смысл с сильнейшего. С точки зрения укомплектованности новыми танками 4-й механизированный корпус был безусловным лидером. Он подчинялся 6-й армии И.Н. Музыченко и располагался в львовском выступе, в районе Львова. Командиром корпуса к началу войны был А.А. Власов, впоследствии попавший в плен и ставший одним из организаторов РОА. Этот факт наложил свой отпечаток на освещение действий 4-го мехкорпуса в июне 1941 г. Его практически не упоминали, хотя наличие в его составе большого количества новых танков не было секретом. Укомплектованность соединений корпуса материальной частью характеризовалась следующими цифрами (см. таблицу на с.18).

Следует отметить, что численность танкового парка корпуса в целом не есть сумма численностей танкового парка соединений, а включает в себя также корпусные части. Для полноты картины информация бралась из разных источников.

Укомплектованность личным составом ха-рактеризовалась следующими цифрами. 8-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9456 человек. Из них рядо-

Экранированный Т-28 одного из мехсоединений Юго-Западного фронта. Дополнительная бронезащита увеличивала толщину лобовой брони до 50—60 мм и бортовой — до 40 мм. Однако возросшая до 32 тонн масса существенно снижала маневренность танка

Застрявший в болоте КВ-2. Судя по отсутствующему «яблоку» пулемета в лобовом листе корпуса, танк пытались взорвать

Наличие боевых и вспомогательных машин в 4-м механизированном корпусе на 22.06.41 г.

	8-я тд*	32-я тд*	81-я мд**	Всего**
КВ	52 (33 КВ-2)/50	20/49	—	72
Т-34	140/140	22/173	—	242
Т-28	72/68	—	—	72
БТ-7	206/31	0/31	238	355
Т-26	12/20	128/70	—	160
Т-26 огнеметн.	15/16	1/нд	—	18
Т-27	35/60	38	—	98
БА-10	57/57	9/27	18	89
БА-20	52/34	10/17	25	81
ФАИ	5/5	—	—	5
Автомашин	1205/1246	52/417	1094	2864
Тракторов	74/84	5/46	122	291
Мотоциклов	136/177	80/94	140	1050

* — в числителе по документам 6 А и ГАБТУ на 15 апреля и 1 мая 1941 г., в знаменателе — на 22 июня по отчету командира дивизии по итогам боевых действий
** — по документам 6 А и ГАБТУ на 15 апреля и 1 мая 1941 г.

Наличие боевых и вспомогательных машин в 8-м механизированном корпусе на 22.06.41 г.

	12 тд*	34 тд**	7 мд***	Корпус целиком****
КВ	57/58	14/7(+48 Т-35)	—	71(+48 Т-35)
Т-34	100/98	—	—	100
БТ-7	128(4 БТ7А)/83	23/26	85	242
БТ-5	15/-	—	12	20
БТ-2	6(пулем.)/-	—	11	15
Т-26	41/56	233/	—	290
Т-26 огнеметн.	20/-	30/	—	50
Т-37—38—40	7 Т-37/-	4/	19	40
БА-10	56/54	—	18	99
БА-20	28/25	13/нд	29	75
БА-6	—	—	3	3
ФАИ	8/-	7/нд	—	7
Автомашин	1197/1188	532/649	1053	3385
Тракторов	89/70	24/нд	165	312
Мотоциклов	34/49	47/нд	139	444

* — в числителе, по данным ГАБТУ на 1 мая 1941 г., в знаменателе на 22 июня 1941 г., по отчету дивизии по итогам боев.
** — в числителе, по данным ГАБТУ на 1 мая 1941 г., в знаменателе число вышедших в бой 22 июня 1941 г., по отчету дивизии.
*** — по данным ГАБТУ, на 1 мая 1941 г.
**** — на 22 июня 1941 г., по отчету корпуса по итогам боев.

вых первого года службы было 3669 человек, второго года службы — 2887 человек, третьего года службы — 22 человека. 32-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9189 человек. Рядовых первого года службы было 6270 человек, второго года службы — 1367 человек. 81-я моторизованная дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 10 588 человек, в том числе рядовых первого года службы 3484 человека, второго года службы — 4483 человека и третьего года службы — 28 человек. По своему качественному составу она выбивалась из ряда других дивизий большим количеством рядовых второго года службы.

8-му механизированному корпусу было суждено стать одним из главных и наиболее знаменитых участников дубненских боев не в последнюю очередь ввиду широко известных мемуаров комиссара корпуса Н.К. Попеля «В тяжкую пору», которые были даже частично экранизированы Н. Озеровым.

12-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9488 человек, в том числе рядовых первого года службы — 4485 человек, второго года службы — 2171 человек, третьего года службы — 20 человек.

34-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9928 человек, данные о распределении по годам службы отсутствуют.

7-я моторизованная дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 10 511 чел. Рядовых первого года службы было — 5487, второго года службы — 2334, третьего года службы — 15.

15-й механизированный корпус еще по предвоенным планам получил статус резерва командования округа. В связи с этим с первого дня войны, можно даже сказать с первых часов войны, он управлялся непосредственно из штаба преобразованного в Юго-Западный фронт округа.

10-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9526 человек. Рядовых первого года службы было — 3201 человек, второго года службы — 3510 человек, третьего года службы — 20 человек.

37-я танковая дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 9148 человек. Рядовых первого года службы было — 6329 человек, второго года службы — 1128 человек, третьего года службы — 36 человек.

212-я моторизованная дивизия на 1 июня 1941 г. насчитывала 10 254 человека, в том числе рядовых первого года службы — 6031 человек, торого года службы — 2284 человека и третьего года службы — 3 человека.

Состав остальных механизированных корпусов был не столь разнообразным, поэтому можно свести данные по ним в одну таблицу.

По приведенным данным хорошо видно, что укомплектованность автотранспортом механизированных корпусов формирования весны 1941 г. была очень низкой. Вследствие этого их маневренные возможности были достаточно условными.

Помимо обычной, растиражированной тысячными сериями техники в механизированных корпусах последней волны формирования попадались экзотические образцы. При объединении всех имевшихся в Красной Армии танков в механизированные корпуса в 22-й мехкорпус попали так называемые «телетанки» — радиоуправляемые Т-26. Группа «телетанков» состояла из ТУ — «танка управления» и собственно ТТ — «телетанка», управляемого по радио. Их в 22-м мехкорпусе не стали распределять по дивизиям, а подчинили непосредственно штабу корпуса в составе 152-го отдельного танкового батальона. Всего на 22 июня в батальоне имелось 28 Т-26ТУ, 28 Т-26ТТ и 17 Т-26ТС*. Еще 6 Т-26ТС числились при штабе корпуса. Под таким обозначением (Т-26ТС) выпускались Т-26 в варианте транспортера горючего.

Наличие боевых и вспомогательных машин в 15-м механизированном корпусе на 22.06.41 г.

	10 тд*	37 тд*	212 мд**	Корпус целиком***
КВ	63/63	-/1	—	64/64
Т-34	20/37	-/34	—	20/69
БТ-7	171/147	-/258	32	360/418
БТ-2—5	—	—	—	—
Т-28	45/44	—	—	55/44
Т-26	15/19	22/22	5	50/45
Т-26 огнеметн.	8/8	1/1	—	8/-
БА-10	56/53	14/нд	18	76/106
БА-20	31/19	10/нд	2	42/46
БА-6	—	—	—	—
ФАИ	—	—	—	9/нд
Автомашин	1166/864	24/нд	165	1663/нд
Тракторов	73/нд	10/нд	47	155/нд
Мотоциклов	49/нд	0/нд	0	0/нд

* — в числителе, по данным ГАБТУ на 1 мая 1941 г., в знаменателе — по отчету командира дивизии на 22 июня 1941 г

** — По данным ГАБТУ, на 1 мая 1941 г.

*** — В числителе, по данным ГАБТУ на 25 апреля — 1 мая 1941 г., в знаменателе на 22 июня 1941 г. — по отчету командира корпуса по итогам боев.

Авиация. Военно-воздушные силы Киевского особого военного округа к началу войны состояли из одиннадцати смешанных авиадивизий, включавших:

24 истребительных авиаполка — 1166 самолетов (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153);

15 бомбардировочных авиаполков — 587 самолетов (68 Пе-2, 23 Ар-2, 49 Як-2—4, 214 СБ, 114 Су-2 и 119 ДБ-3Ф);

5 штурмовых авиаполков — 197 самолетов (81 И-153, 111 И-15бис, 5 Ил-2).

Кроме того, непосредственно штабу ВВС округа подчинялись 2 разведывательных полка — 53 самолета (31 Як-4, 22 СБ).

Всего, таким образом, авиация округа насчитывала 2003 самолета. Хорошо видно, что парк авиации был довольно разношерстным. Он включал как безнадежно устаревшие машины, так и самолеты новейших типов. Штурмовая авиация вооружалась списываемыми из истребительных полков бипланами И-153 и И-15бис. Штурмовиков специальной постройки было очень мало, и их попросту не успели освоить.

Командирами авиадивизий и авиаполков ВВС ЮЗФ зима 1940—41 г. очень слабо была использована для проведения боевой подготовки с полетами. В результате молодые летчики в своем подавляющем большинстве летали мало и введены в строй не были. Достаточно короткий период напряженной летной работы в мае — июне 1941 г. не обеспечил их подготовки к боевым действиям.

При перевооружении частей ВВС КОВО на новые самолеты некоторые старые, хорошо сколоченные авиаполки (52-й ББАП, 48-й ББАП и др.) к началу боевых действий не имели необходимого количества самолетов новых типов, а старая матчасть была взята для новых формирований. На практике это выражалось в следующем. 48-й бомбардировочный авиаполк имел 42 самолета (34 Пе-2 и 8 СБ) на 67 пилотов, 52-й — 36 самолетов (15 Пе-2 и 21 СБ) на 60 пилотов, 86-й — 44 самолета (9 Пе-2 и 35 СБ) на 66 пилотов. При этом в период, непосредственно предшествовавший войне, новыми самолетами экипажи перевооружавшихся полков полностью не овладели. В результате боеспособность изначально хорошо слетанных полков была пониженной. В свою очередь, их старые самолеты попали в руки молодых пилотов формируемых полков, не имевших достаточной подготовки.

Гораздо худшей была ситуация с системой базирования авиации округа. В связи с развернувшимся в 1941 г. на аэродромах ВВС КОВО строительства взлетно-посадочных полос значительная часть аэро

Истребитель И-153 с поврежденным крылом. Эти бипланы были самым многочисленным типом самолета в КОВО, 493 машины из 2003, имевшихся к началу войны

* 1 ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7, т. 2, л. 453

Состав 22, 9 и 19-го механизированных корпусов КОВО на 1 июня 1941 г.

Дивизия	Танки							Артиллерия				Транспорт		
	КВ	Т-34	БТ	Т-26	Огнеметные	Плавающие	Всего	76-мм пушки	37-мм зенитные пушки	152-мм гаубицы	122 мм гаубицы	Автомашины	Тракторы	Мотоциклы
Полагалось по штату военного времени														
тд	63	210	26	22	54		375	4	12	12	12	1360	84	380
мд	—	—	258	—	—	17	275	16	8	12	16	1587	128	159
22-й механизированный корпус														
41-я тд	31*	—	—	342	41	1	415	4	4	4	12	682	15	—
19-я тд	—	—	34**	122***	7		163	4	4	12	12	295	52	10
215-я мд	—	—	129	—	—	—	129	8	4	8	24	405	62	—
9-й механизированный корпус														
20-я тд	—	—	30	3	3	—	36	4	4	12	12	244	38	10
35-я тд	—	—	—	141	1	—	142	—	4	4	6	188	7	—
131-я мд	—	—	104	—	—	18	122	16	4	8	16	595	69	17
19-й механизированный корпус														
40-я тд	—	—	—	19	—	139	158	—	4	4	8	157	5	—
43-я тд	5	2	—	230	—	—	237	4	4	12	12	630	15	18
213-я мд	—	—	—	42	—	13	55	8	4	—	4	140	47	—

* — все КВ-2
** — 6 БТ-7 линейных, 6 БТ-7 радио, 14 БТ-5 линейных, 3 БТ-5 радио, 5 БТ-2 пулеметных со спаркой ДА (ЦАМО, ф. 3018, оп.1, д. 11, л.189).
*** — 47 однобашенных радийных, 75 однобашенных линейных

дромов приграничной полосы была на 22 июня непригодна для производства полетов. Летные части запасных аэродромов не имели и вынуждены были оставаться на ранее занимаемых аэродромах даже под угрозой их атаки противником.

Укрепленные районы. Одним из самых масштабных проектов военного строительства 1940—1941 гг. было сооружение на новой границе укреплений, получивших неофициальное наименование «линия Молотова» (см. таблицу). Летом 1940 г. была заложена система УРов, по количеству сооружений не уступающая «линии Мажино». По плану «линия Молотова» должна была состоять из 5807 сооружений. Для сравнения: «линия Мажино»— это около 5600 сооружений, а «линия Сталина» — 3817 сооружений, из которых было построено 3279. Причем на новой границе строились более совершенные укрепления с казематами Ле Бурже фланкирующего огня, почти половина из которых должна была стать артиллерийскими. Да и боевые характеристики самих сооружений были несравнимо выше. Укрепления «линии Сталина» по сравнению с ДОТами «линии Молотова» были словно Т-26 рядом с Т-34. Однако всем этим амбициозным замыслам суждено было сбыться лишь частично. Успели построить только около четверти сооружений, а построенные не получили линий связи, не были замаскированы и обсыпаны землей. В сравнении с другими участками «линии Молотова» УРы на территории КОВО были в наибольшей готовности как по числу боеспособных сооружений, так и по общему проценту готовности. Большинство УРов КОВО попали в полосу немецкого наступления и оказали определенное влияние на развитие событий в первые дни войны.

Вставший «на попа» в ходе вынужденной посадки истребитель И-16. Проблема аварийности полетов довольно остро стояла в Киевском округе перед войной

Последние мирные дни. До начала июня политическая обстановка не давала однозначного ответа о намерениях немцев. Данные разведки не давали внятного ответа о направленности немецких устремлений, а на

Укрепленные районы «линии Молотова» на территории КОВО

Наименование УР	Фронт, км	Глубина, км	Количество узлов обороны	Количество ДОС			Количество ОПУЛАБ*	
				В стадии строительства	Построенные	Боеготовые	Развернутые в УР	Предполагалось дополнительно развернуть в УР в 1941 г.
Ковельский	80	5—6	9	138	Нет**	—	2	—
Владимир-Волынский	60	5—6	7	141	97	97	4	2
Струмиловский	45	5—6	5	180	84	84	4	1
Рава-Русский	90	5—6	13	306	95	95	3	2
Перемышльский	120	4—5	7	186	99	99	2	1

* — ОПУЛАБ — это отдельный пулеметно-артиллерийский батальон.
** — в Ковельском УРе была оборудована только полоса обеспечения (предполье), проходившая вдоль государственной границы и состоявшая из 14 батальонных районов и одного отдельного ротного опорного пункта.

дипломатическом поприще царило гробовое молчание. 14 июня 1941 г. советским руководством был предпринят внешнеполитический демарш, в «Известиях» было опубликовано сообщение ТАСС, эзоповым языком дипломатов призывавший немцев к переговорам.

Одновременно были предприняты шаги по повышению готовности к войне армии. Ближе к границе выдвигались «глубинные» стрелковые корпуса. Они с 18 июня находились на марше и подходили в районы: 31-й ск (200, 193, 195-й сд) — Карпиловка, Березно, Кобылье; 36-й ск (228, 140, 146-я сд) — Дубровка, Лабунь, Староконстантинов; 37-й ск (141, 80, 139-я сд) — Ямполь, Волочиск. Янов; 55-й ск (169, 130, 189-я сд) — Нов. Ушица, Шпиков, Могилев-Подольский; 49-й ск — две стрелковые дивизии (190-я 197-я) перевозились по железной дороге в район Гусятин, Ярмолинцы и 199-я сд подходила в район Погребище (походом). Непосредственно в дубненских боях из этих корпусов примут участие подразделения 31-го и 36-го корпусов. Выдвигались к границе и стрелковые соединения армий прикрытия. В течение 16—18 июня были сняты с полигонов и выдвинуты ближе к границе 45-я и 62-я стрелковые дивизии 5-й армии и 41-я стрелковая дивизия 6-й армии. 18 июня получила приказ на выдвижение в освободившийся после ухода 62-й дивизии лагерь Киверцы (у Луцка) 135-я стрелковая дивизия 5-й армии. 19 июня из Генерального штаба было получено распоряжение о создании на базе управления КОВО управления Юго-Западного фронта и о передислокации его в Тарнополь. Вечером 20 июня убыл в Тарнополь железнодорожный эшелон штаба округа, а на следующий день выехала автоколонна с оставшейся техникой и людьми. Фактически выполнялись мероприятия, заложенные в план прикрытия. Управление округа должно было переместиться в Тарнополь на второй день мобилизации.

Но все эти меры запоздали. Немецкое командование уже успело сосредоточить у границ округа силы вторжения. Последним аккордом развития ситуации стал сапер из 75-й пехотной дивизии Альфред Лисков, перешедший к нам вечером 21 июня в полосе 5-й армии. Он сообщил о готовящемся на утро 22 июня наступлении немецких войск. О перебежчике было немедленно сообщено М.А. Пуркаевым в Москву Г.К. Жукову. Эта информация оказалась последней каплей. До этого с 19.00 Политбюро в Кремле выслушало достаточно тревожный доклад вернувшегося из Берлина военно-морского атташе Воронцова. Прибывший на заседание в 20.50 Г.К. Жуков подлил масла в огонь сообщением о Лискове.

Результатом заседания была Директива № 1, гласившая:

«1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО». Войскам предписывалось «быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

В первом часу ночи она дошла до округов, а затем началась ее передача в армии. Существенно удлинила путь директивы в войска необходимость ее расшифровки. Политическое руководство страны решило не вводить планы прикрытия в полном объеме, запретив переход и перелет границы. Поэтому вместо краткого приказа на ввод в действие планов прикрытия передавалась сравнительно пространная телеграмма. В 5-й армии текст директивы был сообщен командарму только в 2 часа 30 минут ночи 22 июня. В начале четвертого М.И. Потапов лично обзвонил командиров корпусов и приказал поднять войска по тревоге. Времени на приведение в боевую готовность войск на направлении главного удара немцев оставалось ничтожно мало.

Машина с предыдущего фото с другого ракурса. «Ишачки» были на втором месте по численности среди самолетов КОВО, 450 из 2003 самолетов

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

В 3.30 22 июня вдоль всей линии границы от Балтики до Черного моря загрохотала артиллерия, и наполнили небо гулом двигатели самолетов. Началась артиллерийская и авиационная подготовка немецкого наступления. Под ее аккомпанемент немецкие спецназовцы захватывали мосты через Буг. Всем группам армий были приданы отдельные роты 800-го полка «Бранденбург», предназначенного для проведения спецопераций. Многие акции осуществлялись солдатами и офицерами, переодетыми в советскую униформу и вооруженными советским оружием. Появление на сцене столь необычных персонажей было отмечено уже в первом донесении управления политпропаганды КОВО, они были названы «диверсионными группами, переодетыми в нашу форму». «Бранденбургом» были захвачены автодорожный мост в Устилуге и железнодорожный мост у Выгоданки (13 км юго-зап. Устилуга). Чего-либо экстраординарного в самом факте захвата мостов «Бранденбургом» нет. Подобные спецоперации проводились и в 1941-м, и в 1942 г. Захват приграничных мостов был первым, но, к сожалению, далеко не последним успехом «учебного полка 800» на Восточном фронте. В первый день войны успеху «брандербуржцев» способствовала обстановка переходного между миром и войной периода.

Для захвата моста через Буг на центральной «панцерштрассе» переодетые в советскую форму диверсанты не использовались. По крайней мере, в весьма подробном отчете действовавшего на этом участке 51-го штурмового саперного батальона они не упоминаются. Мост был захвачен исключительно за счет внезапности нападения: «После артналета в 3.15 ударная группа 3-го взвода под командованием фельдфебеля Пюттихера быстро преодолела собственные проволочные заграждения, достигла противоположного конца моста и перерезала все имевшиеся там провода. Оба стоявших в конце моста русских таможенника были застрелены специально выделенными для этого людьми в самом начале атаки»*. Под «таможенниками», видимо, следует понимать пограничников.

Так или иначе, мосты в основании обеих «панцерштрассе» были захвачены. Однако первыми их пересекли не танки, а штурмовые орудия пехотных дивизий. Только после пробивания в советской обороне достаточно обширной бреши должны были вступить в дело танковые дивизии. Атака передовых позиций прошла успешно. Оскар Мюнцель, автор книги «Танковая тактика», описывает первые минуты войны высоким штилем: «Мощный артиллерийский огонь из тяжелых орудий разрывает клочья тумана. Тут и там за Бугом раздаются взрывы снарядов. В 03.15 пехота начинает наступление. Для врага оно оказалось полной неожиданностью, и он почти не оказывает сопротивления. Важный мост у Сокаля не разрушен и оказался в руках наступающих частей. Форсирование Буга идет безупречно. Пехота поднимается на высокий восточный берег Буга и свободно овладевает еще не достроенными укрепленными позициями захваченного врасплох противника. Его артиллерия ведет редкий огонь, не наносящий никакого ущерба»**.

С куда более серьезными проблемами немецкие пехотинцы сталкиваются, когда после преодоления предполья глубиной около 2 км выходят к основному рубежу «линии Молотова». Темпы продвижения вперед сразу резко снизились. Преодоление укреплений в полосе наступления 57-й пехотной дивизии оказалось возможным только за счет штурмовых действий приданного ей 51-го саперного батальона. Штурмовые орудия оказались не слишком эффективными. В отчете саперного батальона (полностью см. в приложении) сказано:

«Благодаря расположению укреплений, которое неожиданно оказалось исключительно искусным, существовала возможность эффективной взаимной огневой поддержки ДОТов, что могло существенно затруднить атаку. Обстрел ДОТа и амбразур штурмовыми орудиями оказался практически неэффективным из-за хорошего качества бетона и низкого расположения амбразур с мощными сферическими масками. Под огневым прикрытием штурмовых орудий 1-й ударный взвод смог подобраться к ДОТу и первым делом вывел из строя бронированный купол взрывом 6 кг взрывчатки. Поскольку противник в ДОТе ожесточенно сопротивлялся и получал эффективную огневую поддержку из других укреплений, лишь после двухчасового боя удалось путем множества подрывов вывести амбразуру из строя и быстрой атакой подавить сопротивление на входе в бункер»***.

Последовательными атаками, выполненными на высоком профессиональном уровне, 51-му штурмовому саперному батальону удалось проложить дорогу вперед пехотинцам. Не имевшие такой поддержки подразделения 75-й пехотной дивизии были остановлены огнем из ДОТов «линии Молотова», несмотря на поддержку артиллерии вплоть до 21-см мортир. В донесении в штаб 1-й танковой группы потери 75-й пехотной дивизии оцениваются как «тяжелые», в частности было потеряно 8 офицеров, а количество раненых достигло 170 человек. При этом достижения были более чем скромные. Соответственно потери 57-й пехотной дивизии составили 36 убитых и 120 раненых****. Можно смело утверждать, что, если бы на месте вермахта утром 22 июня оказалась любая другая армия, укрепления «линии Молотова» стали бы для нее непреодолимым препятствием, несмотря на отсутствие пехотного заполнения. Собственно, Красной Армии такие укрепления тоже были «не по зубам».

Сопротивление приграничных укреплений позволило выиграть некоторое время на развертывание стрелковых соединений 5-й армии на позиции у границы. Ранним утром полки дивизий 27-го и 15-го стрелковых корпусов были подняты по тревоге и начали выдвижение к границе. Не доходя до нее 10—15 км, они встретились с передовыми и разведывательными частями немцев и в 11.00—13.00 завязали встречное

* NARA T314R1138 f754

** Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verbaende im Ostfeldzug 1941/42. Neckargemuend: Kurt Vowinkel Verlag. 1959. S. 16.

*** NARA T314 R1138 f756.

**** NARA T313 r4 f594.

Обращение Гитлера к солдатам Восточного фронта. С таких отпечатанных типографским способом листков вечером 21 июня командиры рот зачитывали обращение солдатам, которым предстояло через несколько часов сделать первые выстрелы в войне с СССР

Soldaten der Ostfront!

Von schweren Sorgen bedrückt, zu monatelangem Schweigen verurteilt, ist nun die Stunde gekommen, in der ich zu Euch, meine Soldaten, offen sprechen kann.

Als das Deutsche Reich am 3. September 1939 die englische Kriegserklärung erhielt, wiederholte sich aufs neue der britische Versuch, jeden Beginn einer Konsolidierung und damit eines Aufstiegs Europas durch den Kampf gegen die stärkste Macht des Kontinents zu vereiteln.

So hat England einst in vielen Kriegen Spanien zugrunde gerichtet.

So führte es seine Kriege gegen Holland.

So bekämpfte es mit Hilfe von ganz Europa später Frankreich.

Und so begann es um die Jahrhundertwende die Einkreisung des damaligen Deutschen Reiches und im Jahr 1914 den Weltkrieg.

Nur durch seine innere Uneinigkeit ist Deutschland im Jahre 1918 unterlegen.

Die Folgen waren furchtbar.

Nachdem man erst heuchlerisch erklärte, allein gegen den Kaiser und sein Regime gekämpft zu haben, begann man nach der Waffenniederlegung des deutschen Heeres mit der planmäßigen Vernichtung des Deutschen Reiches. Während sich die Prophezeiungen eines französischen Staatsmannes, daß in Deutschland 20 Millionen Menschen zuviel seien, dh. durch Hunger, Krankheiten oder Auswanderung beseitigt werden müßten, scheinbar wörtlich erfüllten, begann die nationalsozialistische Bewegung ihr Einigungswerk des deutschen Volkes und damit den Wiederaufstieg des Reiches einzuleiten.

Diese neue Erhebung unseres Volkes aus Not, Elend und schmählicher Mißachtung stand im Zeichen einer rein inneren Wiedergeburt.

Besonders England wurde dadurch nicht berührt oder gar bedroht.

Trotzdem setzte die neue haßerfüllte Einkreisungspolitik gegen Deutschland augenblicklich wieder ein. Innen und außen kam es zu jenem uns bekannten Komplott zwischen Juden und Demokraten, Bolschewisten und Reaktionären mit den einzigen Zielen, die Errichtung des neuen deutschen Volksstaates zu verhindern, das Reich erneut in Ohnmacht und Elend zu stürzen.

Neben uns traf der Haß dieser internationalen Weltverschwörung jene Völker, die ebenso vom Glück übersehen, im härtesten Daseinskampf das tägliche Brot zu verdienen gezwungen waren. Vor allem Italien und Japan wurde der Anteil an den Gütern dieser Welt genau so wie Deutschland bestritten, ja förmlich verboten. Der Zusammenschluß dieser Nationen war daher nur ein Akt des Selbstschutzes gegenüber der sie bedrohenden egoistischen Weltkoalition des Reichtums und der Macht.

Allein schon 1936 erklärte Churchill nach den Aussagen des amerikanischen Generals Wood vor einem Ausschuß des amerikanischen Repräsentantenhauses, daß Deutschland wieder zu mächtig würde und daher vernichtet werden müsse.

Im Sommer 1939 schien England der Zeitpunkt gekommen, die erneut beabsichtigte Vernichtung mit der Wiederholung einer umfassenden Einkreisungspolitik Deutschlands beginnen zu können.

Das System der zu dem Zweck veranstalteten Lügenkampange bestand darin, andere Völker als bedroht zu erklären, sie mit englischen Garantie- und Beistandsversprechen erst einmal einzufangen und dann so wie vor dem Weltkrieg gegen Deutschland marschieren zu lassen.

So gelang es England, vom Mai bis August 1939 in die Welt die Behauptung zu lancieren, daß Litauen, Estland, Lettland, Finnland, Bessarabien sowohl als die Ukraine von Deutschland direkt bedroht seien. Ein Teil der Staaten ließ sich verleiten, das damit verbundene britische Garantieversprechen anzuehmen und ging damit in die Einkreisungsfront Deutschlands über.

Unter diesen Umständen glaubte ich es vor meinem Gewissen und vor der Geschichte des deutschen Volkes verantworten zu können, nicht nur diesen Ländern bzw. ihren Regierungen die Unwahrheit der vorgebrachten britischen Behauptungen versichern zu müssen, sondern darüber hinaus die stärkste Macht des Ostens noch besonders durch feierliche Erklärungen über die Grenzen unserer Interessen zu beruhigen.

Ihr werdet es verstehen, meine Soldaten, daß dieser Schritt für mich ein bitterer und schwerer war. Niemals hat das deutsche Volk gegen die Völkerschaften Rußlands feindselige Gefühle gehegt. Allein seit über zwei Jahrzehnten hat die jüdisch-bolschewistische Machthaberschaft von Moskau aus versucht, nicht nur Deutschland, sondern ganz Europa in Brand zu stecken. Nicht Deutschland hat seine nationalsozialistische Weltanschauung nach Rußland getragen, sondern die jüdisch-bolschewistischen Machthaber in Moskau haben unentwegt versucht, unserem und den anderen europäischen Völkern ihre Herrschaft aufzuoktroyieren, und dies nicht nur geistig, sondern vor allem auch machtmäßig.

Die Folgen dieses Regimes aber waren in allen Ländern nur das Chaos, Elend und Hungersnot. Ich habe mich demgegenüber seit zwei Jahrzehnten bemüht, mit einem Minimum an Eingriffen und ohne jede Zerstörung zu einer neuen sozialistischen Ordnung in Deutschland zu kommen, die nicht nur die Arbeitslosigkeit beseitigt, sondern auch den Gewinn der Arbeit steigend den schaffenden Menschen immer mehr zufließen läßt.

Die Erfolge dieser Politik der wirtschaftlichen und sozialen Neuordnung unseres Volkes, die als letztes Ziel einer wahren Volksgemeinschaft zustrebt, sind in der ganzen Welt einmalige.

Es war daher für mich eine schwere Überwindung, meinen Minister nach Moskau zu schicken, um dort zu versuchen, die britische

сражение на нескольких направлениях при отсутствии сплошного фронта. Наиболее удачным с точки зрения реальной обстановки оказалось положение 87-й стрелковой дивизии. Полки соединения в походных колоннах выдвинулись к атакованному пехотой III моторизованного корпуса немцев Владимир-Волынскому и вступили в бой в плотных боевых порядках. По приказу командующего 5-й армии М.И. Потапова дивизии были приданы два танковых батальона из состава 41-й танковой дивизии. Тем самым уже в первые часы войны произошел фактический отказ от предвоенной идеи ликвидации танков поддержки пехоты — дивизии мехкорпусов формирования весны 1941 г. начали раздергиваться побатальонно для придания их стрелковым соединениям. Танки Т-26 41-й танковой дивизии получали те же задачи, которые им пришлось бы выполнять в составе танковых бригад, из которых, собственно, и формировалась дивизия. Командир 87-й стрелковой дивизии генерал Алябушев принял решение контратаковать плацдарм немцев у Устилуга (западнее Владимира-Волынского) и тем самым предотвратить захват города и развитие наступления вдоль шоссе. Дивизия наступала двумя полками, оставив третий в резерве для прикрытия фланга, поскольку сосед слева у соединения отсутствовал. Два танковых батальона Т-26 были приданы 96-му стрелковому полку. Противником дивизии Ф.Ф. Алябушева стала 298-я пехотная дивизия. В результате боя 87-я стрелковая дивизия смогла потеснить немцев на 6—10 километров к западу от Владимира-Волынского.

В такой же капкан попала вторая советская стрелковая дивизия, оказавшаяся в полосе наступления XXXXVIII моторизованного корпуса. 124-я стрелковая дивизия Ф.Г. Сущего была поднята по тревоге и подобно своим собратьям от Балтики до Карпат начала выдвижение к границе. Уже в 9 утра 622-й стрелковый полк дивизии вступил в бой с передовыми частями 111-й пехотной дивизии. Вскоре все три полка втянулись в бои с наступающими немецкими пехотными дивизиями, на каждый полк пришлось по одной из них. Главным козырем 124-й дивизии стал 21-й корпусной артиллерийский полк 27-го корпуса, вооруженный двадцатью 122-мм пушками А-19 и сорока восемью 152-мм гаубицами-пушками МЛ-20.

Но в отличие от оказавшейся в нужное время в нужном месте дивизии Ф.Ф. Алябушева, соединение Ф.Г. Сущего выдвигалось к границе и вступило в бой в стороне от основной транспортной магистрали. Однако именно уходившее от Сокаля на восток шоссе стало осью для удара немецких танков. Несмотря на то что в 5.00 утра сражение за ДОТы «линии Молотова» было в самом разгаре, командир XXXXVIII моторизованного корпуса Вернер Кемпф именно в это время поднимает вопрос об использовании 11-й танковой дивизии. Кемпф считал, что пришло время ввести ее в сражение и, пользуясь определенной растерянностью советских войск, прорваться в глубину их обороны. Начальник штаба корпуса немедленно обращается к начальнику оперативного отдела 1-й танковой группы, информируя его о намерении Кемпфа подтянуть 11-ю танковую дивизию ближе к Бугу. Его ждет неприятный

Огонь ведет немецкая 210-мм гаубица Moerser 18. ДОТы «линии Молотова» оказались этим мощным орудиям «не по зубам»

Кемпф еще несколько раз запрашивает штаб танковой группы об использовании моторизованным корпусом хотя бы одного подвижного соединения. Только в 11.22 он получает соответствующее разрешение. Ближе к полудню приказ добирается до командира 11-й танковой дивизии. Кемпф ставит Крювелю весьма амбициозную задачу — «захватить переправы через Стырь в Шуровищах и Берестечко». Это означает прорыв сразу на большую глубину. Первые проблемы оказываются предсказуемыми и неизбежными, несмотря на все принятые меры. В журнале боевых действий XXXXVIII корпуса появляется запись: «Серьезные помехи возникают, поскольку пехотные дивизии вопреки жестким приказам продолжают использовать шоссе и загромождают дорогу». Несмотря на выстраданную концепцию «панцерштрассе», высвобождение дорог в нужное время оказывается нетривиальной задачей.

Получив одну танковую дивизию и протолкнув ее вперед, Вернер Кемпф пытается настаивать на вводе в бой еще одного подвижного соединения, по параллельному маршруту через Крыстынополь, в полосе соседнего XXXXIV корпуса. Мост через Буг у Крыстынополя был захвачен неповрежденным, и, несмотря на обстрел шоссе из сохранивших боеспособность ДОТов, техническая возможность его использовать все же имелась. Однако Кемпф получает категорический отказ, еще одну танковую дивизию ему обещают дать, «только когда корпус продвинется достаточно далеко».

Политика Клейста относительно ввода в бой танковых соединений после достаточно глубокого продвижения пехоты была единой для наступлений по северной и центральной «панцерштрассе». Почти синхронно с 11-й танковой дивизией под Сокалем, в 13.00 22 июня на плацдарм у Устилуга переправилась 14-я танковая дивизия корпуса Э. фон Маккензена. Ее появление резко изменило баланс сил в сражении у Владимира-Волынского. Кроме того, получила свое развитие общая неблагоприятная обстановка вступления в бой дивизий армий прикрытия. Сконцентрировав усилия против оси немецкого удара в районе шоссе, проходящего через Владимир-Волынский, командир 87-й дивизии одновременно оставил ничем не прикрытым более чем 20-километровый разрыв с соседом слева, 124-й стрелковой дивизией. В этом промежутке форсировали Буг и завязали бои с гарни-

сюрприз: выясняется, что Клейст оставил право принимать решения об использовании единственной танковой дивизии в составе XXXXVIII корпуса за собой. В приказе танковой группы на наступление от 18 июня 1941 г. это не было отражено в явном виде, и командование корпуса узнает об этом только утром 22 июня, когда уже гремят пушки. Фактически Кемпфу было сказано, что он является командиром моторизованного корпуса из двух пехотных дивизий, обильно усиленных артиллерией. Клейст не просто осторожничал. Командование танковой группы убеждено в существовании второго рубежа русской обороны, т.е. имело довольно смутные представления о системе советской обороны в полосе своего наступления. Соответственно, по мысли Клейста, танковые дивизии не должны понести потери в ходе прорыва еще одного укрепленного рубежа. В связи с этим заявка Кемпфа на использование 11-й танковой дивизии попросту отклоняется.

Тем временем общее развитие событий не подтверждает версию о наличии второй полосы обороны.

«Танки — вперед!»
Пехота ждет на обочине, пока пройдет колонна моторизованного подразделения

Танки Pz.II выдвигаются на исходные позиции. Эта устаревшая по меркам 1941 г. боевая машина все еще интенсивно использовалась в вермахте

зонами ДОТов «линии Молотова» 44-я и 299-я пехотные дивизии. Если для 44-й дивизии, формировавшейся в Австрии, ДОТы оказались «крепким орешком» (бои соединения на них характеризовались вечером в ЖБД ГА «Юг» как «локальные неудачи»), то вторая дивизия успешно их преодолела и к вечеру 22 июня продвинулась на 10—15 км юго-восточнее Владимира-Волынского. Тем самым фланг 87-й стрелковой дивизии был глубоко обойден слева.

Подразделение 1-й танковой группы на марше. На коляске мотоцикла видна буква «К» — знак принадлежности к 1-й танковой группе Э. фон Клейста. Машины 2-й танковой группы Гудериана несли знак «G», 4-й танковой группы Гёпнера — «Н»

Командирский танк 9-й танковой дивизии. Пулеметная установка в лобовой плите корпуса заглушена, на корме установлена рамочная антенна мощной радиостанции

Командующий 6-й армией И.Н. Музыченко активно использовал подчиненную ему авиацию для разведки обстановки и появление крупных сил противника у Сокаля, и их вклинение в восточном направлении не могло не вызвать беспокойства командарма-6. В 15.00 штаб 6-й армии приказывает командиру 4-го механизированного корпуса выделить два батальона средних танков от 32-й танковой дивизии и один батальон мотопехоты от 81-й моторизованной дивизии для уничтожения противника в районе Радзехова. Фактически это была посылка силовой разведки с целью прояснения обстановки на правом фланге армии. Возглавил группу подполковник Лысенко (командир 323-го мотострелкового полка 81-й моторизованной дивизии). Такой же передовой отряд был направлен еще утром 22 июня из 15-го мехкорпуса. Он состоял из 3-го танкового батальона 20-го танкового полка 10-й танковой дивизии, усиленного 2-м батальоном 10-го мотострелкового полка дивизии. Отряд в 9.50 вышел из Золочева с задачей ликвидировать немецкий авиадесант в районе Радзехов (скорее всего, просто пилоты сбитого немецкого бомбардировщика, выбросившиеся с парашютами). Так в район Радзехова было направлено два небольших, но вооруженных новейшими танками отряда механизированных частей Юго-Западного фронта.

Начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта вспоминал: «В 15 часов мы должны были послать в Москву свое первое донесение. Я занялся составлением его. Это был, пожалуй, самый трудный отчетный документ за всю мою штабную деятельность. Обстановка оставалась попрежнему неясной: каково истинное поло-

Еще один командирский танк. Нагруженные на башню канистры должны были обезопасить от остановок из-за нехватки горючего в глубоких прорывах

Группа немецких танков выдвигается на исходные позиции для атаки. Обратите внимание, что в одной группе техники есть и танки, и десант пехоты на них, и противотанковое орудие

жение армий, где враг наносит главный удар, каков его замысел — обо всем этом можно было лишь строить догадки. И наше первое боевое донесение в Москву было полно общих мест и неясностей»*.

Действительно, раздел «Выводы» первой разведсводки Юго-Западного фронта вовсе не выглядел устрашающим:

«1. Противник перешел госграницу на фронте Влодава, Перемышль и Липканы, Виковерхня (10 км северо-западнее Рэдэуци) в составе:

луцкое направление — четыре-пять пехотных дивизий и танковая дивизия;

рава-русско-львовское направление — три-четыре пехотные дивизии с танками;

перемышль-львовское направление — две-три пехотные дивизии;

черновицкое направление — четыре румынские пехотные дивизии»**.

Хорошо видно, что силы немцев недооценены. Наступающие на главном направлении — на стыке между 5-й и 6-й армиями, — силы вторжения не отличаются в разведсводке от действующих на направлении вспомогательном.

Однако помимо донесений из войск, у командования ставшего фронтом особого округа был такой мощный инструмент освещения обстановки, как воздушная разведка. Помимо отражения ударов противника, самолеты авиадивизий летали на разведку. В частности, на разведку к границе летали МиГ-3 28-го авиаполка. Скоростные истребители могли вести разведку, практически не опасаясь противодействия авиации противника. Получив первые донесения из войск и данные воздушной разведки, Кирпонос и Пуркаев встали перед вопросом «что делать?». В условиях удручающе густого «тумана войны» предстояло принимать решения так, чтобы потом не возникло вопроса «кто виноват?». Важнейшим средством в руках командования, позволяющим влиять на обстановку, всегда были резервы. Нельзя сказать, что у штаба фронта был богатый выбор. «Глубинные» стрелковые корпуса, начавшие выдвижение еще до войны, были еще довольно далеко от границы. Так, находившаяся точно на оси немецкого наступления из сокальского выступа 228-я стрелковая дивизия 36-го корпуса утром 22 июня была на дневке в районе Шепетовки, т.е. в 200 км от границы. Однако камень за пазухой, который можно было с ходу швырнуть в коварного врага, у фронта все же был. Резервом, непосредственно подчиняющимся командованию Юго-Западного фронта, был 15-й механизированный корпус И.И. Карпезо.

В первой половине дня 15-й мехкорпус отрабатывал задачи, заготовленные для него еще до войны. Рано утром 22 июня в корпусе была объявлена боевая тревога. Был вскрыт пакет с директивой штаба Киевского особого военного округа № 0013 от 31.5.41 г. Дивизии корпуса стали выходить в районы сосредоточения согласно этой директиве. Директиву № 0013 автору обнаружить не удалось, однако известно содержание директивы № 0015 от 31 мая 1941 г. (точнее, частного боевого приказа штаба КОВО за этим номером) 37-й танковой дивизии корпуса генерала Карпезо. Проще говоря, так называемого «красного пакета», вскрытого командиром дивизии утром первого дня войны. Приказ, напечатанный И.Х. Баграмяном, умещался на одном листе. По сути ставящихся дивизии задач в нем было сказано следующее:

«1. Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск КОВО приграничные части получили задачу — упорной обороной укреплений по линии государственной границы не допустить вторжения пр-ка на территорию округа.

На командном пункте 8-й танковой дивизии 22 июня. Командир соединения полковник П.С. Фотченков (в центре) ставит задачу по карте своим подчиненным

* Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 93

** Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. М., 1958. С. 9—10

Экипаж танка Т-28 получает боевую задачу. Их боевая машина видна на заднем плане, это Т-28 с пушкой Л-10

2. 15-й мехкорпус с 1-й противотанковой бригадой (птабр) — резерв КОВО, сосредотачивается к 24.00 М-1 в р-н Соколувка, Злочув, Броды»*.

Далее давались разъяснения относительно маршрутов выдвижения, маскировки и зенитного прикрытия сосредоточения. Выход 15-го мехкорпуса примерно на разграничительную линию между 5-й и 6-й армиями никак не препятствовал его использованию для стабилизации положения на фронте армии М.И. Потапова. Соответственно около пяти вечера 22 июня 15-му мехкорпусу была поставлена задача совместно с 4-м механизированным корпусом атаковать танковые части противника в районе Радзехов. Поскольку реально могла сосредоточиться для контрудара только обладавшая удовлетворительной подвижностью 10-я танковая дивизия, в 18.00 22 июня именно она получила приказ И.И Карпезо наступать из района своего сосредоточения на северо-запад, с выходом в район Радзехова.

76-мм пушка 3-К из попавшей под удар авиации колонны войск. По четыре таких орудия было в большинстве приграничных дивизий. 3-К была пушкой немецкой разработки, выпускавшейся в СССР по лицензии

Помимо своего резерва, к которому Кирпонос мог обращаться напрямую, командование фронта могло использовать механизированные корпуса, находившиеся в подчинении армий. Штаб фронта не собирался заводить свой «хасирский флот» (так японские моряки называли суперлинкоры «Ямато» и «Мусаси», простоявшие почти всю войну в базе) и не дрогнувшей рукой начал метать на стол козыри в лице наиболее укомплектованных мехсоединений. Соответственно 4-му механизированному корпусу была поставлена задача через командующего 6-й армией. В приказе, подписанном М.А. Пуркаевым говорилось: «Командующий войсками [фронта] приказал командующему 6-й армией частями 4-го механизированного корпуса из района Жулкев нанести сильный контрудар и уничтожить противника совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радзехов»**.

Более того, командарму-6 Музыченко передается из состава 26-й армии 8-й механизированный корпус Д.И. Рябышева. В оперативной сводке штаба фронта прямым текстом указывается его предназначение: «Выводится в район Куровице, Винники, Борыниче в готовности к контратаке мотомеханизированных частей противника, обнаруженных в районе Сокаль». Фактически Рябышев получил приказ в 20.40 22 июня, т.е. намного позже других командиров мехкорпусов.

Фактически командование Юго-Западного фронта ставило задачу с некоторым упреждением. Если противник наступает в направлении на Радзехов, то к моменту сосредоточения мехкорпусов для контрудара он уже будет там. Точно так же бьющий по движущейся цели стрелок не пытается взять на мушку постоянно перемещающийся силуэт, а наводит оружие в расчетную точку на пути мишени. В целом нельзя не отметить очень четких и вполне определенных указаний командования фронта. Особенно впечатляет энергичный сбор мехсоединений с их нацеливанием на сокальскую группировку противника задолго до прибытия Жукова. То есть Кирпонос и Пуркаев действовали без «подсказок» сверху. Истинное авторство идеи сосредоточения против наступающего через Сокаль противника сразу трех мехкорпусов, пожалуй, также останется неизвестным. Косвенно на то, кто был генератором идей в штабе фронта, указывает подпись Пуркаева под приказом, адресованным 6-й армии (перенацелившим 4-й мехкорпус). Хотя он ссылается на указание командующего фронтом, но выглядит этот приказ как подготовленный Пуркаевым самостоятельно, при молчаливом согласии М.П. Кирпоноса.

К сожалению, ценность мемуаров И.Х. Баграмяна, единственного написавшего воспоминания свидетеля

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп .157, д. 7, т. 1, л. 255.
** СБД № 36. С. 10.

Горящий бронеавтомобиль БА-10. Это была одна из самых распространенных машин в округе, БА-10 к началу войны имелось около 700 штук, больше было только Т-26 и БТ

деятельности штаба Юго-Западного фронта в первые недели войны, как исторического источника в данном случае почти нулевая. Он в красках живописует дискуссии в штабе фронта после получения Директивы № 3. Однако Иван Христофорович ни словом не обмолвился о решениях, принятых между 15.00 и 17.00, т.е. задолго до Директивы № 3. Именно они успели попасть в войска до конца дня 22 июня и стали ключом к дальнейшим событиям. Складывается впечатление, что весь день штаб фронта сидел, подперев щеку кулаком, и ждал сока мозга московского начальства. Только когда сгустились сумерки и живительная влага этого сока мозга наконец-то начала изливаться из аппарата Бодо в виде телеграфной ленты, командующий и его штаб начали яростно думать. Это, очевидно, не так, и тому есть вполне зримые документальные подтверждения. Нет, пожалуй, только динамики принятия решений, которая остается в памяти людской и редко находит отражение в документах. Мемуары начальника оперативного отдела штаба фронта дают нам лишь косвенные данные о происходившем днем 22 июня. Если Баграмян правильно описывает расклад сил в штабе фронта, то именно М.А. Пуркаев был наиболее опытным и авторитетным человеком, к мнению которого прислушивались. Соответственно, четкая оценка противника и молниеносная реакция на нее, скорее всего, являлись плодом именно его размышлений.

Также интересно отметить, что в разведывательной сводке штаба фронта, подготовленной в середине дня 22 июня (около 15.00), сокальская группировка противника, т.е. XXXXVIII моторизованный корпус, пока еще не оценивается как представляющая серьезную

Танки КВ-2 и огнеметный Т-26 (справа), оставленные в парке одной из танковых частей Киевского особого военного округа

угрозу. Однако вскоре оценка противника меняется, в составе наступающих на этом направлении вражеских сил обнаруживаются танки и колонны автомашин механизированных соединений. Танки и мотопехота — это удар в глубину. Советское командование было знакомо с состоянием дорожной сети не хуже своих оппонентов из штаба группы армий «Юг». Шоссейные дороги, идущие от Сокаля и Крыстынополя на Радзехов и далее на восток, вполне подходили под ось наступления мехсоединений. Соответственно этим соображениям на Сокаль разворачиваются три механизированных корпуса. Строго говоря, это объективно обусловливалось изменением положения в стане противника. Как уже было сказано выше, танковые дивизии немцы ввели в бой только в середине дня. С учетом задержек в прохождении данных воздушной разведки и донесений из передовых частей это как раз дает нам время 15.00 как переломный момент в принятии решений. Уже в вечерней оперсводке уверенно звучит тема Сокаля: «8-й механизированный корпус (переподчинен из 26-й армии в 6-ю армию) к утру 23.06.41 г. выводится в район Куровице, Винники, Борыниче в готовности к контратаке мотомеханизированных частей противника, обнаруженных в районе Сокаль»*.

Однако после правильной оценки обстановки и принятия правильных решений требовалось еще продавить эти решения вниз. Вопреки распространенному мнению о пронизавшем Красную Армию после репрессий 1937—38 гг. страхе, с беспрекословным исполнением приказов дела обстояли не совсем благополучно. Возможно, в некоторых тактических звеньях страх был (проявляясь по большим государственным праздникам), но в общем случае прямой и недвусмысленный приказ начальства мог быть просто проигнорирован. Именно так обстояло дело с приказом штаба фронта о нанесении контрудара 4-м механизированным корпусом.

Командование фронта ставило задачу на контрудар 4-м механизированным корпусом по сокальской группировке противника, в то время как командарм-6 Музыченко оценивал как очень серьезное положение на своем левом фланге, под Радымно (у Перемышля), на стыке с 26-й армией. Соответственно уже в 18.00 22 июня командир 4-го мехкорпуса А.А. Власов нацеливает свои дивизии именно на это направление: «4-й МК изготавливается к нанесению удара в направлении Краковец, Радымно, с целью уничтожения противника, прорвавшегося в район Дуньковицы». Дуньковицы — это населенный пункт на дороге от Яворова до Радымно. Задача от штаба фронта сразу же получает пониженный приоритет и к Радзехову по приказу Власова отправляются всего два батальона танков 32-й танковой дивизии и батальон мотопехоты от 81-й мотодивизии. Этот отряд уже был направлен ранее, и Музыченко даже не стал его усиливать. Вследствие этого план командования фронта использовать 23 июня 4-й мехкорпус целиком против прорыва у Сокаля был похоронен, не успев родиться. Надо сказать, что своя правда у И.Н. Музыченко все же была. Его стрелковые дивизии были растянуты по фронту, и удары немецких пехотных дивизий вызывали кризисы то там, то здесь, что в конечном итоге вынудило применять танки корпуса А.А. Власова как «пожарную команду».

Помимо командующих армиями, было еще и Верховное командование, успевшее принять решения на основе отправленных в середине дня сводок. Началось прожимание принятых в Москве решений вниз. Напомню, что отправленная в Москву разведсводка штаба фронта противника сильно недооценивала. Сила удара из сокальского выступа занижена в три раза, вместо трех пехотных дивизий указывается всего одна. Появление 11-й танковой дивизии воздушная разведка еще не заметила. Было вскрыто только появление 14-й танковой дивизии у Устилуга. Как ответ на столь благостную картину происходящего, вечером 22 июня из Москвы последовала Директива № 3. Директива была отправлена из Москвы в 21.15. По воспоминаниям Баграмяна, она была получена в штабе фронта в одиннадцатом часу вечера. В ней констатировалось, что «противник, [...] понеся большие потери, достиг небольших успехов», и приказывалось перейти в решительное наступление. Задачи армий Юго-Западного фронта в этом, получившем скандальную известность документе формулировались следующим образом:

«г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А[рмий], не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления»**.

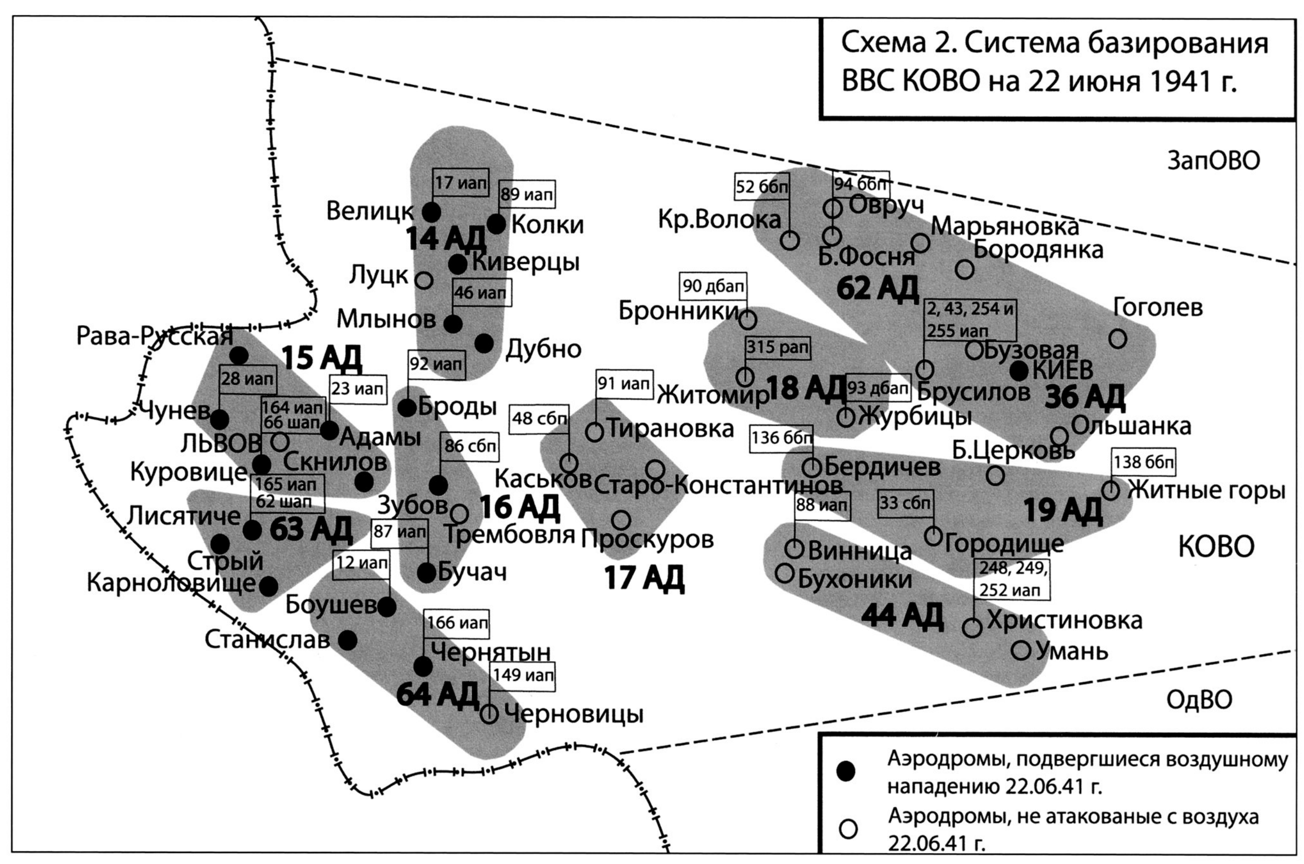
Сегодня для нас текст этой директивы выглядит дикостью. О каком Люблине может идти речь, когда обладающие огромным численным перевесом немецкие войска перемалывают приграничные дивизии? Если задаться вопросом, «соответствовала ли Директива № 3 сложившейся на границах обстановке», то ответ будет однозначным — нет. Но если поставить вопрос подругому: «Соответствовала ли Директива № 3 дневным донесениям округов?», ответ будет положительным. Нельзя не согласиться с начальником оперативного отдела фронта И.Х. Баграмяном: «Невольно подумалось, что оптимизм оценок в документе из центра во многом был навеян и нашими довольно бодрыми донесениями»***.

За несколько часов до получения Директивы № 3 командование фронта уже разобралось в обстановке и отдало необходимые указания, призванные ее стабилизировать. Последнюю за 22 июня директиву из Москвы можно было просто скомкать и отправить в мусорную корзину. Рациональным зерном в ней было, пожалуй, только требование задействовать против наступающей немецкой группировки не менее пяти мехкорпусов. Впрочем, эту идею тоже успели похоронить опять же еще до подготовки директивы № 3 в Москве.

Вскоре после получения Директивы № 3 в штаб фронта прибыли начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков и назначенный членом Военного совета фронта Н.С. Хрущев. Жуков поддержал принятые Кирпоносом и Пуркаевым решения. В отданных

---

* СБД № 36. С. 12.
** 1941 г. Документы. Т. 2. С. 440.
*** Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 112.

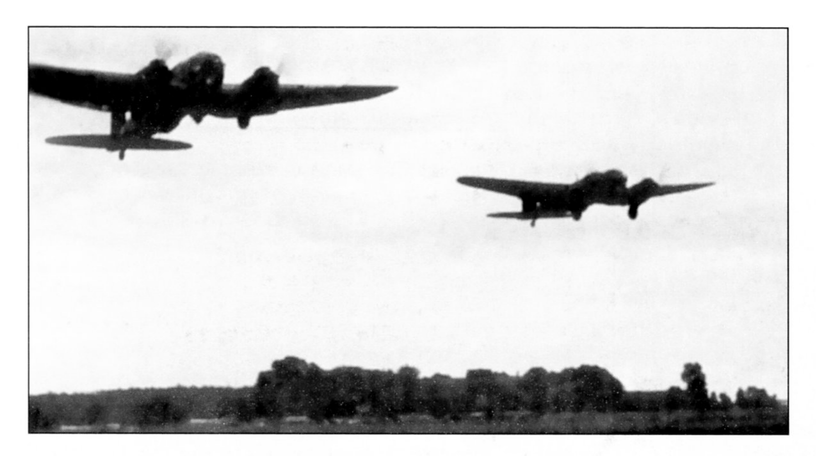
штабом Юго-Западного фронта после получения Директивы № 3 распоряжениях ее влияние никак не просматривается. Напротив, прослеживается понимание сложившейся обстановки и стремление реализовать план по ее стабилизации. В частном боевом приказе № 2, адресованном 6-й армии, Военный совет фронта четко указывает на направления главных ударов 1-й танковой группы: «Противник, введя мотомех. соединения в направлении на Устилуг, Влодзимеж [Владимир-Волынский] и Кристинополь, Радзехов, на фронте 5 армии создал угрозу разрыва фронта обороняющихся частей»*. На телеграмме стоит время: 3.10 23 июня. Далее в приказе командарму-6 предписывалось направить 4-й мехкорпус против наступающих на Радзехов войск противника и обещание поддержать ударом авиаполка бомбардировщиков. Также Музыченко было обещано, что для отражения атак пехоты на фронте его армии будет задействован 8-й мехорпус (у Равы-Русской).

Прибывший из Москвы Жуков прекрасно осознавал сложности с продавливанием приказов вниз и принял деятельное участие в их проведении в жизнь. Баграмян вспоминал: «Жуков поинтересовался, имеем ли мы проводную связь с Музыченко. Получив утвердительный ответ, генерал армии сказал, что побывает у него, а пока переговорит с ним. Кирпонос распорядился немедленно вызвать командующего 6-й армией к аппарату. Выслушав доклад командарма о состоянии войск, о противнике, Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии. Вскоре Г.К. Жуков в сопровождении представителей штаба фронта выехал в 8-й механизированный корпус генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева, чтобы на месте ознакомиться с состоянием его войск и ускорить их выдвижение из района Львова на Броды»**.

Продавливание решения вниз с помощью Жукова возымело эффект. Музыченко в 2.00 ночи 23 июня пишет общий приказ по армии, в котором уже не предусматривается использование 4-го мехкорпуса под Перемышлем и Радымно. В задачах корпуса А.А. Власова речь уже идет о «пархачской механизированной группировке противника». Пархач — это город к югу от Крыстынополя. Однако время уже было потеряно. Если бы приказ на выдвижение 4-го мехкорпуса для действий в районе Радзехова был отдан несколькими часами ранее (в 18.00 22 июня), шансов ввести его в бой против немецких танков 23 июня было бы гораздо больше.

Воздушный Пёрл-Харбор. Первым актом борьбы за небо над Украиной стали налеты немецкой авиации на советские аэродромы. Задача 4-го воздушного флота была намного сложнее, чем у воздушных флотов на московском направлении и в Прибалтике. Дело было не только в менее благоприятном соотношении сил, но и в целом ряде объективных и субъективных факторов. Руководство ВВС КОВО в лице Е.С. Птухина уделяло много внимания маскировке аэродромов. Незадолго до вторжения командующий ВВС округа лично произвел облет аэродромов с целью проверки выпол-

* ЦАМО РФ, ф. 334, оп. 5397, д. 11, л. 101.
** Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 119—120.

3.30 утра 22 июня. В предрассветной мгле бомбардировщики Хе-111 поднимаются в воздух для атаки советских аэродромов

нения приказа НКО от 19 июня о маскировке. Поэтому полностью вскрыть систему базирования авиации КОВО немцам не удалось, хотя приграничные аэродромы были им хорошо известны.

В промежуток с 4 до 5 ч утра 22 июня около 300 самолетов V авиакорпуса атаковали 24 аэродрома, на которых базировались бомбардировочные и истребительные полки ВВС КОВО. На направлении главного удара группы армий «Юг» базировалась 14-я авиадивизия полковника Зыканова, находившаяся в подчинении 5-й армии. 22 июня три из четырех ее аэродромов (Колки, Велицк и Млынув) подверглись ударам с воздуха. Остался не атакованным только аэродром Федоровка в глубине, в районе Новоград-Волынска. Точные данные о потерях полков авиадивизии за 22 июня не приводились, однако по донесению о боевом составе можно рассчитать разницу в числе боеготовых самолетов на вечер 21 и 22 июня. Так, число боеготовых самолетов 46-го ИАП уменьшилось за день на 7 И-16 и 9 И-153, число боеготовых самолетов 17-го ИАП — на 18 И-153, 89-го ИАП — на 6 И-16*.

«Мы над Советским Союзом...» Штурман бомбардировщика Хе-111 всматривается в мелькающие в разрывах облачности леса и деревни

Понятно, что не все эти самолеты были потеряны на земле. Старший лейтенант с чисто русским именем Иван Иванович Иванов на И-153 в лобовой атаке таранил немецкий бомбардировщик Не-111, рвавшийся к аэродрому. Оба самолета, охваченные пламенем, рухнули на землю. И.И. Иванов был пилотом дежурного звена 46-го истребительного авиаполка 14-й авиадивизии. Аэродром Млынув, на котором базировался 46-й ИАП, вообще стал настоящим кладбищем немецких бомбардировщиков. Только 51-я бомбардировочная эскадра «Эдельвейс» в течение 22 июня потеряла в районе Млынува 7 своих Ju-88. Все они, по немецким данным, были сбиты советскими истребителями. Еще один Ju-88 «Эдельвейса» был потерян в районе Луцка, также в зоне ответственности 14-й авиадивизии.

Причиной достаточно больших потерь 17-го ИАП стал человеческий фактор. Пилоты полка на выходные обычно уезжали к семьям в Ковель. Суббота 21 июня не стала исключением. Когда аэродром полка оказался под ударом немецких бомбардировщиков, организованного сопротивления они не встретили: «Противодействовать ударам бомбардировщиков мы не могли: летный состав находился в Ковеле у своих близких»**. Вместе с тем нельзя не отметить, что полностью уничтожить авиапарк 17-го ИАП немцам не удалось, было потеряно меньше половины из полусотни «чаек».

Опаснейшим конкурентом для немцев в борьбе за господство в воздухе была 15-я авиадивизия генерал-майора авиации Демидова, базировавшаяся в районе Львова. Два ее истребительных авиаполка (23-й и 28-й ИАП) проходили перевооружение на новейшие МиГ-3. Аэродром Адамы 23-го ИАП в течение дня подвергся семи авиаударам, аэродром Чунев 28-го ИАП — шести. С раннего утра до восьми вечера советские пилоты отражали налеты на свои аэродромы, вели воздушные бои над Львовом, атаковали переправу через Буг в районе Сокаля. Всего 15-я авиадивизия выполнила за день 374 самолетовылета. В зоне ее ответственности 51-я эскадра «Эдельвейс» потеряла, по крайней мере, два самолета — один в районе Львова и один над Адамами. Летчики каждого из истребительных авиаполков дивизии претендовали на 2 сбитых за день Не-111.

Массированные удары авиации противника заставили командование задуматься о сохранении матчасти при узости аэродромного маневра. Генерал Демидов решил, что с утра 23 июня 23-й и 28-й авиаполки будут переброшены на аэродром Куровище (где базировались два других полка дивизии). С этого аэродрома предполагалось вести боевую работу и только с наступлением темноты возвращаться на свои аэродромы. Видимо, считалось, что одну крупную авиабазу с

---

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 33, л. 25.

** Архипенко Ф.Ф. Записки летчика-истребителя. М.: НПП «Дельта», 1999. С. 25.

большим количеством самолетов легче оборонять.

Большие потери 66-го ШАП объясняются довольно просто. Это был один из немногих действительно «спящих» аэродромов ВВС КА в первый день войны и второй на Юго-Западном фронте (первым был 17-й ИАП). Экипажи полка прибыли на летное поле с опозданием, так как решили, что объявлена обычная учебная тревога. Однако тревога оказалась боевой, и результаты несерьезного отношения к своим обязанностям не заставили себя ждать. Первый же удар привел к выводу из строя 34 самолетов, или более половины состава полка.

Потери авиаполков 15-й авиадивизии на земле и в воздухе 22 июня 1941 г.

	23-й ИАП	28-й ИАП	164-й ИАП	66 ШАП
Сбито в воздушном бою	2 МиГ-3	1 МиГ-3	1 И-153	2
Подбит огнем ЗА	—	1 МиГ-3*	—	—
Не вернулось с задания	—	1 МиГ-3	4 И-16	—
Уничтожено на аэродроме	—	4 МиГ-3	15	34 (в т.ч. 2 Ил-2)
Повреждено на аэродроме	9 МиГ-3	5 МиГ-3		
Поломано при посадке	4 МиГ-3	3 МиГ-3	—	—
Всего	15 МиГ-3	12 МиГ-3	20	36

* — собственная ЗА.
ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 47, лл. 14—16.

16-я авиадивизия генерал-майора авиации Шевченко пережила в первый день войны налеты на все три своих аэродрома. Подробности налета на аэродром Бучач приводит в своих воспоминаниях командир базировавшегося на нем 87-го ИАП майор И.С. Сульдин:

«22 июня около 4 ч 30 мин из штаба авиадивизии в полк поступила телеграмма следующего содержания: «По имеющимся данным, немецкая авиация бомбит приграничные города Перемышль, Рава-Русская и другие. Полк привести в боевую готовность». Летчики, инженеры, техники, младшие авиаспециалисты заняли свои места у истребителей в соответствии с боевым расписанием...

Казалось, боеготовность полная. Но была допущена серьезная промашка, за которую основательно поплатились многие. Примерно в 4 часа 50 минут с восточной стороны аэродрома показался плохо видимый в лучах восходящего солнца двухмоторный бомбардировщик. Все сочли, что для проверки готовности полка прилетел командир авиадивизии. Но то был немецкий бомбардировщик Ju-88. На бреющем полете он атаковал выстроенные в линию самолеты. Увидев зловещие кресты на бомбардировщике, находившиеся на аэродроме командиры и бойцы открыли по нему огонь из винтовок. Но было уже поздно. Немецкий самолет сбросил прицельно мелкие осколочные бомбы, обстрелял из пулеметов личный состав: из 10 выстроенных самолетов 7 сгорели, были убиты два находившихся в кабинах летчика и ранены два младших авиаспециалиста. Пострадал и личный состав 4-й эскадрильи, построенный возле своего КП...»*.

Оправившись от шока первого удара, командование 87-го авиаполка организовало постоянное дежурство в воздухе. Уже в 5 часов 30 минут патрульное звено старшего лейтенанта В.Я. Дмитриева перехватило на подходе к аэродрому три бомбардировщика Ju-88.

Потери полков 16-й авиадивизии на аэродромах 22 июня 1941 г. составили:

Управление дивизии — 1 СБ и 1 ПВС повреждены;

86-й СБАП — 9 СБ и 2 Пе-2 уничтожено, 7 Пе-2 и 21 СБ повреждены;

87-й ИАП — 9 И-16 уничтожены, 13 повреждены;

92-й ИАП — 12 И-153 уничтожены, 20 И-153 повреждены**.

В воздухе было потеряно, соответственно, — 1 СБ, 3 И-16, 2 И-153***.

К концу дня полки дивизии генерал-майора Шевченко сменили аэродромы базирования. 87-й ИАП перелетел на аэродром Тарнополь, 92-й ИАП — на аэродром Пониковице, а 86-й СБП — на аэродром Поповце.

Налетами на приграничные аэродромы авиация 4-го воздушного флота не ограничилась. «Киев бомбили, нам говорили, что началась война...» — слова этой песни знакомы многим. ПВО столицы Советской Украины обеспечивала 36-я авиадивизия. В 4.00 22 июня она была приведена в боевую готовность. В 7.15 около двух десятков немецких самолетов с 2000 м бомбардировали аэродром Киев. Поднятая по тревоге эскадрилья попыталась догнать быстро уходившие на запад бомбардировщики, но не смогла это сделать — на И-16 догнать Не-111 образца 1941 г. было непростой задачей. Один из летчиков увлекся преследованием, и ему пришлось пойти на вынужденную посадку из-за выработки горючего. Боевых потерь в воздухе и на аэродроме в первый день войны 36-я авиадивизия не имела. Однако летчик Яковлев из 2-го авиаполка

Первая победа на востоке! Обер-лейтенант Роберт Олейник выбирается из Ме-109 после боевого вылета. Олейнику принадлежит первый сбитый в небе Украины советский самолет. Его жертвой стал И-16, сбитый в 3.40 берлинского времени 22 июня

* Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981. С. 124—125.
** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 33, л. 287.
*** Там же.

«Спящий аэродром». Выстроенные в ряд истребители И-153 на атакованном немецкими самолетами аэродроме. Ближайший к нам самолет выгорел дотла

при взлете на развороте сорвался в штопор. Самолет был разбит, пилот погиб.

Поставленную задачу разгрома авиации на аэродромах воздушный флот генерала А. Лера решал с завидным упорством и последовательностью. Самолеты с черными крестами не только долетали до Киева, но и добирались до советских аэродромов на южном фасе львовского выступа. Здесь базировались авиаполки 63-й и 64-й авиадивизий. Они находились довольно далеко от направления главного удара группы армий «Юг», но, с другой стороны, были вполне достижимы для налетов. Исключать рокировку самолетов с аэродромов южнее Львова немцы не могли. Поэтому разгром на аэродроме был заманчивым вариантом даже в случае очевидно второстепенных авиабаз ВВС КА. В 5.40 был атакован аэродром Черновцы (149-й ИАП 64-й авиадивизии), на котором в ангаре были потеряны 15 самолетов. Еще два самолета были сбиты в воздухе. 166-й ИАП той же дивизии потерял 4 самолета на аэродроме и 2 в воздухе. Соседняя 63-я авиадивизия фактически вступила в бой с одним истребительным авиаполком. Точные данные о его потерях за 22 июня отсутствуют. Известно только, что с 22 по 25 июня 1941 г. авиадивизия потеряла на аэродроме от 12 до 20 самолетов.

Однако было бы ошибкой считать «хейнкели» и «юнкерсы» вездесущими. Во втором эшелоне на направлении главного удара противника находились полки 62-й авиадивизии. Они базировались в районе Киева и восточнее города. Однако ударам с воздуха аэродромы дивизии 22 июня не подвергались. Напротив, немецкие самолеты просто пролетели мимо них. Техник 94-го авиаполка 62-й авиадивизии А.Д. Будучев вспоминал: «Война началась с

Разбитая советская авиатехника на аэродроме. На переднем плане Як-4, позади него бомбардировщик СБ и истребитель И-16

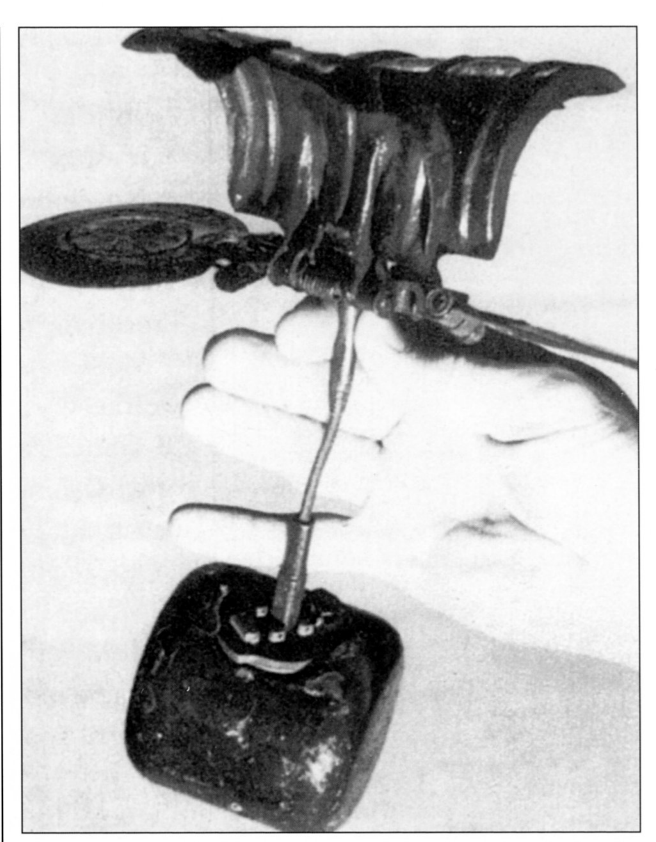
боевой тревоги в 3.30 утра. Самолеты были быстро подготовлены к боевому вылету. Время идет, а наши самолеты никуда не летят, и летного состава нет. Все думали, что это очередные учения (их было много в то время). Но когда увидели большие группы незнакомых самолетов, летящих мимо нас на восток, забеспокоились — не война ли? [...] В 10 часов был зачитан приказ, что фашистская Германия напала на нас и что надлежит делать нашей армии, в частности авиации».

Только во второй половине дня 62-я авиадивизия получила боевую задачу. В 15.15 Е.С. Птухин отдает приказ, начинавшийся словами: «22.6 в р-не Грубешув, Корытница, Устилуг установлено до 500 танков противника движением на Владимир-Волынский — Луцк». Соответственно было приказано атаковать эти танки. Задача была поручена двум девяткам СБ из 52-го и 94-го полков, которые сбросили на цель 232 ФАБ-100 и 2 ФАБ-50. СБ в этом первом вылете на бомбардировку вражеских «мотомеханизированных колонн» сопровождали истребители 14-й авиадивизии (17-й ИАП). При возвращении от цели на самолете командира 94-го полка Николаева отлетел винт (возможно, поврежденный зениткой), и он вернулся на аэродром на одном моторе.

62-я авиадивизия была не единственной в КОВО, избежавшей опустошающих налетов на аэродромы. Совершенно тихо и буднично, несмотря на начавшуюся войну, прошел день 22 июня в 17, 18, 19 и 44-й авиадивизиях. Они дислоцировались в глубине построения войск КОВО, причем в стороне от ведущих к Киеву воздушных путей. Все три авиадивизии были приведены в боевую готовность, но их аэродромы атакованы не были, потерь ни на земле, ни в воздухе соединения не несли, задания на боевые вылеты командованием не ставились. Из 18-й дивизии один самолет летал к границе, в район Грубешув, на разведку, но это скорее можно отнести к любопытству почти что частного характера. Истребители 44-й авиадивизии летали на перехват и патрулирование, но встреч с противником не имели.

Одной из проблем авиации Юго-Западного фронта в первый день войны было отсутствие каких-либо внятных указаний со стороны командования. К моменту нападения Германии на СССР командующий ВВС КОВО Е.С. Птухин, его заместители по летной и политической части были в Киеве. Они прибыли в Тарнополь только к 14.00 22 июня. Начальник штаба ВВС КОВО 22 июня был в Москве и вернулся только 25 июня. Однако даже после прибытия командующего никаких указаний авиадивизиям по ведению боевых действий не последовало. Первый приказ о вылете четырех девяток 62-й авиадивизии на Устилуг последовал только в 15.00, а общий приказ № 1 был направлен авиачастям фронта в 3.00 23 июня. Соответственно, в первый день войны авиадивизии действовали по своему усмотрению и занимались в основном отражением ударов противника по аэродромам. Технически, как показывает пример 62-й авиадивизии, вполне возможно было бить по войскам противника по обе стороны границы уже с вечера 22 июня.

Интенсивность ответного удара советских ВВС можно проиллюстрировать одной цифрой: 22 июня из 587 самолетов-бомбардировщиков фронта было использовано всего 36 машин, или 6 % численности. Понятно, что не все полки были просто технически и организационно не готовы действовать по войскам противника у границы. Полки Су-2 были вообще не боеготовы. Однако показатель интенсивности использования безусловно низкий. Вместе с тем надо сказать, что единственный удар с воздуха со стороны ВВС Юго-Западного фронта в районе Устилуга был замечен противником. Историограф 14-й танковой дивизии пишет: «Также наступление встретилось с первыми бомбами противника, которые принесли первые потери»*. Как показали последующие события, это было только начало.

«Дьявольская бабочка»: 2-кг осколочная бомба SD-2. Раскрывшиеся части корпуса выполняли роль парашюта. Немцы широко использовали SD-2 для ударов по советским аэродромам, хотя они были чрезвычайно опасны и несколько Ме109, Ю-88 и Хе-111 подорвались них

Каковы же были результаты первого дня войны в воздухе? Цена, которую немцы заплатили за успех ударов по аэродромам 22 июня, по сей день является предметом оживленной дискуссии. Согласно подсчетам российского историка Д.Б. Хазанова, в первый день войны V авиакорпус недосчитался 35 самолетов и 27 экипажей. В официальной истории 55-й бомбардировочной эскадры в списке потерь в первый день войны с СССР значатся 13 самолетов. Семь экипажей

* Grams R. Die 14.Panzer-Division 1940—1945. Herausgegeben im Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14.Panzer-Division. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1957 S. 23—24.

погибли или пропали без вести. Большинство "хейнкелей" эскадры были сбиты истребителями в ходе атаки аэродрома Млынув, став жертвами И-16 и И-153 14-й авиадивизии 5-й армии. Еще большие потери понесла 51-я бомбардировочная эскадра "Эдельвейс". Журнал боевых действий эскадры рисует далеко не радужную картину завершения самого длинного дня 1941 г.: «После посадки последнего самолета в 20.23 во дворце Полянка около Кросно коммодор подполковник Шульцхейн подвел итоги дня: 60 человек (15 экипажей!) летного персонала погибли или пропали без вести, в третьей группе оказались сбиты или получили повреждения более 50% машин». Истребительная эскадра JG3 недосчиталась 15 самолетов, включая небоевые потери.

Количество боевых машин ВВС Юго-Западного фронта, уничтоженных самолетами люфтваффе в первый день войны, также вызывает споры и определенный разнобой называемых разными источниками цифр. В советское время называлась цифра 301 самолет*. Из общего числа потерь, согласно тому же источнику, на земле было уничтожено и повреждено 174 самолета. Новейшие исследования дают несколько большую цифру, 277 уничтоженных на земле самолетов**. В «Справке о потерях материальной части ВВС ЮЗФ с 22 по 30.6.1941 г.» указывается, что 22 июня на земле было безвозвратно потеряно (т.е. уничтожено) 135 самолетов и повреждено еще 102 машины***. Разница с вышеприведенной цифрой является, скорее всего, следствием неучета в «Справке...» учебных машин.

Серьезные разночтения имеются также в отношении потерь в воздухе. Пилотами эскадры JG3 было заявлено о 25 сбитых советских самолетах. В журнале боевых действий ВВС ЮЗФ указывалось, что 22 июня было потеряно в воздушных боях 7 бомбардировщиков и штурмовиков, 16 истребителей, сбито зенитками 2 самолета, 1 самолет был потерян в результате авиакатастрофы, потерпели аварию 12 самолетов и не вернулись с задания 19 самолетов****. Это дает нам цифру в 294 машины, выбывшие из строя в первый день войны. Таким образом, 22 июня 1941 г. ВВС ЮЗФ лишились всего лишь 14,7% численности своей авиации. Собственно, на аэродромах было уничтожено и повреждено около 12% авиапарка фронта. Ни о каком разгроме авиации на «мирно спящих аэродромах» не может быть и речи. Командование Юго-Западного фронта сохранило в своих руках к исходу 22 июня достаточно сильный авиационный «кулак» для влияния на оперативную обстановку.

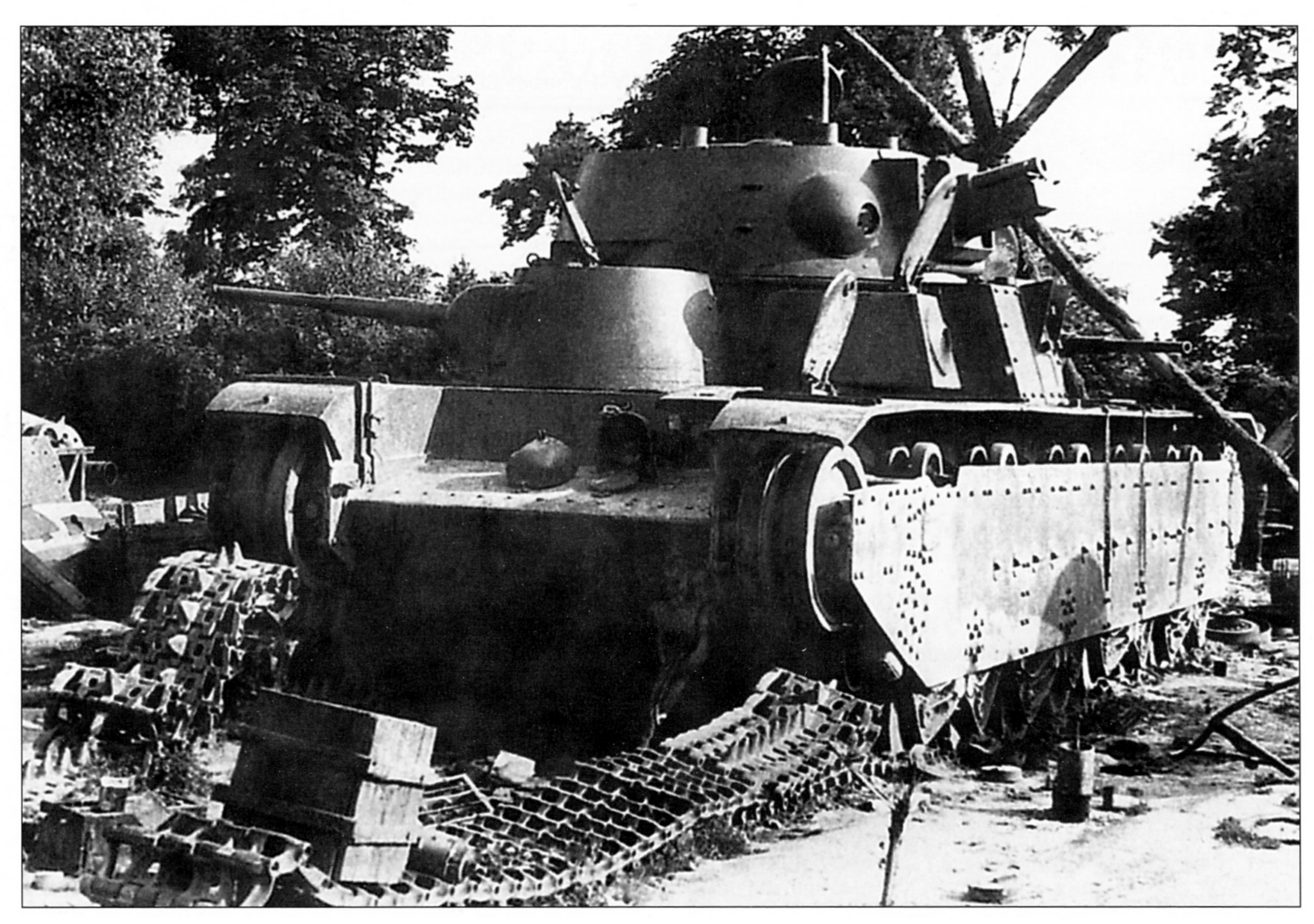
В глубине. Если дивизии на границе вели бои и корректировали свои действия сообразно обстановке, то для остальных соединений фронта основным действующим документом были планы прикрытия. Иногда следование этому принципу приводило к странностям, если не сказать, к абсурду. 41-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся неподалеку в военном городке у ВладимираВолынского (в 12 км от границы), по плану прикрытия должна была выйти в район Ковеля. Соответственно по тревоге был вскрыт «красный» пакет, дивизия построилась в маршевые колонны и отправилась не навстречу противнику, атакующему Владимир-Волынский, а на северо-восток, в сторону от сражения. Под Владимиром-Волынским осталась лишь небольшая часть танков соединения, подчиненная командирам стрелковых частей.

Поскольку в первый день войны вклинение противника произошло на небольшую глубину, механизированные соединения Юго-Западного фронта непосредственного участия в боевых действиях (за исключением небольшого количества танков 41-й танковой дивизии) избежали. Основным действующим документом для них были планы прикрытия, предусматривавшие выход во второй эшелон армий, в состав которых они были включены. Будущий главный участник сражения за Дубно 8-й механизированный корпус — в первый день войны успел намотать на гусеницы около 80 километров, выдвинувшись в резерв 26-й армии. Здесь хочется еще раз недобрым словом помянуть формальный подход штаба Юго-Западного фронта к составлению плана прикрытия границы. Сильное механизированное соединение предназначалось для использования на явно второстепенном с точки зрения обороны направлении. Тем самым путь корпуса Д.И. Рябышева к центру сражения удлинялся и усложнялся.

Покинув район постоянной дислокации в мирное время, 8-й мехкорпус понес первые потери, пока еще не безвозвратные. В парках остались, ввиду тех или иных неисправностей, 11 КВ (5 впоследствии сдали в ремонт), 10 Т-35, 5 Т-34, 33 Т-26 различных типов (в том числе 2 тягача и 2 САУ СУ-5), 90 БТ-7, 16 БТ-5, 10 БТ-2, 23 Т-37 (все числившиеся в корпусе) и 80 Т-27 (также все имевшиеся в корпусе). Для некоторых танков (Т-37 34-й танковой дивизии) просто не нашлось экипажей. Несчастные Т-27 в мирное время использовались для тренировки механиковводи-

Оставленный в парке Т-34. Страдавшие многочисленными «детскими болезнями» танки новых типов не всегда были готовы сразу идти в бой. На заднем плане слева видны танкетки Т-27. Они выполняли роль учебных, и с собой на войну 22 июня их уже не взяли

* Скрипко Н.С. Указ. соч. С. 129.
** Д.Б. Хазанов со ссылкой на ЦАМО, ф. 35, оп. 30802, д. 32, л. 1—32.
*** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 33, л. 21.
**** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 47, л. 21—22.

Т-35 с коническими башнями поздней серии выпуска. Танк оставлен в парке 34-й танковой дивизии. Судя по трем бревнам над моторным отсеком, перед войной из него извлекали двигатель

телей. Их боевая ценность была почти нулевая, а техническое состояние чудовищное. Всего навстречу неизвестности вышли 682 танка (60 КВ, 38 Т-35, 95 Т-34, 133 Т-26 радийных, 131 Т-26 линейных, 1 Т-26 двухбашенный, 46 огнеметных Т-26, 152 БТ-7, 4 БТ-5, 5 БТ-2, 17 Т-40)*. Теперь их предстояло довести до поля боя. Учитывая техническое несовершенство новых танков и изношенность старых машин, это было непростой задачей. Только за 22 июня после 80—100 км марша вышли из строя 12 КВ в 12-й танковой дивизии. Однако изнурительные марши и удары вражеской авиации были еще впереди. Комиссар Попель вспоминал: «Машина за машиной, батальон за батальоном. Разогретый гудрон не выдерживал такой нагрузки. На месте разворота маслянисто поблескивал прочерченный десятками гусениц полукруг. Танки мчались строго на запад, к Перемышлю, оставляя позади себя симметричные ряды рубцов».

Маневр, аналогичный движениям 8-го механизированного корпуса, был выполнен его собратом из 6-й армии — 4-м механизированным корпусом А.А. Власова. Только отдельные его части не выдвинулись на исходные позиции на подступах к границе. Это был 202-й мотострелковый полк 81-й моторизованной дивизии, оставшийся в Львове для несения гарнизонной службы, а также мотострелковый и гаубичный полки 32-й танковой дивизии. Последние из-за отсутствия транспорта следовали за своим соединением с большим опозданием. Непосредственно навстречу немецкому танковому клину согласно плану прикрытия в первый день войны выступили куда более слабые соединения: 9-й механизированный корпус К.К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус Н.В. Фекленко. В 12.00—14.00 22 июня оба корпуса выступили из мест постоянной дислокации на запад. Но им требовалось пройти несколько сотен километров до того, как войти в соприкосновение с наступающим противником.

Первые коррективы в задачи, поставленные планом прикрытия границы, были внесены во второй половине дня 22 июня. Выше уже говорилось о переподчинении 8-го мехкорпуса. Некоторые дивизии были перенаправлены в новый район. Так, 14-я кавдивизия была направлена под Кременец. В ее журнале боевых действий этот факт был отражен следующим образом: «В 19.50 дивизия при подходе к Изяславль [от] представителя штаба КОВО получила новую задачу: выдвинуться Кременец и организовать противотанковую оборону в горно-лесистом районе, не допуская про-

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 89, л .90.

Схема 3. Положение в районе Владимира-Волынского к вечеру 22 июня 1941 г.

Положение к исходу дня 22 июня 1941 г.

Направление наступления немецких частей и соединений

0 5 км

рыва противника в направлении на восток, юго-восток и юг. Выход в район Кременец к исходу дня 24.6»*. Причины выдвижения именно под Кременец не разъяснялись, но, похоже, именно вечером 22 июня у командования фронта начало складываться предположение о плане противника окружить советские войска в львовском выступе. Соответственно, кавдивизия была направлена седлать дорогу, по которой мог быть осуществлен удар в тыл львовского выступа. В дальнейшем это предположение довлело над умами командования фронта и заметно влияло на принятие решений.

Корректировка некоторых положений плана прикрытия произошла уже в первой половине дня. 5-я противотанковая артиллерийская бригада должна была стать резервом командования фронта вместе с 15-м мехкорпусом. По воспоминаниям командира бригады К.С. Москаленко, командующий 5-й армией М.И. Потапов попросту подмял ее под себя. В пересказе Москаленко командарм мотивировал свое решение так: «Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже ранее сказал, на Владимир-Волынский и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом генерал-майора Кондрусева разбить противника, перешедшего границу, восстановить положение. Границу не переходить. Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя»**.

С напутствием «границу не переходить» бригада Москаленко около 10.00 22 июня выступила навстречу III моторизованному корпусу. Последующие события заставили вспоминать указание командарма «границу не переходить» в лучшем случае с горькой иронией.

Артиллерийская часть на марше. 76-мм орудия Ф-22 двигаются на буксире тягачей СТЗ-5 (СТЗ-НАТИ). Каждый трактор тянет целый кортеж из прицепа, передка и собственно орудия

* ЦАМО РФ, ф. 3539, оп. 1, д. 36, л. 10б.

** Москаленко К.С. Указ. соч. С. 27.

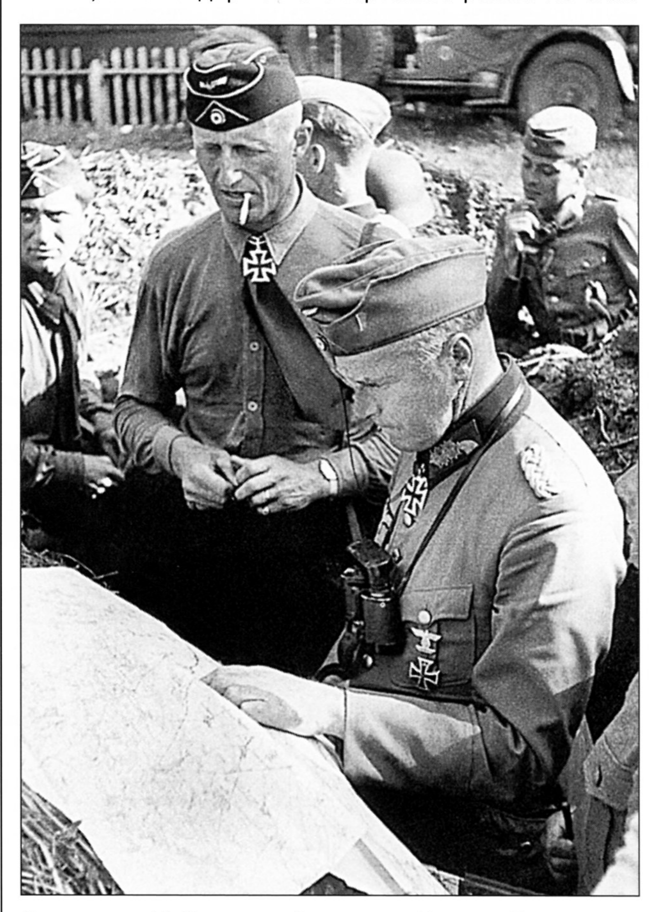
ПРОБА ПЕРА. РАДЗЕХОВ И ВОЙНИЦА

Утром второго дня войны окончательно определился расклад сил в наметившемся вечером 22 июня танковом сражении. Назначенный командованием еще вечером 22 июня сбор сил мехкорпусов Юго-Западного фронта в районе Радзехова оказался смазанным и скомканным. Несмотря на принятое решение использовать в контрударе сильнейшее танковое соединение округа — 4-й механизированный корпус, его участие оказалось минимальным. Во-первых, 8-я танковая дивизия не смогла выйти в исходное положение для контрудара из-за того, что саперы поторопились взорвать мосты через Буг, лежащие на маршруте дивизии. Во-вторых, командующий 6-й армией И.Н. Музыченко несколько подкорректировал задачи корпуса, добавив в них помимо Радзехова действия по подпиранию фронта 3-й кавалерийской дивизии. 15-й мехкорпус вышел даже на дальние подступы к месту сражения в неполном составе. Утром 23 июня главные силы 10-й танковой дивизии вышли в район местечка Холоюв, южнее Радзехова. Причем не успел выйти в назначенный район 19-й танковый полк дивизии, задержавшийся из-за трудных условий марша. Именно в этом полку были устрашающие КВ, которые могли стать решающим аргументом в предстоящей схватке. 37-я танковая дивизия корпуса утром 23 июня была еще на марше из Кременца. Даже по плану она должна была выйти в район Радзехова только вечером 23 июня. В Радзехове оставался только передовой отряд корпуса И.И. Карпезо, пока еще не подозревавший о нависшей над ним опасности.

Пока к занятому только передовым отрядом Радзехову с разных направлений спешили колонны советских танков и мотопехоты, на город нацелилось острие немецкого танкового клина. Если задача советским мехкорпусам была поставлена в формате «уничтожить противника», то целью немцев было взять под контроль узел дорог центральной «панцерштрассе». Через Радзехов должно было осуществляться снабжение наступления танковых соединений XXXXVIII танкового корпуса. Это была не просто точка на карте, а один из ключевых пунктов всего Приграничного сражения. Задержка с вводом в сражение 11-й танковой дивизии 22 июня могла дорого стоить немцам, если бы с советской стороны успели подойти резервы и занять оборону в Радзехове. Нужно было спешить. Продвинувшаяся в предыдущий день на 25 километров от границы немецкая танковая дивизия (не гиннес-бук достижение, прямо скажем) уже в 3.30 возобновила свое движение.

Сообразно немецким тактическим канонам, наступление велось боевыми группами по нескольким направлениям. Командир дивизии Людвиг Крювель разделил свое соединение на две боевые группы. Одна из них должна была развивать успех первого дня, прорываясь в глубину построения советских войск, выйти на дальний участок «панцерштрассе», а вторая — захватить Радзехов и обеспечить наступление с фланга. Основу первой («пехотной») группы составил 110-й мотопехотный полк. Впоследствии такое построение дивизии Крювеля сохранится в течение всей летней кампании, в первом эшелоне соединения двигались мотопехота, мотоциклисты, разведывательный батальон, а во втором эшелоне и на флангах — танки. Вторая боевая группа («танковая»), ставшая главным участником боя, строилась вокруг 15-го танкового полка. Важность задачи определила набор средств усиления. Ему была придана артиллерия (844-й полк 150-мм гаубиц) и зенитные орудия. Бывший кавалерист Крювель прекрасно осознавал опасность флангового удара в маневренной войне и выдвинул навстречу ему основную массу танков своей дивизии. Также масса танков должна была гарантировать успех в захвате ключевой точки на «панцерштрассе» корпуса Кемпфа.

В 5.15 утра 23 июня первое танковое сражение на Украине началось. «Танковая» боевая группа дивизии Крювеля атаковала Радзехов. Прорвавшись при поддержке артиллерии в сам городок, немецкие танки столкнулись на его улицах с Т-34. «Тридцатьчетверки» сразу дали почувствовать свой тяжелый удар, у одного из немецких танков была сорвана командирская башенка, а командир танка смертельно ранен. Но силы

Командир 11-й танковой дивизии Людвиг Крювель изучает обстановку по карте. Рядом с ним (с сигаретой) — командир танкового батальона дивизии Шиммельман

Сгоревший Т-34 на улице украинского города. Судя по выбоинам на стене за танком, он подвергся весьма интенсивному обстрелу. Наглухо закрытые люки не оставляют сомнений в судьбе экипажа

были явно неравны: с советской стороны был передовой отряд без артиллерийской поддержки, а с немецкой — усиленный танковый полк при поддержке сильного артиллерийского кулака. Превосходство в силах позволило немцам выполнить обходной маневр, взяв Радзехов в «клещи». Под угрозой окружения и израсходовав боеприпасы, передовой отряд 10-й танковой дивизии был вынужден отступить. По нашим данным, немцы потеряли в этом бою 20 танков, 16 противотанковых орудий и до взвода пехоты. Потери передового отряда составили 20 танков БТ, 6 танков Т-34, 7 человек убитыми, 11 человек ранеными и 32 человека без вести пропавшими. Уничтожение 6 танков Т-34 не должно вызывать удивление. Поддержку их атакующим танкам составляли 88-мм зенитки, которые со стационарных позиций могли расстреливать Т-34 на окраинах Радзехова. Охватывающий маневр вынуждал советских танкистов контратаковать, выходя с улиц городка на открытое пространство. Немцы описывали действия советских танкистов в этом бою как «ожесточенное сопротивление с переходом в постоянные контратаки, не считаясь с потерями».

Захватив Радзехов, немцы начинают прощупывать местность вокруг него. В этот момент на сцене появляется сводный отряд 4-го механизированного корпуса. Выскочив на открытую местность к юго-западу от Радзехова, наши и немецкие танкисты сталкиваются нос к носу. Из-за пригорка одна за другой навстречу немецким танкам выезжают Т-34. Унтер-офицер 11-й танковой дивизии, впоследствии историограф соединения, Густав Шродек вспоминает: «Наши сердца сжимают, страх, ужас, но, может быть, также и радость, т.к. наконец мы можем показать себя. Видели ли они нас? Принимают ли они нас за своих? Наши силы равны. [...] И как только они приближаются на расстояние примерно в 100 м от наших пушек, «танец» начинается. Мы посылаем им

Схема 4. Танковый бой у Радзехова, 23.6.41 г.

Заболоченные участки местности

Контрудары отрядов 4 мк и 15 мк

Действия немецких частей

0 5 км

Витков Старый
Стоянув
Ператын
Юзефув
пехотная БГ 11 тд
танковая БГ 11 тд
РАДЗЕХУВ
Павлов
Ганунин
отряд 4 МК
Хмельно
Холоюв
отход передового отряда 15 МК
тп и мсп 10 тд 15 МК
Охладув
Майдан Старый

Немцы осматривают догорающий Т-34. Машина ранних серий, вооруженная пушкой Л-11

первый снаряд. Румм-мм! Первое попадание в башню. Второй выстрел, и новое попадание. Головной танк, в который я попал, невозмутимо продолжает свое движение. То же самое и у моих товарищей по взводу. Но где же превосходство наших танков над танками русских, так долго провозглашавшееся?! Нам всегда говорили, что достаточно лишь «плюнуть» из наших пушек!» Обменявшись несколькими выстрелами, танкисты обеих дивизий отошли назад.

Во второй половине дня подтягиваются главные силы дивизии С.Я. Огурцова. Они предпринимают попытку отбить потерянный передовым отрядом Радзехов. В 15.00 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки перешли в атаку, лишенные, однако, артиллерийской поддержки (10-й артиллерийский полк был еще в пути, так как в момент объявления боевой тревоги он находился в лагерях Янув). Также не участвовал в атаке на Радзехов 19-й танковый полк, не прибывший вовремя из-за трудностей дорожных условий марша. Атака успеха не принесла, и 10-я танковая дивизия занимает оборонительные позиции на подступах к городку. Здесь дивизии предстояло сражаться несколько последующих дней.

Однако в попытках отбить важный узел дорог части дивизии С.Я. Огурцова были не одиноки. Городок, от которого после утреннего боя поднимались черные столбы дыма догорающих танков, пережил еще несколько атак. Активное участие в сражении во второй половине дня 23 июня принял отряд 4-го механизированного корпуса под руководством подполковника Лысенко. Его составляли два танковых батальона 32-й танковой дивизии и батальон 323-го мотострелкового полка 81-й моторизованной дивизии. Возможные направления атаки Радзехова ограничивались заболоченной местностью в его окрестностях. К юго-востоку от городка вообще простиралась обширная топь. Благоприятные условия имелись для атаки вдоль шоссейной и железной дорог на Львов, от местечка Ганунин на северо-восток. Однако здесь местность образовывала своего рода естественный вал, и нашим танкистам нужно было преодолевать возвышенность и, переваливаясь через ее гребень, вести бой накоротке с немецкими танками и поддерживающей их артиллерией.

Вышеупомянутый танкист 11-й танковой дивизии Густав Шродек описывает эту фазу боя как «собачью свалку» на короткой дистанции: «Первые снаряды свистят вокруг нас. Их недолеты все еще слишком велики. Так как наши собственные пушки имеют лучшую эффективность на дистанции в 400 метров, мы должны сжать свои нервы и ждать приближения русских танков. Небольшая складка местности скрывает нас от первой волны атакующих. Когда они появляются, мы имеем лучшую позицию для стрельбы из всех возможных. Огонь поглощает все. [...] Новые цели появляются постоянно. Они выцеливаются и уничтожаются. Русские поражены. Они посылают все больше танков из-за возвышенности, но те никак не могут прорвать наши порядки». Впоследствии на страницах мемуаров и исследований немцы заявляли об уничтожении от 40 (Оскар Мюнцель) до 68 (Густав Шродек) советских танков в этом бою. Также Мюнцель пишет: «Немецкие танкисты понесли несущественные потери». Однако эта оценка не совпадает с мнением командования по горячим следам боя. Командир 11-й танковой дивизии вечером 23 июня доносил Кемпфу:

«Танковое сражение у Радзехова, в общем, завершилось к 12.30. Противник достоверно потерял 33 из 50—60 своих танков, в том числе сверхтяжелых. Собственные потери значительны:

— 7 танков потеряны безвозвратно;

— убиты 3 офицера и 10 нижних чинов;

— ранены 50 нижних чинов (в том числе в подразделениях, подчиненных танковому полку).

Относительно высокие потери в 5-й батарее полка «Генерал Геринг». Погиб командир батареи.

Противник сражался очень умело и упорно»*.

Танк БТ-7, брошенный на улице украинского городка. На стене просматривается нарисованный как указатель тактический значок 11-й танковой дивизии

* NARA T314 R1138 f 847.

Страшная картина разрушений, вызванных детонацией боекомплекта. Только по гусеницам и башне угадывается Т-34 ранних серий. Подброшенная взрывом вверх башня при падении вонзилась стволом в землю

Число подбитых (поврежденных) танков 11-й танковой дивизии не сообщалось. Исходя из общей статистики боевых действий, их число должно было быть в 1,5—2 раза большим, чем число безвозвратно потерянных боевых машин. Поле боя осталось за немцами, и названная Крювелем цифра потерь советской стороны довольно точно соответствует нашим документам. Отряд 32-й танковой дивизии потерял 11 танков, заявив об уничтожении 18 танков противника, батальон 323-го мотострелкового полка потерял 13 человек убитыми и 18 ранеными. Потери передового

Подбитый под Радзеховым танк Pz.III 11-й танковой дивизии

отряда 10-й танковой дивизии, как уже было сказано выше, составили 20 танков БТ, 6 танков Т-34, 7 человек убитыми, 11 человек ранеными и 32 человека без вести пропавшими.

В ЖБД XXXXVIII корпуса полученный под Радзеховом опыт был суммирован следующим образом:

«1) Неожиданным в этих сражениях оказался фанатичный боевой дух русских танкистов. Несмотря на явное превосходство наших танков и противотанковых орудий, вражеские легкие танки, невзирая на потери, продолжают атаки. Уже в безнадежном положении, с разбитыми моторами или порванными гусеницами, они стреляют до последнего снаряда или возобновляют бой после того, как наши танки минуют их. Почти все экипажи найдены убитыми или сгоревшими в своих машинах.

2) Появились очень быстрые тяжелые вражеские танки с 7,62-см орудием, которые прекрасно стреляют с дальних дистанций. Наши танки им явно уступают. 3,7-см противотанковые орудия бессильны против них, кроме как на близкой дистанции, 8,8-см зенитки — на дистанциях выше средней.

3) Ценность зенитных подразделений в наземных боях подтверждается»*.

«Тридцатьчетверки» показали себя в первом танковом бою сильным противником. Оставалось столкнуть их с немецкими «панцерами» в нужное время в нужном месте. А для этого им предстояло пережить утомительные марши.

Поводы помотаться по дорогам в бесконечных маршах появлялись синхронно со сражением у Радзехова. Пока шел первый танковый бой на Украине, боевая группа 110-го полка 11-й танковой дивизии продвину-

* NARA T314 R1138, ff.490—491.

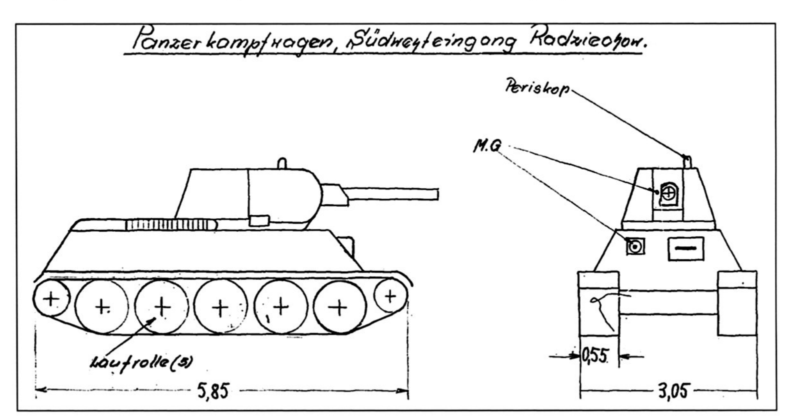
Еще один подбитый под Радзеховым Pz.III. На предыдущем фото (на с.44 внизу) он слева

лась к 17.00 23 июня на 15 км восточнее, достигнув Лопатина, а 61-й мотоциклетный батальон — переправы у Берестечко, в 30 км к востоку от места ночевки дивизии. Мост через Стырь у Лопатина (Шуровище) был взорван, и продолжение наступления 11-й танковой дивизии было отложено до начала следующего дня. Переправа у Мервы (в районе Берестечко), к которой вышел мотоциклетный батальон дивизии Крювеля, оборонялся крупными силами советских войск, и мотоциклистам было приказано изображать активность на этом направлении. Мюнцель утверждает, что переправа была захвачена, но это, скорее всего, ошибка.

Этот прорыв механизированных частей немцев в глубь построения войск фронта был обнаружен и вызвал закономерное беспокойство. В разведывательной сводке фронта от 22.00 23 июня отмечается: «По данным авиационной разведки, из района Радзехов в направлении Берестечко и Броды в 16 часов выдвигалось большое количество танков, и к 16 часам 20 минутам Берестечко и Горохув были заняты мотомеханизированными частями противника». Что интересно, данные о прорыве поступили не от специализированных 315-го и 316-го разведывательных авиаполков, а от летавших на бомбежку и разведку противника в районе Сокаля экипажей 15-й и 16-й авиадивизий 6-й армии.

Реакция на данные воздушной разведки последовала немедленно, если не сказать поспешно. Не будем забывать, что командованию приходилось работать с «упреждением», нацеливая мехкорпуса на точки на предполагаемом пути наступления противника. Ввиду того что фронт 5-й армии рухнул, от бреши на правом фланге 6-й армии можно было ждать только неприятностей. Уже в 15.20 23 июня командующий 6-й армией направляет в район Бродов 8-й мехкорпус. Вскоре в ответ на обескураживающие доклады летчиков также последовало приказание начальника штаба Юго-Западного фронта № 023 от 23.6.41 г. 15-му механизированному корпусу, подчинявшемуся непосредственно штабу фронта. Ему была поставлена задача: «Ввиду появления в районе Берестечко и лесах западнее танков противника, прочно удерживать район Броды мотодивизией, обеспечив себя с направления Радзехов, Крыстынополь, атаковать и уничтожить танки и танкетки противника в направлении Берестечко во взаимодействии с подходящим к утру 24.6.41 г. в район Броды 8-м механизированным корпусом». 212-я моторизованная дивизия 15-го мехкорпуса с самого начала войны оборонялась к северу от Бродов. Ее присутствие давало надежду, что прорыв противника не будет совсем уж молниеносным и сокрушительным.

Выполняя этот приказ, командир корпуса И.И. Карпезо 10-ю танковую дивизию в 7.00 24 июня направил в Броды, а с тыла прикрыл ее 37-й танковой дивизией. Затем последняя была отправлена в леса к западу от Бродов для удара на Лешнев. Строго говоря, такой маневр граничил с откровенным авантюризмом. Во имя пока еще призрачной угрозы удара через Броды 15-й мехкорпус снимался с позиций под Радзеховом, открывая «окно» в направлении Львова. Между правым флангом 6-й армии и фронтовыми частями под Бродами образовывалась приличных размеров брешь. Немцы могли через Радзехов беспрепятственно наступать на Буск и далее перехватывать дороги, идущие из Львова на восток. Поэтому вскоре после выяснения ошибочности предположений о прорыве через Броды последовали приказы на возвращение на исходные позиции. В 17.00 24 июня И.И. Карпезо приказывает вернуть 10-ю танковую дивизию обратно под Радзехов. Дивизия С.Я. Огурцова совершила 45-километровый марш, из которого она вернулась в прежний район сосредоточения только к рассвету 25 июня. 19-й танковый полк дивизии приказ на возвращение получил только в лесу юго-западнее Броды. В результате на позиции, занятые еще вечером 23 июня, он возвратился лишь к 20.00 25.6.41 г., проделав за 24 и 25.6.41 г. 105-километровый марш, не принимая участия в бою. 37-я танковая дивизия также была развернута на 180° и к 6.00

«Новый русский танк». Рисунок из отчета, подготовленного для отдела изучения армий востока (OKH/FHO) штабом 297-й пехотной дивизии в июле 1941 г. По силуэту легко опознается Т-34. Как место изучения указывается Радзехов

Танк КВ ранних серий выпуска с орудием Л-11, брошенный на обочине дороги. Оборванная правая буксирная серьга говорит о безуспешных попытках его буксировки для ремонта

25 июня возвращена на оборонительные позиции фронтом на север по р. Радоставка. Таким образом, от смелой попытки бросить в бой 15-й мехкорпус пришлось отказаться. В сущности, соединение генерала И.И. Карпезо большую часть Приграничного сражения выполняло оборонительные задачи, являясь продолжением загнутого фланга 6-й армии.

Командование Юго-Западного фронта очень нервно реагировало на сведения, говорящие в пользу поворота немецкого танкового клина на юг, в тыл войскам в львовском выступе. Действительно, повернув с центральной «панцерштрассе» на юг, немецкие танковые дивизии могли перехватить пути отступления 6-й и 26-й армий, а также части сил 12-й армии. Учитывая, что сплошного фронта не было, немецкие механизированные части могли очень быстро выйти в тыл львовского выступа. В этом в очередной раз проявилась характерная особенность ведения оборонительной операции — неопределенность планов противника. Немецкие части действительно прорвались к Берестечко и Шуровищам (Лешневу). От переправы в Шуровищах оставалось всего около 30 км до Бродов. Сам по себе поворот на Броды в тыл львовскому выступу выглядел логичным. Восточнее Берестечко и Бродов с юга на север протекала река Иква с заболоченной поймой. Не пытаться таранить этот рубеж и отвернуть на юг было бы вполне разумным ходом. Такой вариант развития событий никак нельзя было исключать из вариантов действий противника.

К слову сказать, на действия немцев 24 июня также повлияли донесения воздушной разведки. Метания 15-го мехкорпуса заставили их понервничать, так как из густых лесов танки и автомашины советских танковых частей выбрались на дороги, где их и обнаружили с воздуха. Утром 24 июня в ЖБД XXXXVIII корпуса появляется запись: «Около 07.00 наша воздушная разведка впервые докладывает о крупной концентрации танков противника к югу от шоссе». Обращаю внимание на слово «впервые». Перемещения 15-го мехкорпуса в первые два дня войны, похоже, прошли практически незамеченными. Возможности казавшихся вездесущими немецких самолетов были не беспредельны.

Сообщения от воздушной разведки заставили немецкое командование несколько снизить темпы продвижения вперед. 57-я пехотная дивизия получает в 15.00 приказ не переходить Стырь никакими частями, кроме разведывательных. Намерение командира дивизии переправить на восточный берег Стыри, по крайней мере, один полк было воспрещено Кемпфом по радио. Дивизия должна была быть в полной готовности отразить удар советских танков по флангу корпуса. В рамках той же стратегии обороны фланга 11-й танковой дивизии было приказано взорвать мост у Лешнева.

Однако помимо угроз мнимых и попросту надуманных, на второй день появились опасности вполне ощутимые и неприятные. На фронте 6-й армии произошли события, которых опасался Музыченко. Г.К. Жуков пишет: «...к исходу этого дня [23 июня] немецкие войска нашли уязвимое место: они нанесли сильный удар на стыке Рава-Русского и Перемышльского районов, который оборонялся 97-й и 159-й стрелковыми дивизиями. Последняя, находившаяся в стадии развертывания, имела в своем составе значительное количество солдат из необученного запаса. Не сумев выдержать атаку противника, она начала отход, создав тяжелую ситуацию для соседних частей. Предпринятые командующим 6-й армией генералом И.Н. Музыченко контрмеры положение не выправили, и к исходу 24 июня разрыв обороны достиг здесь 40 километров»*.

4-й механизированный корпус в последующие дни вместо участия во фронтовом контрударе занимался кризисом, возникшим вследствие прорыва пехотных соединений 17-й армии на львовском направлении.

Война в воздухе. Хотя, по впечатлениям немецких танкистов под Радзеховом, советские танки выводились им навстречу впереди волн Т-34 и БТ «сталинскими соколами», тесного взаимодействия между ВВС Юго-Западного фронта и механизированными корпусами не имелось. Авиадивизии получили от командования ВВС фронта задачи по воздействию на войска противника и решали их в меру своих сил и возможностей. Впрочем, приказ Птухина был довольно подробным (см. в приложении).

Второй авиаудар по войскам противника (первый был у Устилуга вечером 22 июня) встретил достаточно жесткое противодействие противника. 86-й СБП 16 АД вылетел на задание двумя группами: девяткой под командованием подполковника Сорокина и шестеркой, которую возглавил зам. командира полка капитан Белый. Первая взлетала в 5.30, вторая — в 5.40. Предполагалось, что истребительное прикрытие будет осуществляться самолетами 92-го ИАП. Ввиду отсутствия

* Жуков Г.К. Указ. соч. С. 273.

Севший «на брюхо» и сгоревший бомбардировщик ДБ-3. Немецкий солдат рассматривает оставленный кем-то из летчиков парашют

связи на аэродром истребителей в Бродах в 4.40 отправили СБ. Однако истребителей так и не появилось. Как выяснилось позднее, аэродром 92-го ИАП был атакован с воздуха. В результате налета было повреждено 7 И-153 (восстановлены на следующий день). В итоге СБ группы Сорокина полетели на задание без их прикрытия. Над Бродами группу Сорокина встретили полтора десятка «мессершмиттов», скорее всего, из той же группы самолетов, что бомбили аэродром истребителей. Из девятки советских бомбардировщиков были сбиты три, а еще два повреждены и сели на «брюхо». Группа капитана Белого встречи с «мессершмиттами» избежала и успешно отбомбилась по скоплению танков и артиллерии в 4 км к западу от Крыстынополя. При возвращении на свой аэродром счастливо избежавшие встречи с Ме-109 СБ были по ошибке атакованы своими И-16, один бомбардировщик был поврежден, при посадке скапотировал. Самолет был разбит полностью, по счастью, из экипажа никто не погиб. Истребители авиадивизии прикрывали Тарнополь (штаб фронта), а также вели разведку в районе Сокаля и Крыстынополя. Продвижение немцев было видно хорошо и издалека — в занимаемой противником полосе горели села. Интересно отметить, что 87-й ИАП сменил базирование и теперь работал с аэродрома Тарнополь, что сокращало время на доставку донесений в штаб фронта. «Ишачки» 87-го полка вместе с «мигами» 15-й авиадивизии стали «глазами» штаба Юго-Западного фронта. Всего 16-я авиадивизия выполнила 173 самолетовылета, сбросив на противника 120 ФАБ-100.

Не менее жесткий отпор получили самолеты 62-й авиадивизии, атаковавшие Устилуг и Грубешув — переправы через Буг получили плотное прикрытие люфтваффе. 94-й и 52-й полки СБ выполнили 91 самолетовылет, сбросили 500 ФАБ-100 и 84 ФАБ-50 ценой потери 14 самолетов и 42 человек летного состава. Однако нельзя не отметить, что ни одна авиадивизия не сбросила такого количества бомб за день за все Приграничное сражение. Другие авиасоединения, летавшие на атаку тех же целей, также понесли тяжелые потери. Бомбившие с 1900 м Устилуг и Грубешув 33 экипажа ДБ-3 18-й авиадивизии потеряли сбитыми истребителями противника 9 машин. Всего дальними ДБ-3 было выполнено за день 42 самолетовылета и сброшено 298 ФАБ-100. Переправы у Устилуга прикрывали I и II группы эскадры JG3. Первая отчиталась о 19 сбитых за 23 июня, вторая — о 15. Большинство сбитых составляли СБ и ДБ-3.

После определенной растерянности первого дня войны советские авиасоединения постепенно включались в боевую работу. Помимо задач, поставленных фронтовым командованием, авиация действовала также в интересах армий. «Миги» 15-й авиадивизии в течение дня 23 июня прикрывали выдвижение частей 4-го механизированного корпуса с воздуха. В 10 воздушных боях по итогам 91 самолетовылета пилоты 23-го ИАП потеряли 4 «мига» и заявили об уничтожении 6 самолетов противника. Из шести сбитых истребителей противника четыре были почему-то опознаны как польские ПЗЛ. Возможно, речь идет о немецких разведчиках «Хеншель-129», отдаленно напоминавших польские машины своей аэродинамической схемой — моноплан-парасоль. 28-й ИАП провел 29 воздушных боев в 140 самолетовылетах. Полк претендовал на четыре сбитых самолета противника ценой потери трех экипажей и выходе из строя 8 самолетов. Всего 15-я авиадивизия выполнила 23 июня 345 самолетовылетов, сбросила 45 ФАБ-50 и 58 АО-10 (с истребителей и штурмовиков).

Точно так же севший «на брюхо» и позднее выгоревший СБ-2 с моторами М-103. О вынужденной посадке говорят согнутые лопасти винтов

Колонна одной из немецких танковых дивизий на марше. 105-мм гаубица следует на буксире скоростного полугусеничного тягача. Такие тягачи позволяли немецкой артиллерии не отставать от танков

Относительно самого сильного в 17-й авиадивизии полка на 23 июня было четкое указание Птухина: «48 СБП (самолеты Пе-2) рассредоточить на оперативных аэродромах с выводом за границу аэродромов и тщательно замаскировать». Видимо, командующий ВВС ЮЗФ стремился сохранить полк от ударов по аэродромам и использовать новейшие бомбардировщики как свою козырную карту. 23 июня «пешки» на задания не летали, потерь ни на земле, ни в воздухе не несли. Истребители 17-й авиадивизии прикрывали железнодорожные узлы.

Из состава 19-й авиадивизии 23 июня действовал только 33-й СБП (двум другим полкам в приказе Птухина задач не ставилось). Полк бомбил Пархач и Крыстынополь, выполнив 36 самолетовылетов и сбросив 156 ФАБ-100. Над целью один СБ был сбит истребителем, а еще один — получил повреждения.

В целом можно констатировать, что ВВС Юго-Западного фронта на второй день войны существенно увеличили свою активность. Было использовано для ударов по противнику 183 самолета-бомбардировщика, или 31,2% общей численности.

24 июня. Постепенно идеи Кирпоноса и Пуркаева относительно путей стабилизации проломленного уже в первый день войны фронта приобретали все более четкие очертания. Командование Юго-Западного фронта решило использовать встретившие войну на полпути к границе «глубинные» стрелковые корпуса для построения нового фронта обороны. Их задачей стало, «опираясь на противотанковые районы, не допустить прорыва мотомеханизированных частей противника в восточном направлении». Соответственно на позиции поперек центральной «панцерштрассе» по рубежу реки Иква на широком фронте выходили три дивизии 36-го стрелкового корпуса, а поперек северной «панцерштрассе» — дивизии 31-го стрелкового корпуса. В тылу 6-й армии, южнее Бродов, должен был занять оборону 37-й стрелковый корпус. Крупных сил противника этот заслон сдержать не мог, однако контрудары мехкорпусов должны были уменьшить силы противника, остающиеся на острие главного удара.

Однако пока все эти меры лишь обещали изменение ситуации в лучшую сторону. С учетом тактики Крювеля с «пехотной» и «танковой» боевыми группами не всякий контрудар мог задержать продвижение XXXXVIII моторизованного корпуса. Пока «танковая» боевая группа отбивалась бы от советских танков, «пехотная» в соответствии с принципом «а Васька слушает, да ест» покрыла бы еще несколько десятков километров. Поэтому данные авиаразведки и построение в соответствии с ними заслона фронтом на юг не оказали решающего влияния на продвижение 11-й танковой дивизии в направлении Дубно. Непосредственное воздействие на «пехотную» боевую группу дивизии в течение 24 июня отсутствовало. Ее не встретили ни занятые пехотой и артиллерией рубежи обороны, ни выпады танковых частей.

Ранним утром части 11-й танковой дивизии переправились через Стырь и изготовились к наступлению на восток. Дивизия Крювеля должна была пробиваться вперед двумя группами: мотоциклетным батальо-

Подбитый БТ-2 из 19-й танковой дивизии под Войницей. Это были безнадежно устаревшие к 1941 г. машины, вооруженные только спаркой 7,62-мм пулеметов

ном с захваченного утром плацдарма у Острова и «пехотной» боевой группой с плацдарма у Шуровищей. Однако на пути решительного броска вперед встал неожиданный противник. «Около полудня командир корпуса устно, а штаб корпуса — по радио одновременно ставят 11-й тд цель наступления — Дубно. В 10.00 одновременно выступили 61-й мотоциклетный батальон с плацдарма Остров, а 110-й мотострелковый полк — с плацдарма Шуровице, однако в связи с постоянными авианалетами продвигаются вперед медленно»*. До этого, в первые утренние часы, «сталинские соколы» обрушились на переправу в Шуровищах, мешая накоплению сил на плацдарме. Несколько подробнее вопрос с налетами авиадивизий ВВС ЮЗФ на 11-ю танковую дивизию будет разобран ниже, а сейчас имеет смысл сразу сообщить ответ: Дубно 24 июня захвачен не был. К 18.00 «пехотная» боевая группа дивизии вышла к Вербе, на дальние подступы к Дубно. Дивизия Крювеля двигалась в пустоте, сопротивление ей оказывали в лучшем случае отдельные мелкие подразделения, случайно оказавшиеся на «панцерштрассе». Несмотря на это, выполнить поставленную Кемпфом задачу 11-я танковая дивизия не смогла ввиду сильного воздействия с воздуха. Штурм Дубно был отложен на следующий день. Настоящим издевательством над этим фактом звучит запись в журнале боевых действий группы армий «Юг» от 24 июня: «Наши ВВС в основном овладели господством в воздухе». Овладеть-то овладели, но забыли сообщить об этом «сталинским соколам».

Задержка с продвижением вперед 11-й танковой дивизии 24 июня также повлияла на долгосрочные планы немецкого командования. Они предусматривали ввод в бой еще одного подвижного соединения на центральной «панцерштрассе» — 16-й танковой дивизии Ганса-Валентина Хубе. Вытянувшаяся вдоль дороги 60-километровая «кишка» подразделений 11-й танковой дивизии к 24 июня наконец полностью втянулась на территорию СССР. Соответственно было принято решение в середине дня ввести через Крыстынополь по шоссе дивизию Хубе. Еще одним сдерживающим фактором стали пограничные укрепления «линии Молотова». ДОТы в районе Крыстынополя продолжали огрызаться огнем, и командование XXXXIV армейского корпуса пообещало пробить дорогу для 16-й танковой дивизии к середине дня 24 июня. К вечеру части дивизии Хубе начали втягиваться на территорию СССР и вышли к Радзехову. Дальнейшему продвижению вперед мешали скопившиеся на «панцерштрассе» тылы 11-й танковой дивизии. Как следует из записей в ЖБД XXXXVIII корпуса, Кемпф сам принял решение приостановить проталкивание дивизии Хубе по забитому шоссе: «Приказы штаба корпуса 11-й тд освободить дорогу для продвижения 16-й тд до 20.00 не выполняются, поскольку командир корпуса на основе личных наблюдений на месте устным приказом продлил этот срок до 24.00. Поэтому основная часть 16-й тд использует этот вечер для отдыха»**.

Александровка. Главным событием 24 июня было, безусловно, танковое сражение, развернувшееся на полпути от ВладимираВолынского до Луцка. Иногда его привязывают к названию деревни Войница, однако собственно поле боя было восточнее, у деревни Александровка. Другое дело, что населенных пунктов с названием «Александровка» довольно много, и бо-

Горящий бронеавтомобиль БА-10. Башня развернута назад, как это полагалось делать в бою, оберегая от пуль двигатель. Для езды «задом наперед» на броневиках был даже пост управления в корме машины

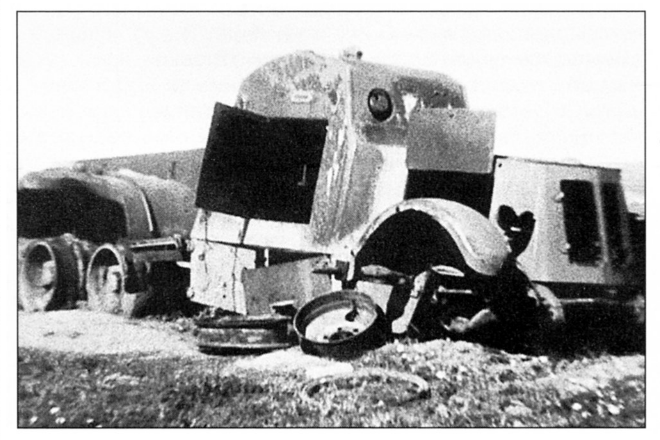
* NARA T314 R1138, f491.
** NARA T314 R1138 f492.

«Поле смерти» под Войницей. На снимке не обычные Т-26, а их версии с радиоуправлением, так называемые телетанки. Слева танк управления, справа танк, способный воевать без экипажа

лее точную привязку дает менее распространенное название «Войница». Предпосылки к столкновению советских и немецких танков у Александровки возникли 23 июня. В то время как фронтовое командование лихорадочно собирало мехкорпуса для контрудара, командование 5-й армии также стремилось ввести в бой резервы с целью стабилизации положения. В качестве таковых выступали 135-я стрелковая дивизия, части 22-го мехкорпуса и 1-я противотанковая артиллерийская бригада. Командующий 5-й армией М.И. Потапов сформулировал задачи подчиненных ему войск следующим образом: «Армии продолжать прочно оборонять занимаемый рубеж, не допуская прорыва противника; ударами резервов уничтожить владимир-волынскую группировку противника и восстановить госграницу».

Первоначально время контрудара было назначено на 22.00 23 июня, но, учитывая опасность совершения марша 135-й стрелковой дивизии и 22-го мехкорпуса в дневное время, он был перенесен на утро 24 июня. Занять исходное положение предполагалось к 4.00 24 июня. 135-я стрелковая дивизия генерала Ф.Н. Смехотворова к утру 24 июня заняла исходное положение для атаки на рубеже Александровка (3 км вост. Войницы), Крухеничи, Локачи. Тем самым дивизия своим правым флангом перегораживала северную «панцерштрассе». Севернее был обширный заболоченный лес, и перекрывать его большого смысла не имело. За 135-й дивизией восточнее Александровки и в рощах южнее заняли огневые позиции 1-я артиллерийская противотанковая бригада, 460-й артиллерийский полк 27-го стрелкового корпуса и артиллерия 135-й стрелковой дивизии. Они были объединены в артиллерийскую группу, возглавлявшуюся начальником артиллерии 5-й армии генерал-майором В.Н. Сотенским. Следует отметить, что, по донесению командарма-5 Потапова, ощущался острый недостаток снарядов для 37-мм и 85-мм зенитных пушек, в связи с чем два дивизиона 1-й артиллерийской противотанковой бригады, оснащенные этими пушками, не использовались. Основным оружием противотанкистов Москаленко должны были стать 76-мм пушки. 19-я танковая дивизия к утру 24 июня еще не прибыла на исходный рубеж, и поэтому контрудар, назначенный на 4.00 24 июня, был перенесен на более поздний срок — до прибытия 19-й танковой дивизии.

Однако перейти в наступление собранной Потаповым группировке так и не удалось. В 8 часов 24 июня танки и мотопехота двигавшейся вдоль «панцерштрассе» 14-й танковой дивизии, поддержанные ударами

Бронеавтомобиль БА-10, разрушенный детонацией боекомплекта. Помимо снарядов к 45-мм пушке, БА делало взрывоопасным расположение топливного бака под крышей боевого отделения

Немецкие солдаты осматривают брошенную 76-мм пушку Ф-22. Такие орудия состояли на вооружении 1-й противотанковой бригады К.С.Москаленко

авиации, упредив советские войска, сами атаковали 135-ю стрелковую дивизию из леса севернее Войницы и потеснили ее на 5—6 км к востоку.

Вскоре после полудня к грохочущему выстрелами полю боя подошла 19-я танковая дивизия 22-го механизированного корпуса. Впрочем, «подошла» — это громкое слово. Сосредоточение дивизия не закончила и могла участвовать в бою лишь частью сил. Исходные позиции для наступления, назначенные ранее, уже были захвачены противником. Не ожидая завершения сосредоточения соединения, комкор-22 Кондрусев в 13.30 приказывает атаковать. Через полчаса, в 14.00, в бой было выведено всего 45 Т-26 и 12 броневиков БА-10, сведенных в один танковый полк под командованием полковника Б.Г. Бибика. Атакованная немецкая пехота начала отступать, но навстречу сводному полку Т-26 вскоре выкатились из леса немецкие танки, опознанные как «средние». Бой продолжался в течение 2,5 часа. Результат столкновения легких Т-26 с немецкими «панцерами» был предсказуем. У Т-26 не было преимущества ни в скорости, ни в обзоре, ни в бронировании. По донесению начальника штаба 19-й танковой дивизии, «после потери больше половины наших танков началось отступление»*.

Немецкая сторона характеризовала происходившее, как «длительный бой танков против танков», в котором, по первому донесению, был уничтожен 21 советский танк, что довольно точно совпадает с советской оценкой потери половины участвовавших в атаке машин (45 Т-26). Причем среди подбитых немцы насчитали 9 «20—30-тонных» тяжелых танков. Учитывая, что в 19-й танковой дивизии ни Т-34, ни Т-28 не было, заявка выглядит как минимум странно. Вообще, атака Т-26 была оценена с уважением. В истории 14-й танковой дивизии она описана так: «Во второй половине дня 24 июня была отражена мощная танковая

Еще один снимок с «поля смерти». Перед нами подбитый Т-26 с сорванной башней и развороченным бортом

* ЦАМО РФ, ф. 3456, оп. 1, д. 11, л. 13.

Немецкие солдаты позируют на разбитых Т-26. Справа тягач на шасси Т-26, таки машины были в составе 22-го мехкорпуса

атака врага пехотным и 36-м танковым полком близ Александровки». «Мощную атаку» силами Т-26 представить довольно трудно, но тем не менее таковой она показалась противнику.

Потери немцев в танковом бою советской стороной были оценены в 8 средних и 2 тяжелых танка. Согласно дневному донесению 14-й танковой дивизии в штаб III моторизованного корпуса, собственные потери в бою под Александровкой составили 6 танков. При этом количество уничтоженных советских танков поднялось до 87. На следующее утро заявка подросла до 158 танков, 40 противотанковых пушек и 8 батарей артиллерии*. Позднее число уничтоженных танков подскочило до 176 единиц, при 40 противотанковых пушках и 12 батареях артиллерии. Помимо огульного завышения первоначальной цифры, реалистичным объяснением происхождения этих величин является продолжение танковой дуэли по мере подтягивания главных сил 19-й танковой дивизии. Фотоматериалами подтверждается участие в бою под Войницей телетанков 22-го мехкорпуса. Так что атакой 45 Т-26 участие мехкорпуса в боях с 14-й танковой дивизией явно не ограничилось.

В истории 14-й танковой дивизии сражение продлевается на следующий день: «Танковая битва близ Александровки развивалась таким образом, что до 25 июня были уничтожены 156 вражеских танков»**. Учитывая, что по состоянию на 6.00 26 июня 19-я танковая дивизия имела в строю всего 4 танка, 14 орудий и два батальона мотопехоты, немецкие данные о результатах боя выглядят, по крайней мере, правдоподобными. От 163 танков и 100%-ной комплектности полевой артиллерии этого соединения почти ничего не осталось. В бою под Бойницей погиб командир 22-го мехкорпуса генерал-майор С.М. Кондрусев, был ранен командир 19-й танковой дивизии генерал-майор К.А. Семенченко. Водивший танки Т-26 дивизии в танковый бой командир 37-го танкового полка подполковник Б.Г. Бибик попал в плен, командир 38-го танкового полка И.Ф. Самсонов был убит, командир мотострелкового полка подполковник В.В. Соколин ранен и впоследствии умер от ран.

Пищей для увеличивающихся немецких заявок об уничтоженных советских танках также мог стать постепенный сбор немцами обездвиженных танков по пути к Луцку. Боевые машины 22-го мехкорпуса, несомненно, оставались на дорогах вследствие отсутствия топлива и технических неисправностей. При отступлении эти танки становились трофеями немцев. Но так или иначе, танковый бой под Александровкой заставил немцев на какое-то время остановить свой бег к Луцку. В дневном донесении 14-й танковой дивизии за 24 июня указывалось: «Достичь Торчина вряд ли сегодня получится». Торчин лежал примерно на полпути от Войницы до Луцка, через городок проходила «панцерштрассе», вдоль которой наступал корпус Маккензена.

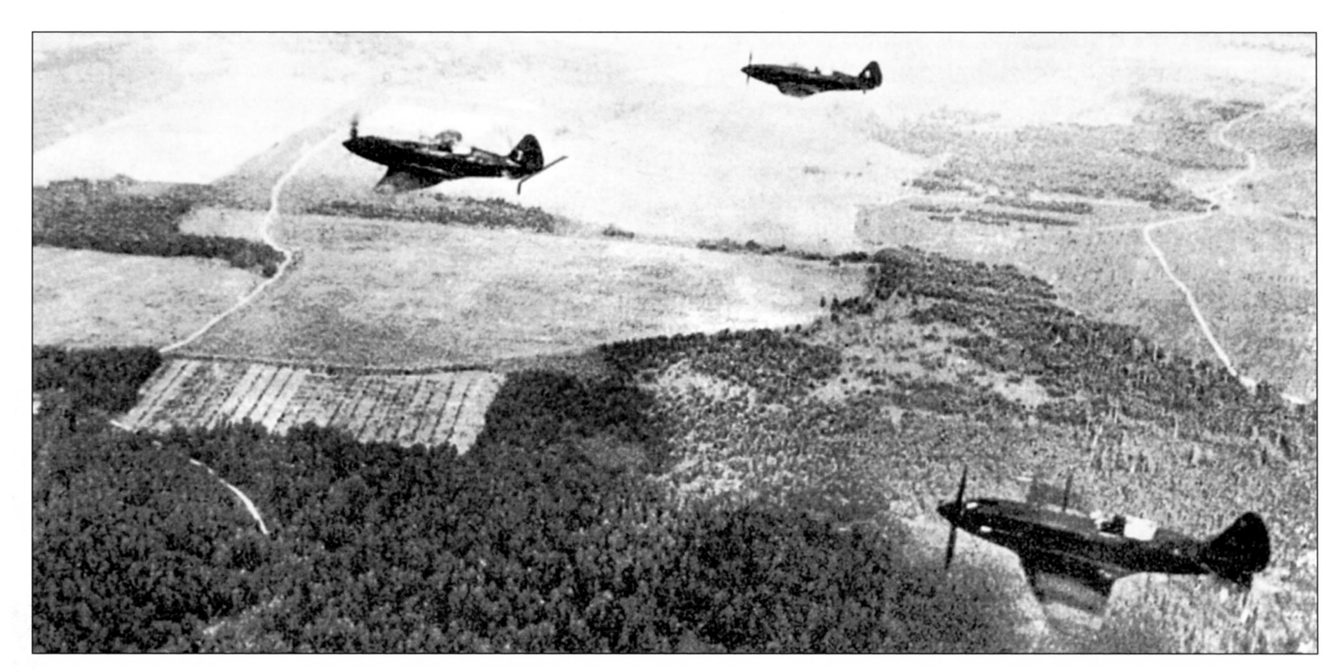
Танковым боем с 14-й танковой дивизией под Александровкой события 24 июня не ограничились. В 17—18 часов 24 июня до позиций 135-й стрелковой дивизии добралась немецкая 13-я танковая дивизия, двигавшаяся медленнее своего соседа южнее «панцерштрассе» по проселочным дорогам. Соответственно, удар пришелся по левому флангу 135-й дивизии. После двухчасового боя, потеряв большое количество личного состава и матчасти артиллерии, 135-я стрелковая дивизия и 1-я противотанковая бригада были оттеснены в направлении Луцка. Однако потери 13-й танковой дивизии также оказались довольно чувствительными. Известный западный исследователь Томас Йенц приводит весьма красноречивые данные относительно состояния танкового парка I батальона 4-го танкового пока 13-й танковой дивизии (см. таблицу).

Число боеготовых танков I/4 танкового полка 13 тд.

	PzII	PzIII	PzIV	Командирские
Утро 24 июня	19	34	10	2
Вечер 24 июня	18	12	8	2

Как мы видим, количество боеготовых танков соединения резко падает, причем в наибольшей степени это касается средних танков PzIII. Впоследствии число боеготовых танков Pz.III этого батальона до отметки 30 штук уже не поднималось. Достаточно высокие, по меркам 1941 г., потери объясняются прежде всего столкновением с 1-й противотанковой артиллерийской бригадой. Подводя итоги битвы под Александровкой (Войницей), можно констатировать, что частями 5-й армии было выиграно время на организацию обороны под Луцком. Без танкового боя III моторизованный корпус, несомненно, вышел бы к Луцку уже вечером 24 июня. Однако пока обе танковые дивизии корпуса Маккензена были остановлены на дальних подступах к городу.

* T313 R4 f 830.
** Grams R. Op. cit. S.24.

Звено МиГ-3 15-й авиадивизии в полете. Советские летчики в 1941 г. еще использовали устаревшее построение из трех самолетов. Переход к парам произошел уже по опыту первых воздушных сражений

Война в воздухе. В истории 11-й танковой дивизии налетам советской авиации 24 июня посвящены следующие строки: «Русские авианалеты, которым благоприятствовала затяжная ясная погода, оказались препятствием для нашего дальнейшего наступления. Инженерные войска заново соорудили мост через Стырь, и в месте у Шуровище мы перешли реку и продвигались дальше в направлении к Дубно. С наступлением темноты 15-й танковый полк преодолел величину суточного перехода — 50 км, несмотря на участие в жесточайших боевых действиях»*.

Окончательно придя в себя после оглушительного удара 22 июня, ВВС Юго-Западного фронта обрушились на продвигавшиеся в глубь страны мотомехколонны врага. Скоростные бомбардировочные полки 16-й авиадивизии (18 СБ и Пе-2) атаковали колонны противника, двигающиеся через Берестечко. Было сброшено 90 ФАБ-100, без потерь. Авиадивизия лишилась только двух И-153, не вернувшихся с разведывательного полета. Бомбардировщики 17-й авиадивизии (59 СБ и Пе-2) также участвовали в атаках на колонны в районе Бродов. Было выполнено 170 самолетовылетов, сброшено 316 ФАБ-100 и 6 ФАБ-50. Над целью были сбиты зенитным огнем 2 Пе-2, в том числе самолет командира 48-го полка майора Царикова, весь экипаж погиб. Неясно, какие именно цели атаковались в районе Бродов, так как 24 июня противника еще там не было. Скорее экипажи довольно широко толковали «район Бродов», к северу от города, ближе к Лешневу пролегала центральная «панцерштрассе». 19-я авиадивизия (71 СБ и Як-2) 24 июня тремя полками «работала» по колоннам в районе Берестечко, Шуровище и Радзехова. Было сброшено 300 ФАБ-100 ценой потери 1 СБ от зенитного огня. Экипажи наблюдали прямые попадания, а летчики 136-го полка с 800 м на Як-2 атаковали колонну танков у Шуровище и даже заявили о трех подбитых танках противника. 62-я авиадивизия (93 СБ и Пе-2) также действовала преимущественно по целям на центральной «панцерштрассе», в районе Лешнева и Шуровище. Цели на шоссе Брест — Ковель бомбились по остаточному принципу. Всего бомбардировщиками авиадивизии было сброшено 246 ФАБ-100 и 256 ФАБ-50. Потери составили 6 самолетов. Еще 2 СБ были уничтожены и 5 повреждены вследствие атаки противником аэродрома Кремно. В целом

«Пятиточечный» МиГ-3 с крыльевыми 12,7-мм пулеметами. Во многих частях перед войной они снимались, ввиду нехватки пулеметов для строившихся самолетов

* Schrodek Op. cit. S. 130.

Немецкие техники готовят истребитель Ме-109 к боевому вылету. Сейчас они укладывают ленту к 15-мм пушке MG-151/15. Эта пушка продемонстрировала невысокую эффективность, и на следующих моделях Ме-109 ее сменили на 20-мм вариант

нельзя не отметить, что картина боевых действий бомбардировщиков Юго-Западного фронта 24 июня далека от традиционных штампов. Авиаудары по мотомехколоннам в этот день совсем не похожи на хорошо известные по литературе самоубийственные атаки, в которых гибнет множество неприкрытых истребителями СБ и ДБ-3. Такая картина была более характерна для Западного фронта. На Юго-Западном фронте потери бомбардировочных авиаполков можно характеризовать как умеренные.

Непрекращающиеся удары по аэродромам вынуждали ВВС фронта изыскивать возможности для аэродромного маневра. Новейшие «миги» 15-й авиадивизии 6-й армии 24 июня были перебазированы на аэродром Зубов соседней 16-й авиадивизии. Следует отметить, что в результате этого до 20.00 28-й ИАП был прикован к земле ввиду отсутствия горючего после перебазирования. Прикрытие 86-го СБП было обеспечено только в 20.00—21.00. 23-й ИАП, в свою очередь, работал на прикрытие аэродрома Зубов, т.е., строго говоря, дивизия прикрывала сама себя. Маневрирование по аэродромам было палкой о двух концах — на новом месте могло не оказаться горючего, боеприпасов или запасных частей. В целом перебазирование негативно сказалось на действиях 15-й авиадивизии — за 24 июня было выполнено всего 68 самолетовылетов.

24 июня произошла смена командования ВВС фронта. Е.С. Птухин был повторно освобожден от служебных обязанностей и сменен генерал-лейтенантом авиации Ф.А. Астаховым (командовавшим ВВС

Экипаж Пе-2 готовится к боевому вылету. На снимке хорошо видно развитое остекление носовой части «пешки», упрощенное и сокращенное на машинах военного выпуска

фронта до весны 1941 г.). Еще 20 июня 1941 г. Птухин был снят с должности «за высокий уровень аварийности в авиадивизиях округа». Однако начавшаяся война заставила отложить кадровые перестановки. Дальнейшая судьба Птухина сложилась трагически. 3 июля 1941 г. Евгений Саввич был арестован и позднее расстрелян. Однако нельзя не отметить, что возвращение старого командующего ВВС улучшило управление авиацией. Баграмян писал: «Астахов сумел быстро войти в курс дела. Он хорошо знал авиационные части фронта, их людей; летчики уважали и любили его. Результаты усилий Федора Алексеевича сказались быстро. В частности, ему удалось резко улучшить авиационную разведку. Добытые ею данные многое прояснили»*.

Если не считать Войницы, то 24 июня ВВС фронта были наиболее активным участником разгорающегося сражения. Авиация стала едва ли не единственным средством сдерживания продвижения лидирующего соединения XXXXVIII корпуса. В итоге командир 11-й танковой дивизии разразился донесением Кемпфу, которое можно было даже назвать жалобным. Генерал Крювель писал своему командиру:

«Существует обоснованное предположение, что дивизия выполнит поставленные на сегодня задачи. Тем не менее это на некоторое время было поставлено под сомнение, хотя сопротивление наземных войск противника следует охарактеризовать как не слишком сильное.

Однако воздушные удары, наносившиеся противником с раннего утра по скучившимся на одном шоссе подразделениям дивизии, стали причиной задержек, а также тяжелых потерь в людях и технике. Дивизия на данный момент потеряла 16 человек убитыми и 50 ранеными, по большей части тяжело. Далее, по неполным сведениям дивизия потеряла 16 единиц техники, в том числе ценнейших, например тяжелых тягачей.

Взгляд на карту заставляет убедиться в том, что расположение 11-й тд притягивает вражеские авианалеты, так что завтра и в последующие дни следует рассчитывать на их продолжение, а возможно, и усиление.

Поэтому я настоятельно прошу пробудить у вышестоящих инстанций понимание того, что нам остро необходимо истребительное прикрытие. Для тех же целей я попросил выделить дополнительно одну зенитную батарею на самоходном шасси, а именно 16-ю из полка «Герман Геринг».

Я понимаю, что средства, которыми можно поддержать дивизию, ограничены и их будет не хватать в других местах»**.

Остановить продвижение дивизии Крювеля советская авиация, конечно же, была не в состоянии. Однако нет никаких сомнений, что если бы не авиаудары, то темп наступления 11-й танковой дивизии был бы намного выше. Как показывает наступление 4-й танковой группы в Прибалтике, темпы продвижения механизированных соединений могут превысить 50 км в сутки. Следует сказать, что слабое прикрытие истребителями было вызвано организационными, а не техническими проблемами. В журнале боевых действий XXXXVIII корпуса отмечается: «Многократные заявки на истребительное прикрытие, направленные корпусом в танковую группу, могут быть удовлетворены лишь в малой степени, поскольку истребители в данный момент еще не находятся в распоряжении сухопутных войск»***. Действия JG3 24 июня трудно назвать успешными. Если 23 июня было заявлено о 37 сбитых, то 24 июня пилоты эскадры отчитались лишь о 8 сбитых советских самолетах.

По мере продвижения противника вперед появились новые факторы, влиявшие на ход воздушной войны. Начали возрастать небоевые потери советских авиаполков. В первую очередь пострадала 14-я авиадивизия, чьи аэродромы находились на пути 1-й танковой группы. Уже с 24 июня ее полки, базировавшиеся на аэродромах Млынув, Колки и Велицк, были вынуждены перелететь на аэродром Федоровка у Новоград-Волынска. За 22—24 июня 1941 г. дивизия полковника Зыканова потеряла****:

— 10 самолетов, сбитых в воздушном бою;

— 2 самолета, сбитых зенитной артиллерией противника;

— 8 самолетов, не вернувшихся с боевого задания;

— 53 самолета, уничтоженных на аэродромах;

— 5 самолетов, уничтоженных при отходе;

— 42 самолета, оставленных на территории, занятой противником;

— 9 самолетов, разбитых в авариях.

Всего 14-й авиадивизией, таким образом, было потеряно 129 машин, в том числе 26 учебных. Как видно из приведенной статистики, 100 самолетов были так или иначе потеряны на аэродроме. Напомню, что к началу войны в соединении насчитывалось 182 боевых самолета. Разгром соединения не был результатом одного удара по «спящему» аэродрому. Дивизию целенаправленно уничтожали несколько дней. 17-й истребительный авиаполк, базировавшийся на аэродроме Велицк, был добит только на третий день войны: «...утром третьего дня прилетела дюжина истребителей Ме109. Стали в два круга: шесть самолетов с правым креном и шесть самолетов — с левым — и проштурмовали, как на полигоне. Обстрелы были точные, уверенные, как по мишеням. В результате на аэродроме осталось 10 исправных И-153 и один МиГ-1, все остальные машины числом около 150 были повреждены»*****.

В судьбе 14-й авиадивизии в первые дни войны как в зеркале отразилась постигшая ВВС Красной Армии катастрофа. Быстрое продвижение противника на направлениях его главных ударов вынуждало бросать технику, даже получившую незначительные повреждения или попросту оставшуюся без горючего. Одновременно отсутствие аэродромного маневра приводило к большим потерям на аэродромах.

Разумеется, не все авиадивизии ЮЗФ попали под паровой каток на направлении главного удара. Судьба 14-й авиадивизии была все же крайним случаем. Но ситуация в целом не внушала оптимизма. Так, 16-я авиадивизия к 24 июня из 182 самолетов, имевшихся к началу войны, сохранила боеготовыми 63 боевых машины. Соответственно 13 самолетов было сбито в воздушном бою, 2 не вернулись с боевого задания, 31 был уничтожен на земле и 47 числились на время выведенными из строя******. Еще 9 И-153 были отправ-

* Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 139.

** NARA T313 R1138 f 915—916.

*** NARA T313 R1138 f 491.

**** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 47, л. 17.

***** Архипенко Ф.Ф. Указ. соч. С. 25.

****** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 33, л. 287.

Потери 15-й авиадивизии 22—24 июня 1941 г.

	МиГ-3	И-16	И-153	И-15	Ил-2
Сбито в воздушном бою	4	3	2	2	—
Сбито огнем ЗА	5	—	1	—	—
Не вернулось с задания	13	8	—	4	—
Уничтожено на аэродромах	23	11	—	27	3
Уничтожено (оставлено) при отходе	2	—	4	—	—
Аварии	1	—	1	2	—
Всего	48	22	8	35	3

ЦАМО РФ, ф. 229, ф. 181, д. 47, л. 31об.

лены в Луцк (т.е. в злосчастную 14-ю авиадивизию). В 86-м бомбардировочном полку дивизии на 24 июня боеготовыми числились 5 СБ и 2 Пе-2, а неисправными — 22 СБ и 4 Пе-2. От имевшегося на 22 июня кулака из 35 СБ и 9 Пе-2 остались одни воспоминания.

Темпы выбивания техники, разумеется, менялись от соединения к соединению. Например, 15-я авиадивизия на третий день боев сохранила больше половины своих самолетов. По причинам выхода из строя потерянные соединением самолеты распределялись следующим образом (см. таблицу).

Хорошо видно, что на третий день войны потери на аэродроме выровнялись с потерянными в воздухе (за исключением все проспавшего утром 22 июня полка штурмовиков). Всего за первые три дня войны авиадивизия потеряла 116 самолетов из 236, имевшихся к началу войны. Однако после трех дней тяжелых боев от былого могущества в лице полнокровных полков МиГ-3 уже не так много осталось. К концу дня 24 июня 23-й ИАП насчитывал боеготовыми 6 МиГ-3, 4 И-153; 28-й ИАП — 21 МиГ-3; 164-й ИАП — 13 И-16, 15 И-153, 1 И-15; 66-й ШАП — 19 И-15, 3 Ил-2.

По приведенной статистике хорошо видно, что понесенные в воздухе и на аэродромах потери существенно уменьшили боевые возможности авиадивизий. Однако к началу решающего сражения на земле они все еще сохраняли боеспособность.

25 июня. Как уже было сказано выше, разработанная командованием фронта концепция борьбы с прорывом противника на стыке 5-й и 6-й армий предусматривала не только контрудар мехчастями по флангам, воздействие с воздуха, но и сдерживание наступающего врага с фронта. Для этого были задействованы так называемые «глубинные» стрелковые соединения, которые еще в середине июня начали марш к границе. Если посмотреть на карту, то выбор штабом фронта в качестве сдерживающего рубежа реки Иква представляется весьма удачным. Речка протекала с северо-запада на юго-восток, пересекая направление немецкого наступления как по трассе Владимир-Волынск — Житомир, так и по трассе Сокаль — Бердичев. Речка с заболоченной поймой могла стать серьезным препятствием для немецких танковых дивизий, даже если оборону на ее берегах

Танки PzIII и PzIV 11-й танковой дивизии въезжают на улицы украинского города. Обратите внимание на заклеенные крест на крест окна — это уже не первый день войны

придется занимать растянутыми по фронту соединениями. Главной задачей было успеть выйти на этот рубеж и худо-бедно закрепиться на нем. Пока грохотали бои на границе и поднимали столбы черного дома танковые сражения, с востока к Икве шли маршевые колонны «глубинных» корпусов. С запада, поднимая тучи пыли, двигались танки, автомашины и мотоциклы немецких танковых дивизий.

Общее построение 11-й танковой дивизии 25 июня оставалось неизменным. Лидировала ее движение вперед «пехотная» боевая группа. Танковый полк (точнее, «танковая» боевая группа) из-за трудностей на дорогах застрял и утром 25 июня еще оставался под Островом, но Крювеля это не остановило. Он упорно двигался вперед, памятуя, что «время — кровь». Уже в 7.30 утра «пехотная» боевая группа дивизии захватывает высоты к юго-западу от Дубно. Одновременно разведывательный батальон соединения совершает широкий обходной маневр через Млынов (городок выше Дубно по течению Иквы). Командование дивизии, как и ранее, не стало делать ставку на успешный захват одной переправы. Атакованы были сразу обе. Если бы одна оказалась разрушена, можно было бы перегруппировать вставшие перед взорванным мостом силы на соседний участок и не терять темпа.

С советской стороны первым действующим лицом разыгравшейся на берегах Иквы драмы выступал передовой отряд 40-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса. От дивизии была выброшена вперед танковая рота под командованием старшего лейтенанта Ивашковского (16 машин Т-26 и Т-38). В 14.00 24 июня она получила задачу захватить переправы в районе Млынова и Дубно. Отряд Ивашковского прибыл к Млынову как раз вовремя, чтобы столкнуться лоб в лоб с разведывательным батальоном дивизии Крювеля. Потеряв два танка, отряд 40-й танковой дивизии отошел от переправы.

Брошенный танк КВ-2, предположительно из 41 тд 22 МК. Судя по оборванным буксирным серьгам, гиганта безуспешно пытались отбуксировать для ремонта

Силы немцев советскими командирами в этом бою были оценены в «пехотный полк с большим оснащением противотанковых средств». Это очевидное преувеличение. Штатная численность разведывательного отряда немецкой танковой дивизии составляла 407 человек, что примерно соответствовало батальону. Его вооружение составляли 25 бронеавтомобилей, три 37-мм противотанковых пушки, одиннадцать противотанковых ружей, два 75-мм легких пехотных орудия. По штатному расписанию KStN от 1 февраля 1941 г. 25 бронеавтомобилей распределялись следующим образом: один SdKfz 247 (командирский бронеавтомобиль без вооружения), один SdKfz 263 (восьмиколесный бронеавтомобиль с одним 7,92-мм пулеметом и мощной радиостанцией), четыре SdKfz 223 (четырехколесный бронеавтомобиль с 7,92-мм пулеметом и радиостанцией среднего радиуса действия), три SdKfz 231 (восьмиколесный с 20-мм пушкой), три SdKfz 232 (восьмиколесный с 20-мм пушкой), четыре SdKfz 222 (четырехколесный с 20-мм пушкой) и десять SdKfz 221 (четырехколесный бронеавтомобиль с 7,92-мм пулеметом). Судя по всему, впечатление больших противотанковых возможностей создали многочисленные 20-мм автоматические пушки бронемашин разведотряда дивизии Крювеля. Здесь же отметим бои у Млынова как пример использования немцами разведывательного батальона как самостоятельной части не для собственно разведки, а для ведения самостоятельных

боевых действий. Этот прием достаточно часто использовался немецкими командирами.

Если бы 228-я стрелковая дивизия полковника А.М. Ильина, которой был назначен рубеж обороны от Млынова до Дубно, уже успела окопаться, 25 июня могло стать самым черным днем 11-й танковой дивизии. Но этого не произошло. Утром 25 июня советская стрелковая дивизия только подходила к Дубно и Млынову с востока. Один ее стрелковый полк с гаубичным артполком (767-й сп с 366-м гап) выходил к Млынову, а второй полк с легким артполком (799-й с 669-м лап),

Колонна 13-й танковой дивизии движется мимо горящего советского танка. На переднем плане Pz.II, в центре Pz.IV. Эта дивизия понесла в бою 24 июня тяжелые потери

противотанковым дивизионом и разведывательным батальоном — к Дубно. Третий полк был во втором эшелоне. Все решает разница во времени выхода на рубеж Иквы буквально в несколько часов. В 11.00 110-й мотострелковый полк 11-й танковой дивизии атакует Дубно с юга, в то время как с севера его одновременно атакует разведывательный батальон, прорвавшийся у Млынова. В 14.10 25 июня Дубно был захвачен. В своем донесении Крювель писал, что город был занят «крупными силами» советских войск. Однако там к моменту атаки немцев был 529-й гаубичный полк большой мощности и отдельные части Красной Армии, возможно, бойцы из батальона обслуживания аэродрома.

Загрузка боекомплекта в танк Pz.III 14-й танковой дивизии. Выстрел к 50-мм пушке был очень компактным, что облегчало заряжание и повышало скорострельность

По немецким данным, их трофеями в Дубно стали:

— 42 новых 21-см орудия;
— 62 пулемета;
— 95 грузовиков;
— 50 тракторов;
— большие запасы бензина, масла и муки;
— склад боеприпасов;
— 2500 пленных*.

По советским данным, 529-й гаубичный полк имел 27 203-мм гаубиц Б-4, которые были оставлены из-за отсутствия тракторов. Скорее всего, причина в наложении данных по захваченным Б-4 и другим ору-

* NARA T313 R4 f1079.

Что дальше? Командир танка из 14-й танковой дивизии наблюдает в бинокль, высунувшись из командирской башенки. На этом фото хорошо виден уголок на крыше корпуса, препятствовавший заклиниванию башни пулями и снарядами небольшого калибра

диям. Т.е. первоначальный доклад о захвате 42 орудий, в том числе 21-сантиметровых, был интерпретирован позднее как захват 42 21-см орудий.

После того как противник упредил 228-ю дивизию в выходе на рубеж Иквы, ее положение можно было смело назвать катастрофическим. Вместо обороны по заболоченной речке ей предстояло или отбивать эти позиции, или же принимать бой в открытом поле. Учитывая, что на 1 июня 1941 г. в 228-й стрелковой дивизии было 8210 человек, большей частью первого года службы, шансов выбить противника с занятых позиций после рокового опоздания утром 25 июня у нее практически не было. Однако, поскольку противостоящие немецкие части были сочтены десантом (они были очень уж далеко от границы), попытка отбить Дубно и Млынов все же была предпринята. Разведбат дивизии даже ворвался в центр Дубно. Однако огнем артиллерии оба передовых полка 228-й дивизии были оттеснены на исходные позиции. Танков в «боевой группе Ангерна» было немного, но артиллерия была сильной стороной немецких танковых дивизий всю войну. Еще одна попытка была предпринята в ночь с 25 на 26 июня, когда по одному усиленному батальону ночной атакой попытались захватить Млынов и Дубно. Атака на Дубно была отражена, а Млынов удалось захватить и удержать — разведывательный батальон 11-й танковой дивизии прошел через него в ходе обходного маневра, и немецкий гарнизон в городке, видимо, был относительно немногочисленным.

Как гласит отчет командира 40-й танковой дивизии: «С 24.6 по 25.6.41 танковая рота, действуя с полком 228 с[трелковой] д[ивизии], ожесточенно атаковала пр[отивни] ка, уничтожая живую силу и огневые средства. К исходу дня 25.6.41 танковая рота потеряла 11 танков Т-26, два танка Т-38, имея в своем составе требующих ремонта три танка Т-26». К этим боям относится эпизод весьма своеобразного использования огнеметного танка Т-26 лейтенантом Оськиным. Не имея зарядки смеси, он использовал свою машину как пулеметный танк, уничтожая немцев огнем пулемета ДТ и гусеницами. В ЖБД XXXXVIII корпуса действия советского передового отряда описываются лаконичной фразой: «Наступление развивается успешно, фланговые удары вражеских танков отражаются».

Луцк. Резко контрастируют с явно неудачными для советских войск боевыми действиями под Дубно события, происходившие 25 июня на подступах к Луцку. В журнале боевых действий группы армий «Юг» прямо указывалось: «Подчиненная 6-й армии 1-я танковая группа вместе с XXXXVIII моторизованным корпусом смогла овладеть Дубно, в то время как III моторизованный корпус, успешно проведя в ходе своего продвижения 24.6 танковое сражение, значительно снизил темпы наступления и только к вечеру 25.6 достиг Луцка».

В отличие от подступов к Дубно, где частей Красной Армии практически не было, на подступы к Луцку отошли потрепанные, но все еще сохраняющие боевой потенциал 135-я стрелковая дивизия и 1-я противотанковая бригада. В течение дня 25 июня 14-я танковая дивизия пробивалась через их оборону вперед по северной «панцерштрассе» через Торчин, потеряв 17 танков*. То есть потери соединения оказались формально больше, чем в предыдущий день в ходе сражения под Войницей (Александровкой). Весьма полезной была бы в этих условиях поддержка пехоты. Однако,

Переправа, переправа... Танк БТ-7 раннего выпуска с цилиндрической башней, подбитый у моста. Через пролом в маске пушке видно небо

Танк БТ-7 с распахнутыми люками. Позади него в небо смотрит 85-мм зенитка обр. 1939 г. Такие орудия были в качестве противотанковых в 1-й ПТАБР

Несмотря на очевидную слабость этого отряда, форсировать Стырь вечером 25 июня немцам пришлось под огнем. Молниеносного захвата в середине дня, как это было в случае Дубно, не произошло.

Миссия 27-го стрелкового корпуса на западном берегу Стыри была если не полностью выполнена, то, по крайней мере, закончена. Поскольку у Луцка уже стояла 13-я танковая дивизия, отходить за реку можно было по переправам к северу от города. Мост для автомобильного и гужевого транспорта был уже взорван. В неопределенной обстановке, когда каждую минуту ожидается прорыв противника, всегда трудно угадать момент подрыва. С ним постоянно то спешили, то опаздывали. Всю войну и по обе стороны фронта.

несмотря на умеренные темпы продвижения III моторизованного корпуса, поддержку 298-й пехотной дивизии танки не получили. Она оказалась скована ударом 215-й моторизованной дивизии 22-го мехкорпуса. По плану она должна была участвовать в контрударе 24 июня, но ввиду низкой подвижности с выходом в назначенный район опоздала. Дивизия полковника П.А. Барабанова, совершив 120-километровый переход, только к 20.00 24 июня вышла в район м. Верба (8 км сев. Владимира-Волынского). Соответственно, 298-я пехотная дивизия вынуждена была ликвидировать угрозу флангу III моторизованного корпуса и контратаковать. В ходе упреждающей атаки немцам удалось оттеснить части 215-й моторизованной дивизии от ближних подступов к Владимиру-Волынскому. Но на продвижение эти успешные в тактическом отношении бои влияли мало.

Успеха, пусть и ограниченного, неожиданно добилась продвигавшаяся проселочными дорогами 13-я танковая дивизия. За счет этого ей удалось обойти советские заслоны, седлавшие шоссе-«панцерштрассе». Неожиданно ставшая передовой дивизия генерала Дюверта во второй половине дня 25 июня вышла к Луцку, захватила его западную часть и мост через реку Стырь в этом районе. Однако если 228-я стрелковая дивизия была упреждена в выходе на рубеж Иквы, то 131-я моторизованная дивизия успела занять опиравшиеся на реку Стырь позиции под Луцком. На 22 июня в танковом полку 131-й моторизованной дивизии числилось 123 танка (28 БТ-7, 59 БТ-5, 36 БТ-2)**. Из них на марш вечером 22 июня вышли 83 машины. Остальные 40 были неисправны вследствие износа траков и пальцев гусениц. К 25 июня из них было отремонтировано 5 машин, отправившихся вдогонку за своими собратьями в Луцк. До района сосредоточения в Бронниках (к западу от Ровно) после 120 км пути из 83 вышедших на марш боевых машин добрались только 35 танков. Именно они в составе одного сводного батальона и двух разведывательных рот заняли оборону в районе Луцка утром 25 июня вместе с мотострелковыми полками 131-й моторизованной дивизии.

Надежду на организованную переправу с сохранением техники давал железнодорожный мост через Стырь у Рожище. У него сгрудилась масса людей и техники. Много раз в течение войны переправы становились последней надеждой на спасение покрытых пороховой гарью и смертельно усталых людей. По ним била артиллерия, обстреливали и бомбили самолеты, но стремившихся любой ценой вырваться из мышеловки людей это не останавливало.

Командир 1-й противотанковой артиллерийской бригады К.С. Москаленко вспоминал: «На мост неожиданно бросились тыловые подразделения и артиллерия на конной тяге из состава частей 27-го стрелкового и 22-го механизированного корпусов. Поддавшись панике, несколько сот человек, мешая друг другу, пытались прорваться на тот берег. Их кони ломали ноги между шпалами, повозки и орудия сбивались в кучу. Образовалась пробка. А тут еще немцы открыли артиллерийский огонь по мосту. Началась невообразимая суматоха. Люди распрягали лошадей, бросались обратно на берег, а то и прямо в воду. После нескольких разрывов вражеских снарядов на мосту никого не осталось, кроме перевернутых повозок да автомашин. Для его расчистки понадобились бы долгие часы. Раздумывать было некогда, ибо речь шла о судьбе многих тысяч людей. И я послал на мост находившиеся в моем распоряжении два танка КВ из 41-й танковой дивизии. Могучие боевые машины своей тяжестью расчистили мост, и мы тут же возобновили переправу»***.

Использование, по крайней мере, одного КВ-2 на переправе у Рожище подтверждается документами. 41-я танковая дивизия неизбежно растаскивалась по частям для затыкания дыр. Ее КВ-2 не стали исключением. По донесению командира дивизии П.П. Павлова, один КВ был остановлен Москаленко и введен в бой для прикрытия переправы, правда, основным его оружием стал пулемет (что при темпе огня 152-мм

* NARA T313 R4 f935.
** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7 т. 1, л. 113.
*** Москаленко К.С. Указ. соч. С. 39—40.

Вперед, только вперед. Мимо брошенной техники, по разбитым дорогам немецкие танковые дивизии медленно, но верно продвигались на восток

пушки один выстрел в 3,5 минуты, неудивительно). Попытка немецких танков прорваться к мосту ввиду присутствия КВ была неудачной, он был «атакован двумя танками противника, вооруженными 20-мм пушками [очевидно PzII. — А.И.], танки противника с поля боя бежали»*. Немцы появление КВ заметили, в дневном донесении 14-й танковой дивизии сказано: «На фронте разведывательного батальона первый раз появились тяжелейшие танки неприятеля»**.

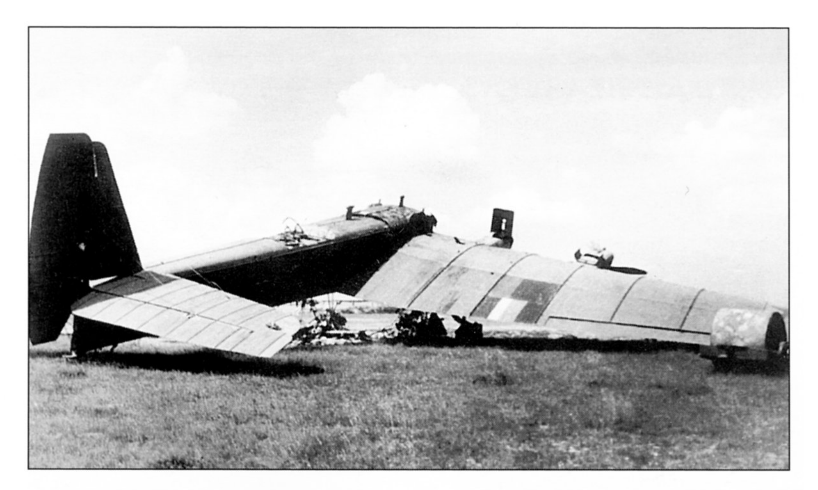
В течение ночи 26 июня части 135-й стрелковой, 19-й танковой дивизий и 1-й противотанковой бригады отошли на правый берег реки Стырь по железнодорожному мосту, отбиваясь от наседавших с запада передовых частей немцев. На широком фронте от Рожище до Острожца (15 км юго-вост. Луцка) оборонялись мотоциклетный полк 22-го мехкорпуса и 131-я моторизованная дивизия 9-го механизированного корпуса. Теперь оборонительные возможности советских войск на рубеже Стыри в районе Луцка существенно увеличились.

Преследовавшим отходящие советские части разведывательному и мотоциклетному батальонам 14-й танковой дивизии все же удалось захватить у Рожище слабый плацдарм. В сущности, он был для дивизии «чемоданом без ручки», который и выбросить жалко, и нести неудобно. Главные силы дивизии сменяли своего соседа, 13-ю танковую дивизию, на плацдарме у Луцка. Они должны были попытаться пробиться вдоль «панцерштрассе» на восток. В свою очередь, 13-я танковая дивизия должна была наступать в обход Луцка с юга. В этой ситуации находившийся в стороне от «панцерштрассе» слабый плацдарм был не очень нужен и лишь способствовал распылению сил. Более того, он стал для немцев головной болью ввиду необходимости его усиления. Согласно дневному донесению за 26 июня 14-й танковой дивизии:

«По донесению от 18.00, противник при сильной артиллерийской поддержке пытается раздавить плацдарм. Для оказания помощи мотоциклетному батальону немедленно переброшены один стрелковый батальон и одна тяжелая батарея с батареей артразведки. На настоящий момент бой все еще продолжается. Радиограмма от мотоциклетного батальона сообщает о примерно 15% потерь»***.

Подробностей о действиях 9-го мехкорпуса 26—28 июня не сохранилось. В своих мемуарах М.Е. Катуков и К.К. Рокоссовский отделались общими словами с неточной привязкой событий ко времени. Что не все было гладко, говорит оперсводка штаба 5-й армии от 28 июня, в которой сказано: «20-я танковая дивизия, попавшая в окружение в бою с мотомеханизированными частями противника, в дубненском направлении вышла из окружения». Однако в донесениях 13-й танковой дивизии говорится о сильном противодействии противника и соединение продвигалось вперед низкими темпами. В целом танковый бой под Войницей (Александровкой) и сражение с мехкорпусом К.К. Рокоссовского довольно дорого стоило немцам. Так, на 2 июля 1941 г. в 14-й танковой дивизии числилось боеготовыми 120 танков, а в 13-й танковой дивизии — 78****. В ремонте находилось соответственно 8 и 60

* ЦАМО РФ, ф. 3456, оп. 1, д. 11, л. 93.
** NARA T313 r183 f152.
*** NARA T313 r183 f152.
**** NARA T313 R4 f1477.

Уничтоженный на аэродроме тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Немецкие бомбардировщики атаковали даже аэродромы дальней авиации под Киевом

боевых машин, а безвозвратно потерянных — 14 и 8. Как мы видим, продиравшаяся через части 9-го мехкорпуса 13-я танковая дивизия пострадала по меркам 1941 г. достаточно серьезно.

Война в воздухе. Если сильнейшие мехкорпуса Юго-Западного фронта так и не удалось сосредоточить на исходных позициях для контрударов, то ВВС ЮЗФ попрежнему действовали весьма энергично. Описание дня 25 июня Шродек начинает словами: «С первым лучом солнца советские самолеты снова в небе». Колонны 11-й танковой дивизии и приданных ей частей 25 июня активно обрабатывались большей частью бомбардировочных соединений ВВС Юго-Западного фронта. 17-я авиадивизия выполнила 113 самолетовылетов, в которых было сброшено 360 ФАБ-100. Собственные потери авиадивизии составили 1 Пе-2 сбитым истребителем и 1 СБ — зенитной артиллерией. 19-я авиадивизия выполнила 64 самолетовылета по колоннам в районе Шуровище, Берестечко, сбросила 277 ФАБ-100. Потери составили 3 СБ. 18-я авиадивизия сбросила 20 тонн бомб в 36 самолетовылетах по району Крыстынополь, Берестечко, 1 ДБ-3 был сбит зенитным огнем противника. Также движущиеся по дороге Берестечко — Радзехов колонны штурмовались истребителями 15-й авиадивизии. Большинство авиасоединений выполнили по два налета: один утром, другой во второй половине дня. Пожалуй, только 62-я авиадивизия провела день, по большому счету, впустую. Она была ориентирована на удары в районе севернее Ковеля, выполнила 54 самолето-вылета, потерь не понесла. Но, как мы сегодня знаем, немецкие мехсоединения на этом направлении не действовали и вообще район Ковеля был на периферии наступления группы армий «Юг».

Немецкие пилоты-истребители заявили 25 июня об уничтожении 30 советских самолетов. Больше всего сбитых записали на свой счет летчики II группы эскадры JG3 — 16 самолетов, в основном в районе Берестечко. Новые Пе-2 поначалу записывали как французские Потез-63. Наименование «Пе-2» появляется в заявках пилотов день—два спустя. Деятельность люфтваффе и «сталинских соколов» в ЖБД XXXXVIII корпуса оценили следующим образом: «Как и ожидалось в штабе корпуса, русская авиация, осознав положение, с рассвета наносит непрерывные удары по выдвинувшимся далеко вперед частям корпуса. Хотя это замедляет наступление, наша истребительная авиация уже начинает показывать свою эффективность»*. Нелишним будет напомнить, что на 25 июня корпусу были поставлены в качестве очередных задач Острог и Кременец. Ни тот ни другой пункт достигнуты не были. Но в целом задача прикрытия колонн танков и автомашин не была первостепенной для люфтваффе. В этот период V авиакорпус продолжал операцию по уничтожению советской авиации на аэродромах. На этом поприще, несмотря на то что аэродромы давно уже не были «спящими», немцам удалось добиться некоторых успехов. Так, на аэродроме Гоголев было уничтожено 7 ТБ-3 14-го тяжелого бомбардировочного авиаполка. На аэродроме Зубов внезапным налетом в 7.20 утра были повреждены 5 И-16 и 1 И-153. На аэродроме Поповице жертвами авиаудара стали 1 СБ и 5 И-15.

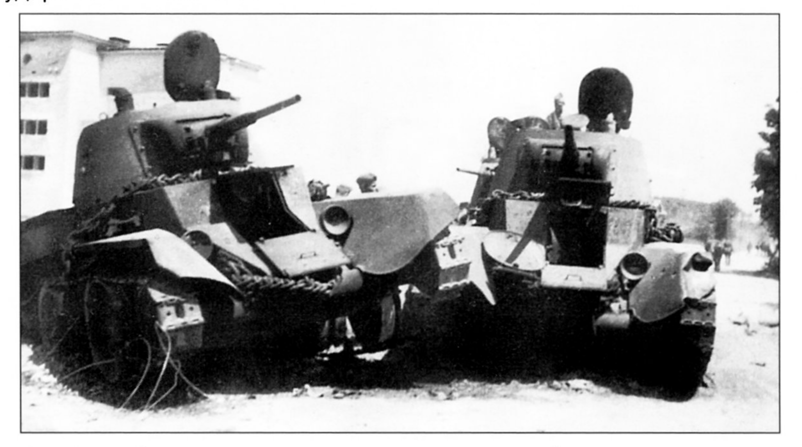
На периферии сражения. Выдвигавшийся на направление прорыва 1-й танковой группы с южного фаса львовского выступа и переданный первоначально в подчинение 6-й армии, 8-й мехкорпус длительное время оставался на периферии сражения. Первым его маневром стал выход в район Куровице, Винники, Борыниче, к западу от Львова. Приказ на него был получен от штаба фронта в 20.40 22.6.41 г. Он был отдан в рамках общего сбора сил для контрудара по прорывающемуся из сокальского выступа противнику. С 23.00—24.00 22 июня мехкорпус начал выдвижение в новый район по двум маршрутам, и в середине дня 23 июня головные части корпуса вышли в назначенный район. Однако в 15.20 23 июня командующий 6-й армией направляет 8-й мехкорпус в район Яворова. Первой в 3.30—4.00 24 июня начала движение в новый район сосредоточения 34-я танковая дивизия. Маневры начали сказываться на матчасти соединения: к моменту выступления из района Яворова числились отставшими 29 Т-26, 17 Т-35, 6 БТ и 45 автомашин. Около 6.00 к 34-й танковой дивизии присоединились остальные части 8-го мехкорпуса. Это уже было следствие желания И.Н. Музыченко использовать мехкорпус Рябышева для контрудара в районе Равы-Русской. Только с утра 24 июня 8-й мехкорпус был изъят из подчинения Музыченко и возвращен для использования для фронтового контрудара.

Особняком от танкового сражения в треугольнике Луцк — Броды — Дубно стоят боевые действия на фронте 6-й армии, в которых принимал участие сильнейший в КОВО 4-й механизированный корпус. В то время как 22-й мехкорпус вступил в бой с танками противника под Войницей, на северном фасе львовского выступа части 4-го мехкорпуса сражались с пехотой противника. Как и ожидал командующий 6-й армией, немцы начали активно прощупывать оборону 6-го стрелкового корпуса. Уже вечером 22 июня в

* NARA T314 R1138 f494.

Брошенный на улице украинского города (предположительно в Городке) Т-35

построении армии образовался так называемый любачувский «коридор» шириной около 15 км. В него вошли 295-я и 71-я пехотные дивизии IV армейского корпуса 17-й армии. Вечером 23 июня «коридор» превратился в брешь шириной по фронту 24 км. Очередным участком вклинения стал Немирув. И.Н. Музыченко оказался в крайне сложном положении. Он уже был вынужден отдать 8-й механизированный корпус, только что выдвинутый в район Яворова, для контрударов по прорывам немцев. Г.К. Жуков настоял на том, чтобы отдать для фронтового контрудара 8-ю танковую дивизию. Ее пришлось задействовать транзитом, сняв с марша 15-й танковый полк 8-й танковой дивизии, двигавшийся в районой Язув Стары. В контрударе также участвовали части 81-й моторизованной дивизии. Со стороны последней в бою участвовали два батальона 53-го танкового полка, одна рота 323-го моторизованного полка, без артиллерийской поддержки. Отряды из состава двух соединений 4-го мехкорпуса атаковали Немирув в разное время. С утра проходившая через городок 71-я пехотная дивизия пережила атаку танков БТ 81-й моторизованной дивизии. Атака была для немцев внезапной, и маршевым колоннам пехоты были нанесены чувствительные потери. В журнале боевых действий 81-й дивизии за этот день мы находим красноречивые строки: «Город горел. Улицы усеяны фашистскими трупами»*. Однако не имеющие сильной поддержки мотопехоты танки БТ закрепиться в городе не смогли. Следующий удар со стороны танков 8-й танковой дивизии перешедший к обороне Немирува полк 71-й пехотной дивизии выдержал успешнее, несмотря на участие в атаке средних танков Т-34 и Т-28. К 17.00 сражение завершилось, 8-й танковой дивизии это стоило 19 танков Т-34, а 81-й моторизованной — 36 танков БТ-7. Захватить и удержать город в своих руках части 4-го мехкорпуса не смогли, однако немецкое наступление было на какое-то время остановлено.

Два БТ-7 81-й моторизованной дивизии, подбитые у здания суда в Немирове

* ЦАМО РФ, ф. 81сд. оп. 1. д. 23. л. 7.

Таранивший дом в Немирове Т-34 из 8-й танковой дивизии

Однако устранение угрозы прорыва немцев на Львов даже не просматривалось, и 4-й механизированный корпус вместо разворота против 1-й танковой группы был вынужден выполнять роль «пожарной команды» 6-й армии. В районе м. Краковец (восточнее Яворова) немцами 25 июня была опрокинута оборона 97-й стрелковой дивизии, которая к 16.00 начала неорганизованный отход. До этого ситуацию пытались стабилизировать контрударом вдоль шоссе на Яворов части 81-й моторизованной дивизии. Однако контратаки были безуспешными, а к 17.30 и 97-я, и 81-я дивизии лишились своей артиллерии под ударами корректировавшейся с самолета артиллерии немцев. Части двух дивизий начали отход по шоссе на восток, оставляя тяжелое оружие. Ситуация усугублялась тем, что подбитая на шоссе техника загромождала дорогу, а болотистая местность вокруг не позволяла обойти пылающие трактора и автомобили под огнем противника. К вечеру 323-й мотострелковый полк, часть 125-го артполка и оперативная группа 81-й дивизии были окружены. В течение 26—27 июня отдельные группы бойцов и командиров смогли из него прорваться на юг, форсировав вплавь реку Шкло. Но в окружении пропали без вести командир дивизии полковник Варыпаев, начальник штаба полковник Спесивцев, командир 323-го мотострелкового полка подполковник Лысенко, начальник штаба полка капитан Иванушкин, командир 125-го артполка майор Кобря и другие командиры частей дивизии. В итоге окружения 323-й полк лишился 80% личного состава, 125-й артполк — 30% людей и 80% матчасти, 53-й танковый полк потерял в бою у м. Краковец до 50 машин. Характерная деталь: если вечером 24 июня в дивизии числилось 86 тракторов СТЗ-5 (основного средства тяги артиллерии), то 25 июня их число просело до 25 единиц. Ценой значительных потерь 81-я моторизованная дивизия не допустила прорыва немцев на Яворов. Противником наших войск в этом бою была 257-я пехотная дивизия, в истории которой данный эпизод описан как «тяжелые бои с моторизованными и танковыми подразделениями русских».

Против прорыва немецкого XXXXIX горного корпуса, в состав которого входила 257-я пехотная дивизия, в бой также была брошена 32-я танковая дивизия 4-го механизированного корпуса. К 14 часам 25 июня дивизия сосредоточилась на исходных позициях, а в 18 часов 20 минут дивизия атаковала части 1-й горно-егерской дивизии горного корпуса Кюблера в направлении Басяки, Вареницы, Семерувка. Поддержки со стороны отходящей пехоты 6-го стрелкового корпуса дивизия не получила и атаковала фактически одними танками. В качестве результатов боя были заявлены 16 танков, 4 75-мм орудия, 8 противотанковых орудий, 14 прицепов с боеприпасами. Танки у соединений XXXXIX горного корпуса отсутствовали, за них могли быть теоретически приняты САУ «Штурмгешюц», приданные 1-й горно-егерской дивизии Хуберта Ланца в количестве 5—7 единиц. Собственные потери дивизии Е.Г. Пушкина составили 15 танков. В истории 1-й горно-егерской дивизии бой у населенного пункта Язув Старый описывается так: «Наши позиции находятся на возвышенности, и танки неприятеля хорошо различимы. Наша 3,7-сантиметровая противотанковая пушка спокойно выжидает, когда танки подойдут на достаточное для стрельбы удаление. Когда удаление сокращается до 600 м, из орудия открывается огонь. Практически каждый выстрел приходится в цель. Отчетливо различимы огневые следы снарядов. Однако позже мы перестаем верить своим глазам: наши противотанковые снаряды просто отскакивают от танков. Не останавливаясь, танки неприятеля продолжают приближаться к нам, ведя огонь из всех орудий. Затем происходит нечто неожиданное: оправившись от испуга перед стальными колоссами, наши пехотинцы начинают атаковать, забрасывая машины ручными гранатами»*. Против атакующих без поддержки пехоты и артиллерии танков ручные гранаты оказались достаточно эффективны. Нельзя не согласиться с Ефимом Пушкиным, который по итогам боевой деятельности дивизии написал в отчете: «Следующим моментом неправильного ис-

Т-34, подбитый в районе Язув Старый. Атака 32 тд без поддержки пехоты и артиллерии привела к большим потерям

* Lanz H. Gebirgsjdger. Der 1.Gebirgsdivision 1935—1945. Bad Nauheim. Podzun, 1954. S. 137.

Еще один Т-34, подбитый в районе Язува Старого

пользования дивизии нужно считать постановку задачи дивизии на атаку сильного противотанкового района противника (6 км севернее Яворов) и на неблагоприятной местности (р. Якша, заболоченные долины в районе Язув Старый), без поддержки артиллерии и без взаимодействия с пехотой» (выделено мной. — А.И.). Впрочем, атаки советских танкистов не прошли бесследно. В течение двух дней 68-ю пехотную атаковали в разной последовательности все три дивизии 4-го мехкорпуса. Дивизия понесла серьезные потери, и ее состояние характеризовалось в журнале боевых действий ГА «Юг» как «полностью выведенная из строя». В итоге вечером 25 июня командование 17-й армии направило в адрес ОКХ запрос на замену 68-й пехотной дивизии на 4-ю горно-егерскую из резерва ОКХ. Запрос был удовлетворен, и с утра 26 июня побитая дивизия выводилась в резерв.

Формально исключенная из приказа на контрудар третья дивизия корпуса А.А. Власова, 8-я танковая, атаковала силами 54 танков 15-го танкового полка вечером 25 июня части левого соседа горного корпуса, части IV корпуса в районе Магерув. В истории 97-й легкопехотной дивизии этот эпизод описывается следующим образом: «На боевых машинах, шедших в атаку при свете фар и прожекторов, сидела вражеская пехота. Пока пехотные подразделения пытались обороняться, нескольким танкам все же удалось пробиться, сея хаос и разрушение, они уничтожали все на своем пути. Но разрозненные подразделения снова занимали круговую оборону, и, собственно, благодаря стойкости и непоколебимости пехотинцев и удалось избежать паники. В 5.00 дивизия передала всем радиограмму: «Враг прорвал оборону в Магерове. Дивизия отходит. Передний край обороны: Щежец — лес к западу от Кремйонки — восточная окраина леса, южнее». Но свою победу советские силы использовать не смогли. Их атаки не были скоординированы. Поэтому с помощью артиллерийских орудий и подразделений истребителей танков было уничтожено большое количество танков. Те, что уцелели, по одному отходили назад. В Магерове и окрестностях горели советские танки, освещая своим пламенем и еще включенным светом фар поле боя»*. Согласно отчету штаба 8-й танковой дивизии, потери в этом бою составили 19 танков.

Танки КВ-2 8-й танковой дивизии, оставленные 25 июня в Жулкеве

Танк КВ-1, оставленный в Жулкеве. Мимо него едет автомобиль с эмблемой дивизии СС «Викинг», вступившей в бой уже в конце июня 1941 г.

---

* Ott E. Jaeger am Feind. Geschichte und Opfergang der 97. Jaeger-Division 1940 — 1945, Verlag der Kameradschaft der Spielhahnjдger, 1966. S. 36—37.

Экранированный танк Т-28 8-й танковой дивизии, оставленный из-за технических неисправностей в Жулкеве

Сценарий был, как мы видим, стандартным: не имея возможности захватить и удержать местность, советские танковые части тем не менее вынуждали немецкие пехотные части останавливаться и переходить к обороне. В целом И.Н. Музыченко удалось контратаками 4-го мехкорпуса удержать фронт армии и в штабе ГА «Юг» рассматривался вопрос об ударе в тыл 6-й советской армии XIV моторизованным корпусом (9-я танковая дивизия и мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») из района Радзехова на юг. Однако этот план был все же отклонен. Точно так же не получил развития первоначальный план командования группы армий «Юг» ввести на второй—третий день операции XIV моторизованный корпус в район Равы-Русской. Удержание фронта 6-й армии обеспечивало безопасный тыл для контрудара мехкорпусов из района Бродов на север, во фланг 1-й танковой группе. Оценку обстановки немецким командованием характеризует запись в ЖБД ГА «Юг» от 25 июня: «Противник оказывал, как и прежде, упорное сопротивление до решающего исхода в ближнем бою и вел оборонительные действия очень активно путем проведения мощных контратак на широком фронте с привлечением большого количества танков».

ЛЕШНЕВ И БРОДЫ. «РАЗЯ ОГНЕМ, СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ...»

Постоянное смещение времени начала общего контрнаступления механизированных корпусов Юго-Западного фронта имело как отрицательные, так и положительные стороны. С одной стороны, немецкие танковые дивизии продвигались вперед, сдерживаемые только атаками с воздуха и периодическими выпадами с разных направлений. С другой стороны, из глубины подтянулись резервы, задействовать которые до 25 июня было просто технически невозможно. Это позволило М.П. Кирпоносу собрать ударные кулаки из 8-го и 15-го механизированных корпусов из львовского выступа и подтянутых из глубины 9-го и 19-го механизированных корпусов.

Если предыдущий план (приказ № 0015) был лишь сильным ударом «под дых» с юга прорывающемуся на восток противнику, то обновленное решение командования фронта на контрудар уже выглядело как «клещи». То есть теперь предполагался удар по сходящимся направлениями с севера и юга с целью окружения прорвавшейся в глубину построения фронта группировки противника. Задачи северной «клешни» наступления, согласно новому боевому приказу командующего войсками Юго-Западного фронта № 0016, формулировались следующим образом: «Командующему 5-й армией генерал-майору Потапову объединить под своим командованием 9-й и 19-й механизированные корпуса и занять ими исходный рубеж для атаки на фронте Грудек, Рымно (оба пункта 8 км юго-западнее Луцк) с целью содействовать 8-му и 15-му механизированным корпусам в разгроме Радзеховской группировки атакой вдоль железной дороги (Луцк — Броды). Исходный рубеж занять к 4.30 26.6.41 г. Начало атаки — 9.00 26.6.41 г.». Тем самым контрудар нацеливался на немецкие части, наступающие вдоль центральной «панцерштрассе».

Однако обстановка на фронте менялась не по дням, а по часам. Написанный поздним вечером 25 июня приказ к утру следующего дня уже устарел. Вечером 25 июня местность к юго-востоку от Луцка уже была занята противником. Более того, немецкие пехотные и танковые дивизии распространились по всей местности от границы до рек Стырь и Иква, включая города Луцк и Дубно. Здесь надо сказать, что захват исходного рубежа для контрудара был достаточно распространенным явлением в оборонительных сражениях и не только в 1941 г. Назначенный для контрнаступления 5-й гв. танковой армии под Прохоровкой рубеж в июле 1943 г. также был занят противником до выхода танкистов П.А. Ротмистрова в исходное положение. Это привело к наступлению двух ее танковых корпусов по невыгодному в тактическом отношении участку местности. В 1941 г. распространенной причиной назначения вскоре переходящих к противнику пунктов как исходных районов для контрударов вызывалось недооценкой ширины полосы немецкого наступления. Результатом этого было вырождение классического удара во фланг в кровопролитное встречное сражение. По такому сценарию, например, развивалось столкновение 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса и 6-й танковой дивизии немцев в Прибалтике у Рассеняя.

Приграничное сражение на Украине не стало исключением — эпизод с захватом исходных рубежей имел место. Однако нельзя сказать, что встречное сражение возникло совсем уж стихийно. Выход немцев к рубежу реки Иква вынуждал командование на ходу менять задачи мехкорпусам. В первую очередь это касалось соединений, подчиненных 5-й армии. Поскольку о потере Дубно стало известно до перехода корпусов Фекленко и Рокоссовского в наступление, М.И. Потапов успел подготовить новый приказ, в котором, в частности, предписывалось:

«9. 9-му механизированному корпусу (без 131-й моторизованной дивизии) в 16 часов с рубежа р. Путиловка перейти в наступление в направлении Дубно с задачей — во взаимодействии с 19-м механизированным корпусом уничтожить противника в районе Дубно.

10. 19-му механизированному корпусу к исходу дня 26.6.41 г. овладеть районом Дубно»*.

От сформулированной первоначально идеи Кирпоноса наступать с севера навстречу мехкорпусам из

Подбитый Т-26. Белые полосы на башне, скорее всего, являются тактическим обозначением подразделения, к которому принадлежал танк

* СБД № 36. С. 133.

Атаке танков должна предшествовать разведка. Немецкий офицер наблюдает за полем боя в стереотрубу. За ним стоит Pz.IV 11-й танковой дивизии

львовского выступа задача подчиненных Потапову соединений изменилась. Теперь они должны были нанести поражение прорвавшимся за Икву частям противника. В итоге 19-й механизированный корпус был вынужден вести встречный бой во все ухудшающихся условиях.

В свою очередь, немцы не собирались останавливаться на достигнутом. Задачей двигавшейся на острие главного удара XXXXVIII корпуса 11-й танковой дивизии было развитие наступления от Дубно далее на восток, на Острог и Шепетовку. Командир дивизии генерал Крювель использовал в бою 26 июня тот же прием, что и под Радзеховом на второй день войны.

Немецкий легкий бронеавтомобиль в украинской деревне. Лето 1941 г.

Танки Pz.III 11-й танковой дивизии с десантом пехоты. БТРов в вермахте в 1941 г. было немного, и поэтому частенько мотопехота в предбоевых порядках взбиралась на «спины» танков

Задачу наступления вперед, на восток, получила «мотопехотная» боевая группа (так называемая «группа Ангерн» — по имени командира 11-й мотопехотной бригады Гюнтера фон Ангерна) и мотоциклисты, а фланг наступления защищала «танковая» боевая группа. На этот раз потребовалось защищать не южный, а северный фланг. Метод был использован тот же, что и под Радзеховом, — захват и удержание узла дорог на фланге соединения. Таким пунктом была Млодава (10 км северо-восточнее Дубно). На этот раз противником немцев был 43-й мотострелковый полк 43-й танковой дивизии (два батальона на автомашинах) с взводом танков и батареей полковой артиллерии. Это был передовой отряд дивизии, занявший Млодаву вечером предыдущего дня. С утра 26 июня позиции полка были атакованы немцами. Благодаря большему удельному весу пехоты в передовом отряде 43-й дивизии бой прошел бодрее, чем выбивание отряда 10-й танковой дивизии из Радзехова. Используя танки как средство борьбы с себе подобными, танкисты дивизии И.Г. Цибина сумели подбить две машины «танковой» боевой группы дивизии Крювеля. Эти потери подтверждаются немецкими данными: «В 6.30 после жесткой борьбы с вражескими пехотными и артиллерийскими войсками Млодова была взята. Но при этом пришлось смириться с потерей трех танков» (G.Schrodek. Op.cit. S. 131). Шродек опускает детали боя за Млодову. Ударом в лоб этот населенный пункт взять не удалось. Немцам удалось выбить передовой отряд из него, только обойдя с фланга и поставив под угрозу окружения. Тот же прием был применен в бою за Радзехов 23 июня. В какой-то мере можно назвать действия Крювеля хорошо отточенным шаблоном.

Тем временем на дальние подступы к Дубно стали подтягиваться главные силы 43-й танковой дивизии. Артиллерия дивизии (43-й гаубичный артиллерийский полк), двигавшаяся из района Тайкуры на тракторной тяге со скоростью 6 км в час, находилась еще в пути и к началу атаки открыть огня не могла. Но значительно облегчило задачу соединения наличие в этом районе отходящей пехоты и артиллерии 228-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса. Остановив откатывающихся от Дубно пехотинцев, командир 43-й танковой дивизии полковник И.Г. Цибин использовал пехоту и артиллерию 228-й дивизии в своем наступлении. Танки 43-й дивизии, вышедшие на рубеж наступления, были для удобства управления сведены в один 86-й танковый полк. Атаку он начал в составе 2 танков КВ, 2 Т-34 и 75 Т-26. Таким образом, в бою к востоку от Дубно столкнулись немецкая боевая группа танковой дивизии и советская танковая дивизия неполного состава. Танковая дивизия полковника Цибина, правда, получила поддержку пехотинцев стрелковой дивизии. В расчете на танки и пехоту силы противников были примерно равны, но немецкая сторона имела значительное превосходство в тяжелой артиллерии за счет собственных и приданных корпусных частей.

Наступление 43-й танковой дивизии на Дубно вместо назначенных командованием фронта 9.00 утра началось только в 14.00. В атаке лидировали танки новых типов — Т-34 и КВ. За ними двигались легкие Т-26. Бой длился до наступления темноты. Согласно отчету Цибина, его результат был следующим: «Преследуя отходящие танки противника, части дивизии подошли к восточной окраине Дубно на рубеж Панталия, Рачин. Противник, отходя в Дубно, взорвал за собою мосты, лишив таким образом дивизию [возмож-

Корпусная 152-мм пушка-гаубица МЛ-20, ставшая жертвой немецких танков. Обладавшие сокрушительной мощью огня с закрытых позиций, тяжелые орудия были совершенно беззащитны в чистом поле под атакой танков

ности] прорваться в Дубно на плечах его отходящей пехоты»*.

Данный эпизод получил широкую известность, выход частей дивизии Цибина к Дубно считается едва ли не самым успешным контрударом советского танкового соединения в Приграничном сражении. Однако немецкими документами именно такой ход боя не подтверждается. Подрыв мостов на центральной «панцерштрассе» был бы чрезвычайным происшествием, который наверняка был бы отражен во всевозможных донесениях. Немцами записывались в ЖБД даже такие факты, как подготовка мостов к взрыву, не говоря уж о подрыве как таковом. Но ничего подобного здесь не наблюдается. Согласно журналу боевых действий XXXXVIII корпуса, танковая боевая группа 11-й танковой дивизии в течение дня, до самого вечера, вела бой у переправы через реку Стублу у Варковичей, к востоку от захваченной утром Млодавы.

Предположение о том, что противники просто друг друга не заметили и действовали независимо, также не находит подтверждения. Цибин в своем отчете называет как один из начальных пунктов своей атаки селение Крылов, находившееся всего в паре километров к северу от Варковичей. Выдвижение советских танков немцы заметили, в ЖБД XXXXVIII корпуса отмечается: «Наши летчики докладывают, что вражеские танки с 13.00 медленно движутся из Хрузвицы на Млодаву. Наши танки сражаются с этим противником в районе Варковичи с 14.00». Так что проскочить мимо танковой боевой группы дивизии Крювеля за счет отсутствия сплошного фронта Цибин не мог. Танковый бой с противником в его отчете также не отрицается.

Одним словом, приходится признать, что в случае с отчетом Цибина мы имеем дело с недостоверным донесением. Если многие другие отчеты неплохо стыкуются с данными противника, то прорыв 43-й дивизии к Дубно никаких подтверждений не находит. Этот эпизод вообще выбивается из общего ряда боев Приграничного сражения и выглядит довольно странно. Только что успешно отразившие удар Т-34 под Радзеховом части 11-й танковой дивизии неожиданно пасуют перед толпой Т-26, разбавленной двумя КВ и двумя Т-34. Скорее всего, подразделения 43-й танковой дивизии вели бой у Варковичей, практически не имея продвижения вперед. Максимум, что немцы могли взорвать, это переправу через Стублу у Крылова, к северу от «панцерштрассе». Соответственно, следующим шагом командира 43-й танковой дивизии была попытка прорваться в тыл вражескому плацдарму через железнодорожный мост к югу от Варковичей. Заболоченность берегов Стублы также имела место и просматривается на картах тех лет. Одним словом, доклад штаба 43-й танковой дивизии становится куда убедительнее и правдоподобнее, если заменить «Дубно» на «Варковичи».

Если считать, что хотя бы общую идею боя 26 июня Цибин описал правильно, его дивизия в течение нескольких часов пыталась предотвратить прорыв противника с плацдарма у Варковичей собственным форсированием реки с выходом в тыл плацдарму. Ничего постыдного в такой тактике нет: танковая боевая группа 11-й танковой дивизии тоже в течение всего дня 26 июня оставалась на месте. Само по себе удержание сильной в отношении оснащенности бронетехникой боевой группы противника в течение целого дня является неплохим результатом для вооруженного преимущественно танками Т-26 соединения. То есть сбить заслон и рвануть вперед на всех парах немецкие танки могли, но это автоматически означало, что после их ухода на восток переправа у Варковичей будет потеряна и «панцерштрассе» будет перехвачена. Соответственно, о колоннах снабжения придется забыть. Это заставляло удерживать переправу, оставаясь на месте и ведя огневой бой с противником. При этом потери 43-й танковой дивизии по итогам дня не так уж велики: были потеряны оба танка КВ (оба сгорели) и 15 танков Т-26 (из них 4 огнеметных), было убито и ранено 128 человек.

Надо сказать, что оценка противником столкновения с 43-й танковой дивизией отнюдь не была бравурной. В истории 11-й танковой дивизии этот эпизод описан так: «Русские пытались прорваться повсюду и создавали порой действительно критические ситуации. За короткое время после удара по флангу русским удается перегородить путь к наступлению на Острог. Несмотря на это, советское командование не понимало того, что для достижения огромного успеха можно было воспользоваться тем замешательством, которое присутствовало на немецкой стороне» (Schrodek G. Op.cit. S. 131). То есть с немецкой точки зрения, советская контратака не позволила танковой боевой группе дивизии Крювеля последовать за мотопехотой в направлении Острога.

Изменение обстановки произошло в ночь с 26 на 27 июня. С наступлением темноты 43-я танковая дивизия была охвачена с обоих флангов. Ввиду отхода соседней 40-й танковой дивизии появилась угроза удара во фланг и тыл со стороны наступающей на Ровно немец-

* СБД № 36. С. 237—238.

Тягач орудия с предыдущего фото, тихоходный сельскохозяйственный трактор С-65. Низкая подвижность тяжелой артиллерии была настоящим бичом Красной Армии

кой 13-й танковой дивизии. Столкнувшись с сильным сопротивлением у Луцка, Маккензен направил 13-ю танковую дивизию в обход города с юга. Так она оказалась на фланге 19-го мехкорпуса. Одновременно в своем стремлении прорваться с плацдарма у Варковичей немецкие танки начали обтекать левый фланг дивизии Цибина. Ввиду очевидной угрозы окружения командир 19-го мехкорпуса Фекленко в три часа ночи отдает 43-й танковой дивизии приказ на отход в направлении Ровно. Кстати говоря, с отходом связана еще одна нестыковка в отчете Цибина. Он пишет: «По приказу командира 19-го механизированного корпуса 43-я танковая дивизия в 3.00 27.6.41 г. с боями была отведена из-под Дубно и к 6 часам сосредоточилась на западной окраине Ровно». То есть отход от Дубно до Ровно (около 30 км) произошел всего за три часа. В обратную сторону дивизия двигалась гораздо медленнее. Отход от Варковичей за это время выглядит более убедительно. В последующем 19-й мехкорпус уходит из полосы действий XXXXVIII танкового корпуса и тем самым сходит со сцены сражения вдоль центральной «панцерштрассе».

С отходом 19-го мехкорпуса на Ровно боевые действия к востоку от Дубно не закончились. Последовал последний акт драмы разгрома танками 228-й стрелковой дивизии. Поспешный отход корпуса Фекленко оставил дивизию полковника Ильина один на один с танками противника при открытых флангах. Поредевшие стрелковые полки были словно островком на пути бурного потока немецких танков, наступающих на Ровно и Острог. Положение 228-й стрелковой дивизии к полудню 27 июня было незавидным. Справа через Млынов атаковала 13-я танковая дивизия, отрезая пути отхода на Ровно. Слева начала обход «танковая» боевая группа 11-й танковой дивизии. В контратаку против нее был брошен 795-й стрелковый полк, но, встреченный сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем и огнем танков, отошел в исходное положение.

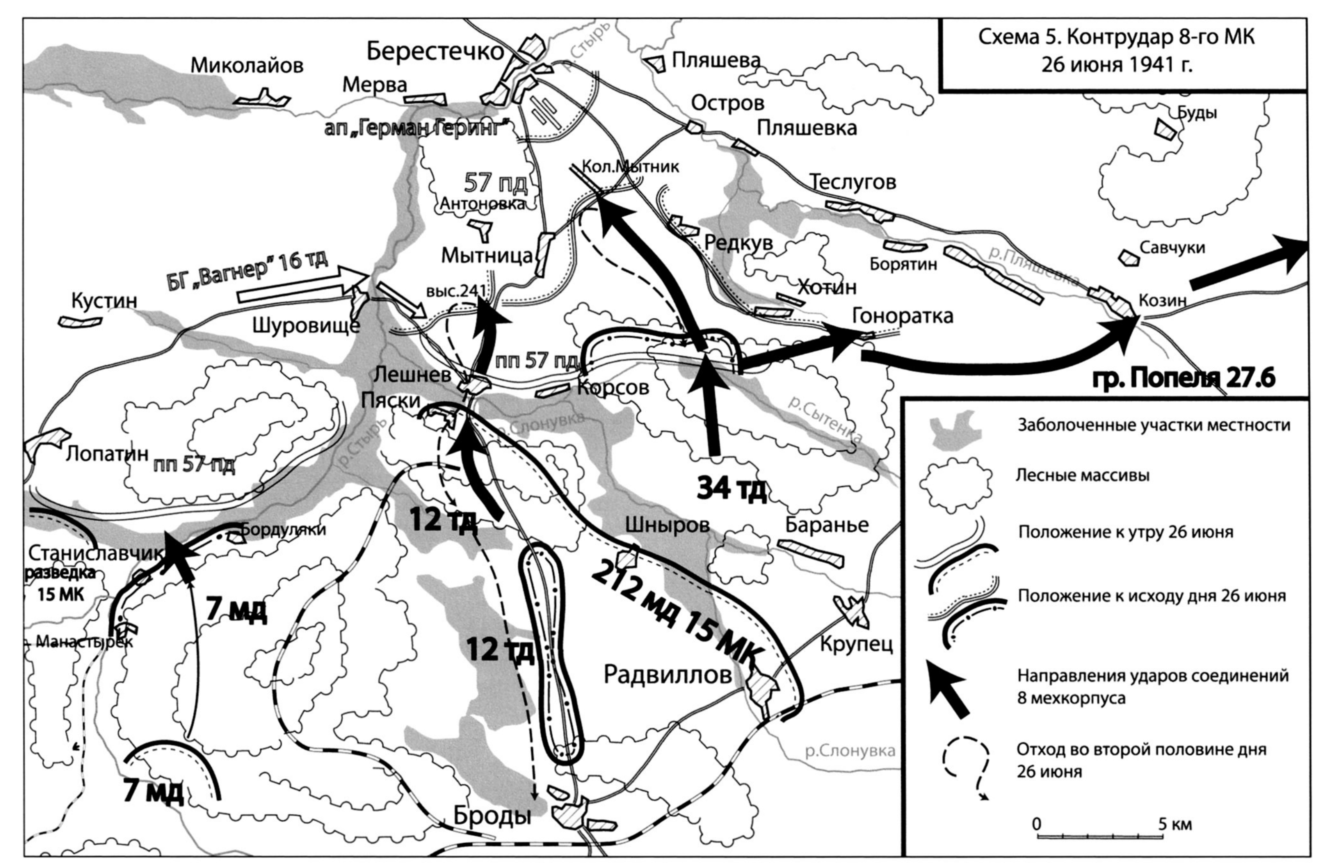
Под угрозой полного уничтожения остатки 228-й стрелковой дивизии стали отходить на Здолбунов (к югу от Ровно). Оценка командованием состояния соединения после трех дней тяжелых боев в дополнительных комментариях не нуждается: «Дивизия потеряла всю гаубичную артиллерию, легкую дивизионную, все минометы, до 50% ст[анковых] пулеметов, до 50% личного состава, а 799 сп убитыми, ранеными и без вести пропавшими потерял 75% своего личного состава»*. Кроме того, дивизия потеряла все средства связи, полковую и батальонную артиллерию.

Отход 228-й стрелковой дивизии на северо-восток открыл немцам путь на Острог. Угроза прерывания снабжения была ликвидирована. В ЖБД XXXXVIII корпуса появляется запись: «Танковый полк [11-й танковой дивизии] отбросил противника западнее Мизочь, захватив многочисленные тяжелые орудия, и движется на Острог». «Многочисленные тяжелые орудия» принадлежали 205-му и 458-му корпусным артполкам 36-го стрелкового корпуса. Расстреляв все снаряды и оставшись без горючего, полки были буквально разметаны в клочья атакующими танками. Больше всего пострадал 205-й полк, потерявший 33 орудия (22 122-мм А-19 и 11 152-мм МЛ-20), автотракторный парк и средства связи. Удалось сохранить только три орудия. 458-й артполк потерял в этом бою 15 орудий. Так окончательно рухнула идея формирования заслона по Икве на участке от Млынова до Дубно. Стрелковая дивизия, опирающаяся на речку с заболоченными берегами и поддержанная корпусной артиллерией, могла создать серьез-

Завязший в болоте БТ-7. Неодинаковые люки башни говорят нам о том, что этот БТ был оборудован турелью для зенитной стрельбы

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 89, л. 31.

ные трудности немцам. Однако из-за опоздания на несколько часов налицо была разбитая 228-я стрелковая дивизия и разгромленные танками два корпусных артполка. В активе были, пожалуй, только двое суток сдерживания противника: сначала всей 11-й танковой дивизии, а затем ее «танковой» боевой группы.

8-й механизированный корпус. Несмотря на драматичное развитие контрудара 19-го мехкорпуса, куда большие надежды возлагались командованием на мехкорпуса из львовского выступа с большим количеством новых танков. К утру 26 июня командованию Юго-Западного фронта все же удалось вывести в исходное положение для контрудара одно из своих самых сильных подвижных соединений — 8-й механизированный корпус. Боевой приказ № 0015 о переходе в наступление в 7.00 25 июня командование корпуса получило только в 9.20 25 июня в районе Буска. К тому моменту части корпуса еще находились на марше. Поэтому о переходе в наступление 25 июня не могло быть и речи. Вследствие этого на свет появился новый боевой приказ № 0016, гласивший:

«Главный удар по механизированной группе противника нанести 8-м и 15-м механизированными корпусами, последний с 8-й танковой дивизией в соответствии с задачами, поставленными этим соединениям приказом № 0015 на 25.06.41 г. Исходное положение для атаки занять к 4.30 26.06.41 г. Начало атаки — 9.00 26.6.41 г.» (СБД № 36. С. 29).

К вечеру 25 июня главные силы 8-го мехкорпуса вышли в район Бродов. Впереди была целая ночь для подготовки к контрудару. Полного сосредоточения корпуса к назначенному времени, т.е. к утру 26 июня, тем не менее не произошло. 7-я моторизованная дивизия к назначенному времени на исходные позиции не вышла, двигаясь в лесах северо-западнее Бродов в труднопроходимой местности. Если посмотреть на карту тех лет, то местность в тех местах действительно бедна дорогами и мало подходит для быстрого перемещения большого количества автомашин моторизованной дивизии. Само по себе отставание одной из дивизий и ввод в бой намеченных для контрудара сил по частям не являлось беспрецедентным в истории войны. Ввод соединений в бой по мере прибытия был распространен как в Красной Армии, так и в вермахте. Однако отставание моторизованной дивизии существенно снижало вес пехотной составляющей сосредоточившейся под Бродами группировки.

Длительный марш, проводившийся форсированными темпами, привел к значительному снижению ударных возможностей 8-го механизированного корпуса. И командир 8-го корпуса Д.И. Рябышев, и его начальник штаба А.В. Цинченко в своих отчетах по итогам боевых действий корпуса оценивают число выведенных в район Бродов боевых машин в 40—50% от их наличия на утро первого дня войны. Однако эти оценки были сделаны «на глазок». Так, 12-я танковая дивизия вывела на исходные позиции для атаки утром 26 июня в составе двух своих танковых полков всего 75 танков из примерно трех сотен, имевшихся на 22 июня*. По оценке штаба дивизии, ее боевые машины прошли в среднем 415

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7 т. 1, л. 168.

Т-34, завязшие на поле у моста через мелкую речушку. Попытки форсировать реки с болотистой поймой вброд с целью захвата плацдарма часто приводили к застреванию танков и их последующей потере после смещения линии фронта

км, отработав 30—35 моточасов. При этом осмотр и обслуживание, ввиду постоянного движения, не проводились. Даже если вовремя прибывала ремонтная бригада, догнать свои части вышедшие из строя машины уже не успевали. Все это привело к тому, что от дивизии Т.А. Мишанина осталась лишь бледная тень. Несколько лучше обстояли дела в 34-й танковой дивизии. К уже отставшим в марше к лесам южнее Яворова танкам 34-й танковой дивизии корпуса Д.И. Рябышева прибавились всего лишь 10 Т-35, 15 Т-26, 18 колесных машин. Полностью отстали гаубичный артиллерийский полк дивизии, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, один батальон мотострелкового полка. Как ни странно, КВ 34-й танковой дивизии пока держались в строю. С точки зрения возможностей по выполнению поставленных задач для 34-й танковой дивизии самой болезненной утратой была артиллерия. Трактора СТЗ-5 гаубичного артиллерийского полка дивизии попросту сломались в ходе маршей, и соединение осталось без артиллерийской поддержки в самый неподходящий момент. Укомплектованность дивизии тракторами и так была не блестящей: из 39 штатных СТЗ-5 имелось только 14. Из них четыре штуки остались вследствие поломок в Грудеке-Ягельонском 24 июня. Еще пять тракторов остались во Львове. В результате тягачей хватило только на три орудия. Ни о каком эффективном подавлении ПТО или дуэли с артиллерией противника не могло быть и речи.

Нельзя сказать, что ситуация в 8-м механизированном корпусе была типичной. Его марш был беспрецедентно длинным по меркам любого сражения. Однако корпус Д.И. Рябышева, будучи единственным мехкорпусом Юго-Западного фронта, выведенным на позиции для контрудара во фланг 1-й танковой группе, в наибольшей степени пострадал от несовершенства техники. «Детские болезни» новой техники и изношенность старых машин сказались на его контрударе наихудшим образом. Не будет большим преувеличением добавить: «во всем Приграничном сражении».

Следующим действующим фактором, повлиявшим на развитие контрудара 8-го механизированного корпуса, стала местность. На пути наступления двух дивизий корпуса Д.И. Рябышева лежали две протекавшие с востока на запад речки Слонувка и Пляшевка с заболоченными берегами. В отчете 12-й танковой дивизии позднее было написано, что даже 75 оставшихся в строю танков «не могли быть полностью использованы вследствие болотистой местности». Разумеется, сами по себе речки, пусть даже с заболоченными берегами, не являлись непреодолимым препятствием для мехсоединения. Однако их наличие повышало требования к количеству пехоты, так как приходилось использовать тактику «пехота впереди» и танки могли результативно использоваться только после захвата плацдарма и организации переправы.

В какой-то мере благоприятствовало подготовленному контрудару настроение противника. Во-первых, район Лешнева, стоящий на пути корпуса Д.И. Рябышева, был занят подразделениями 57-й пехотной дивизии только в 15.00 25 июня. Во-вторых, задачи построения прочной обороны именно на этом направлении дивизии не ставилось. В-третьих, двигавшиеся по «панцерштрассе Центр» части 16-й танковой дивизии также оборону не занимали. Ранним утром 26 июня действующие на этом направлении соединения ориентировались относительно действий механизированных сил РККА следующим образом: «На основании приказа по радио из штаба 1-й танковой группы 57-я пд и 16-я тд еще раз проинформированы в необходи-

Танк КВ ранних серий, вооруженный 76,2-мм пушкой Л-11. Судя по оставшимся на месте буксирным тросам и серьгам, он был подбит в бою

Расчет 50-мм противотанковой пушки ПАК-38 за работой. Эти орудия были основным противником советских танков новых типов в первый год войны

мости считаться с угрозой вражеского танкового наступления из района Топоров на север»*. То есть немецкое командование ожидало повторения наступления 15-го механизированного корпуса, а сосредоточение 8-го механизированного корпуса в районе Бродов не было своевременно выявлено и правильно интерпретировано. Кроме того, 670-й батальон истребителей танков все еще был вовлечен в борьбу с «блуждающим котлом» 124-й стрелковой дивизии и 26 июня в боях под Лешневом не участвовал. Одним словом, на пути КВ, Т-34, БТ, Т-26 и Т-35 корпуса Рябышева лежала наспех занятая оборона. Достаточно сильный удар мог привести к выходу советских танков на коммуникации наступающих на восток танковых дивизий 1-й танковой группы.

Наконец утром 26 июня, после нескольких дней утомительных маршей, танки 8-го механизированного корпуса перешли в наступление. Наиболее трудной была задача 12-й танковой дивизии. Одновременно на нее, судя по всему, возлагались большие надежды. По крайней мере, командир корпуса Рябышев и комиссар Попель наблюдали за ходом контрудара из расположения именно этой дивизии. Дивизия была укомплектована лучше всего, была сформирована раньше других и имела довольно много танков новых типов. Заранее захватить плацдарм передовым отрядом не удалось и теперь предстояло форсировать заболоченную речку под огнем противника. Фактически наступать можно было только вдоль одной дороги. Мост на этой дороге через речку Слонувку был немцами взорван, и боевые машины дивизии сгрудились перед ним. Как позднее было написано в дивизионном отчете, «танки настолько густо стояли, что некоторые из них цеплялись гусеницами». Пришлось выдвинуть вперед мотопехоту для захвата плацдарма. При поддержке артиллерии и огня танков прямой наводкой мотострелки форсировали речку, образовали плацдарм и предоставили саперам возможность восстановить мост и проложить гати через заболоченную пойму. Примерно к 11 утра мост был восстановлен, и наступление продолжилось.

Около полудня 26 июня командование XXXXVIII корпуса оказывается вынуждено задействовать для отражения советского наступления части 16-й танковой дивизии. Боевая группа дивизии Ганса-Валентина Хубе, созданная вокруг мотопехотной бригады, в тот момент находилась на марше в районе Лешнева и Берестечко. Она называлась «боевая группа Вагнера» — по имени командира мотопехотной бригады соединения. Вырвавшиеся с плацдарма у Лешнева части 12-й танковой дивизии встречает контратака немецких танков. Попель пишет: «Мы уже ясно различаем черно-белые кресты и мелькающие траки движущихся гусениц». К сожалению, в советских мемуарах немецкие танки встречаются в 1941 г. очень часто, причем даже в тех местах, где их быть не может никоим образом. Однако в данном случае имеющаяся информация о положении немцев никак не противоречит возможному столкновению подразделений советской 12-й танковой дивизии и 16-й танковой дивизии немцев. Танки в составе боевой группы Вагнера имелись, к отражению советского наступления она привлекалась. Также в ис-

* NARA T314 R1138 f499.

тории 16-й танковой дивизии есть упоминание о столкновении с советскими танками 26 июня. Правда, оно привязывается к действиям под Кременцом, но там был всего один танк КВ кременецкой группы 37-й танковой дивизии (Т-34 не было вовсе). Вряд ли он смог бы оставить столь яркие впечатления. Поэтому столкновение танкистов дивизии Хубе с КВ и Т-34 произошло, скорее всего, именно под Лешневом. Ис-

Подбитые Т-34 в поле. Эти два танка могли быть подбиты в борт одним противотанковым орудием

Немцы позируют на подбитом БТ-7. Катки «БТшки» вывернуты и деформированы в результате попаданий снарядов в нижнюю часть корпуса. Распахнутые верхние люки дают надежду на то, что экипаж успел покинуть танк

Немецкие пехотинцы шагают по дороге, на которой недавно гремел жаркий бой. На Т-34 на переднем плане сдетонировал боекомплект, в результате чего с танка была сорвана башня

ториограф соединения пишет: «Бойцы получили первое представление о том, с каким упорством русские обороняли свои позиции, свою родину. Они «познакомились» с советским танком Т-34, технически превосходившим свои боевые машины. Колоссам КВ-1 и КВ-2 с их 7,62-мм длинноствольными орудиями едва ли мог что-то противопоставить даже немецкий Panzer III с его короткой 5-см пушкой. Для подавления танков противника пришлось привлекать зенитную и полевую артиллерию»*.

Так или иначе, контратака немецких танков на захваченный плацдарм была неуспешной. Советская заявка на подбитые танки противника была, надо сказать, довольно скромной. 12-я танковая дивизия записала на свой счет только 4 танка противника. К 14.00 танки дивизии Мишанина прорвались к господствующей над местностью высоте 241,0, с которой, наверное, уже было видно Берестечко.

Записи в журнале боевых действий XXXXVIII танкового корпуса демонстрируют, что контрудар двух дивизий корпуса Д.И. Рябышева привел к возникновению кризисной ситуации: «Положение у Лешнева становится к полудню критическим. Несмотря на храброе сопротивление усиленного батальона 179-го полка, который несет тяжелые потери, русские с сильной артиллерийской поддержкой переправились через ручей и обошли населенный пункт крупными танковыми силами. Мост к югу от Лешнева не мог быть разрушен накануне из-за сильного огня противника. Отдельные танковые отряды русских продвинулись до Кол. Мытника и Стыри к западу от Берестечко. Местами сражающаяся севернее Лешнева пехота и артиллерия отошла под сильным давлением противника»**.

Глаз сразу цепляется за противоречие: немцы утверждают, что мост к югу от Лешнева им разрушить не удалось. В то же время советская сторона утверждает, что реку пришлось преодолевать ввиду того, что мост был разрушен. Эти два утверждения примиряет один взгляд на карту: на дороге от Бродов до Лешнева два моста через Слонувку. Русло реки раздваивается, и ее приходится преодолевать дважды.

Атаки советских танков создали угрозу не только позициям немецкой артиллерии, но даже командному пункту Вернера Кемпфа в Берестечко: «Поскольку русские танки приблизились к КП корпуса на 6 км и это вкупе с постоянными воздушными налетами делает невозможной нормальную работу, КП переносится на хутор в 2 км к северу от Берестечко»***. Переносить командный пункт пришлось уже вечером, во избежание потери управления войсками.

Однако удержать темп частям 8-го мехкорпуса все же не удалось. Далее в журнале боевых действий XXXXVIII корпуса идет запись: «Бессистемность дальнейших русских атак и личное вмешательство командира 57-й пд предотвращают развитие успеха. По приказу корпуса части усиленного 199-го пп, который находится на марше в направлении на Ситно для прикрытия фланга, развернуты на юг с задачей отбросить прорвавшегося противника»****. Ситно лежало к востоку от Берестечко и Лешнева, т.е. часть сил 57-й пехотной дивизии была возвращена назад для отражения советского контрудара.

Помимо такого расплывчатого и трудноформализуемого фактора, как личное

Крупный план пары Т-34—Т-26 с предыдущего фото. Т-26 еще дымится. На борту Т-34 видны трещины, возникшие в результате снарядных попаданий

* Werthen W. Op.cit. S. 45.
** NARA T314 R1138 f499.
*** NARA T314 R1138 f501ю
**** NARA T314 R1138 f499.

Тактика против техники. Подбитый Т-34 с хорошо различимыми пробоинами от немецких снарядов в корме корпуса

вмешательство генерал-лейтенанта Оскара Блюма, командира 57-й пехотной дивизии, на немцев сработали куда более зримые поддающиеся расчетам обстоятельства. Передовые подразделения 16-й танковой дивизии вышли на подступы к Кременцу, но главные силы дивизии Хубе 26 июня еще находились на марше по центральной «панцерштрассе». Они приняли участие в отражении наступления 8-го мехкорпуса вместе с 57-й пехотной дивизией. Выше уже было сказано об участии танков соединения в боях под Лешневым. Но помимо танков, боевая группа бросила на чашу весов битвы как свое пехотное оружие, так и 50-мм противотанковые пушки ПАК-38. История 16-й танковой дивизии повествует об этом следующим образом:

«Уже у населенных пунктов Шуровище и Сторовицы на р. Стырь части стрелковой бригады подверглись нападению русских танков. 16-й истребительно-противотанковый батальон принял бой. С удаления до 100 метров полевые пушки открыли огонь по стальным колоссам. 21...23 попадание! Русский танк отходил медленно назад. Поврежден был только поворотный механизм башни. Бойцам хотелось плакать от обиды! Выяснилось, что ни 3,7-см, ни 5-см полевые пушки с коротким дулом ничего не могли поделать с танками русских на удалении более 500 м. Другие танки накрыли огнем позиции полевых орудий. Добычей истребительно-противотанковой группы становились лишь легкие танки. Одна лишь 3-я рота 16-го истребительно-противотанкового батальона уничтожила в этот день 26.6 18 танков неприятеля»*.

С одной стороны, эти слова очень похожи на традиционные для немцев жалобы на «дверные молотки» ПАК-35/36. Однако если мы вчитаемся в сие красочное описание, то обнаружим, что противотанкисты «плакали от обиды», не сумев поразить советские танки на дистанции свыше 500 м. Прописью: пятьсот метров. Строго говоря, советские 45-мм пушки обр. 1937 г. тоже не пробивали броню немецких танков, защищенных 50-мм броней, на дистанции 500 м. Даже если оперировать теоретическими таблицами бронепробиваемости и не учитывать проблемы с раскалывавшимися при ударе о броню 45-мм снарядами. Соответственно, на дистанциях менее 500 м советские танки все же поражались, по крайней мере, из ПАК-38, а тяжелому КВ, как следует из описания, удалось заклинить башню.

Если бы 12-й танковой дивизии удалось ввести в бой хотя бы половину своей бронетехники, то у 8-го мехкорпуса были все шансы добиться решительного результата в контрударе 26 июня. Наступление 75 танков (т.е. усиленной танковой бригады, если брать по меркам 1942—1945 гг.) частям 16-й танковой и 57-й пехотной дивизии удалось отразить.

Согласно отчету, составленному по итогам боев, потери боевых машин 12-й танковой дивизии за 26 июня составили: 5 КВ; 18 Т-34; 10 БТ-7**.

Соединение потеряло 33 танка, почти половину из принимавших участие в контрударе 75 машин двух танковых полков. По отчету командования корпуса, по крайней мере, два танка 12-й танковой дивизии завязли в болоте. Кстати говоря, Рябышев и Цинченко в своем отчете оценили потери соединения Т.А. Мишанина всего в 8 боевых машин, в то время как одних Т-34 вышло из строя 18 штук. Если взять цифры из отчета штаба 12-й танковой дивизии как базовые, то можно сделать вывод, что противотанкисты 16-й танковой дивизии несколько недооценили свои успехи. Они посчитали среди уничтоженных советских «легких танков»... новейшие «тридцатьчетверки».

Задержка с форсированием заболоченных речек позволила немцам оправиться от первого шока и вызвать авиацию. Доселе сосредоточившиеся на ударах по аэродромам ВВС Юго-Западного фронта бомбардировочные эскадры V авиакорпуса переключились на бомбардировку мехкорпусов. Наиболее сильным ударам подверглась 12-я танковая дивизия. По крайней мере, в отчетных документах 34-й танковой дивизии воздействие авиации противника 26 июня вообще не упоминается. Начштаба 8-го мехкорпуса Цинченко вполне определенно пишет об авиаударах: «Главным образом 12-й тд». Возможно, люфтваффе были нацелены на наступающую непосредственно на Берестечко дивизию. Возможно, свою роль сыграло то, что в районе Лешнева местность была более открытой, благоприятствующей использованию авиации. Утюжить 34-ю танковую дивизию в соседних лесах было затруднительно. Так или иначе, в 14.00 над головами бойцов и командиров 12-й танковой дивизии разверзлись небеса. До 20.00 на части дивизии Т.А. Мишанина обрушились около 20 налетов. Бомбардировщики противника буквально ходили по головам. Конечно, советские танки всех типов были для двухмоторных бомбардировщиков Хе-111 и Ю-88 трудной целью. Однако тылы и артиллерия дивизии подверглись настоящему разгро-

* W.Werthen. Op.cit. S. 45.
** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7 т. 1, л. 169.

Бронеавтомобиль БА-10, подбитый в лесном массиве. На створке радиатора видна пробоина, шины передних колес выгорели. Судя по развернутой вперед башне, бронемашина неожиданно наткнулась на засаду

Сильной стороной немецкой авиации также была способность действовать с высокой интенсивностью, т.е. выполнять в сравнительно короткий отрезок времени большое количество самолетовылетов. Удары с воздуха стали серьезным препятствием на пути наступающих советских танковых корпусов как летом 1941 г., так и летом 1942 г., и даже летом 1943 г. (операция «Кутузов»). Выбивать танки у немцев с трудом получалось даже в 1943 г., но артиллерия, тылы и мотострелки на поле боя были куда более уязвимы. Весьма существенным фактором также было моральное воздействие непрерывных бомбардировок.

Тем временем потерявшая меньше времени на форсирование заболоченной речки и сражавшаяся только с пехотой 34-я танковая дивизия, преодолев лесной массив, выскочила из него, как чертик из шкатулки с секретом. Дивизия полковника Васильева довольно быстро вышла в район Хотина и Редкува, откуда до Берестечко оставалось уже меньше 10 км. Именно о ее действиях немцы написали: «отдельные танковые отряды русских продвинулись до Кол. Мытника». Мытник — это последний населенный пункт, лежащий на пути в Берестечко от Редкува. Немцам удалось, развернув с марша части 16-й танковой дивизии и вызвав авиацию, парировать удар 12-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса. Однако 34-я дивизия того же корпуса смогла во второй половине дня 26 июня создать еще один кризис. Вновь обратимся к журналу боевых действий корпуса Кемпфа:

«До вечера положение к югу от Берестечко остается критическим. Противник наносит из леса к северо-востоку от Лешнева танковые удары через Редков на Остров, в результате которых ему удается к вечеру перерезать шоссе у Острова. Под впечатлением от этой ситуации корпус вынужден в 18.00 отдать приказ подготовить к взрыву мосты через Стырь»*.

Для отражения советского наступления были задействованы все еще имеющиеся в Берестечко противотанковые средства, объединенные под управлением командира полка люфтваффе «Герман Геринг». Однако пробивная сила 34-й танковой дивизии была намного ниже, чем у ее соседа. Большинство участвовавших в атаке танков были Т-26 разных модификаций. По воспоминаниям Рябышева, к моменту вступления его корпуса в бой «танки Т-35 все были оставлены на маршрутах движения». Косвенно это подтверждается тем фактом, что ни один пятибашенный гигант не был потерян в районе Хотина и Редкува. Участвовали ли в атаке шесть КВ дивизии Васильева — неизвестно. В итоге на подступах к Мытнику 34-я танковая дивизия была остановлена сильным огнем

му. Было сожжено множество машин с боеприпасами, горючим и другим имуществом. Воспоминания комиссара корпуса Н.К. Попеля изобилуют ошибками и неточностями, но картина горящего после налетов леса нарисована им так ярко, что ее-то Николай Кириллович наверняка видел собственными глазами: «Метрах в пятнадцати догорал перевернутый остов радиомашины. Горел и лес. По бронзовой коре сосен бежало пламя. Вверх, вниз, по веткам на соседние стволы. Горящие деревья падали, поджигали грузовики, палатки, мотоциклы».

Ударами с воздуха были также уничтожены все тягачи артполка 12-й танковой дивизии и большая часть орудийных расчетов. Соединение Т.А. Мишанина осталось без артиллерии. Той самой артиллерии, воздействие которой так высоко было оценено командованием XXXXVIII танкового корпуса в вышепроцитированных документах. Успех в разгроме тылов и артиллерии советской дивизии стоил 55-й бомбардировочной эскадре одного He-111, потерянного от огня с земли в районе Бродов. 51-я эскадра «Эдельвейс» потеряла два Ju-88 в районе южнее Лешнева и один в районе Бродов. Во всех трех случаях причиной потери самолетов был огонь с земли.

В целом нельзя не согласиться со штабистами группы армий «Юг», констатировавшими в журнале боевых действий: «Атаки танков противника в районе Радзехов и Лешнев были остановлены в результате упорных оборонительных боев и эффективной поддержке V авиакорпуса». Это был, пожалуй, один из первых случаев срыва наступления советского механизированного соединения ударами с воздуха. Пальму первенства держит 6-й механизированный корпус, попавший под сильный удар авиации противника под Гродно. В последующем люфтваффе неоднократно показывало себя опасным противником. Авиация была наиболее маневренным средством в руках командования. Перенацелить самолеты было куда проще, чем отправить в марш по фронтовым дорогам танки и артиллерию.

* NARA T314 R1138 f499.

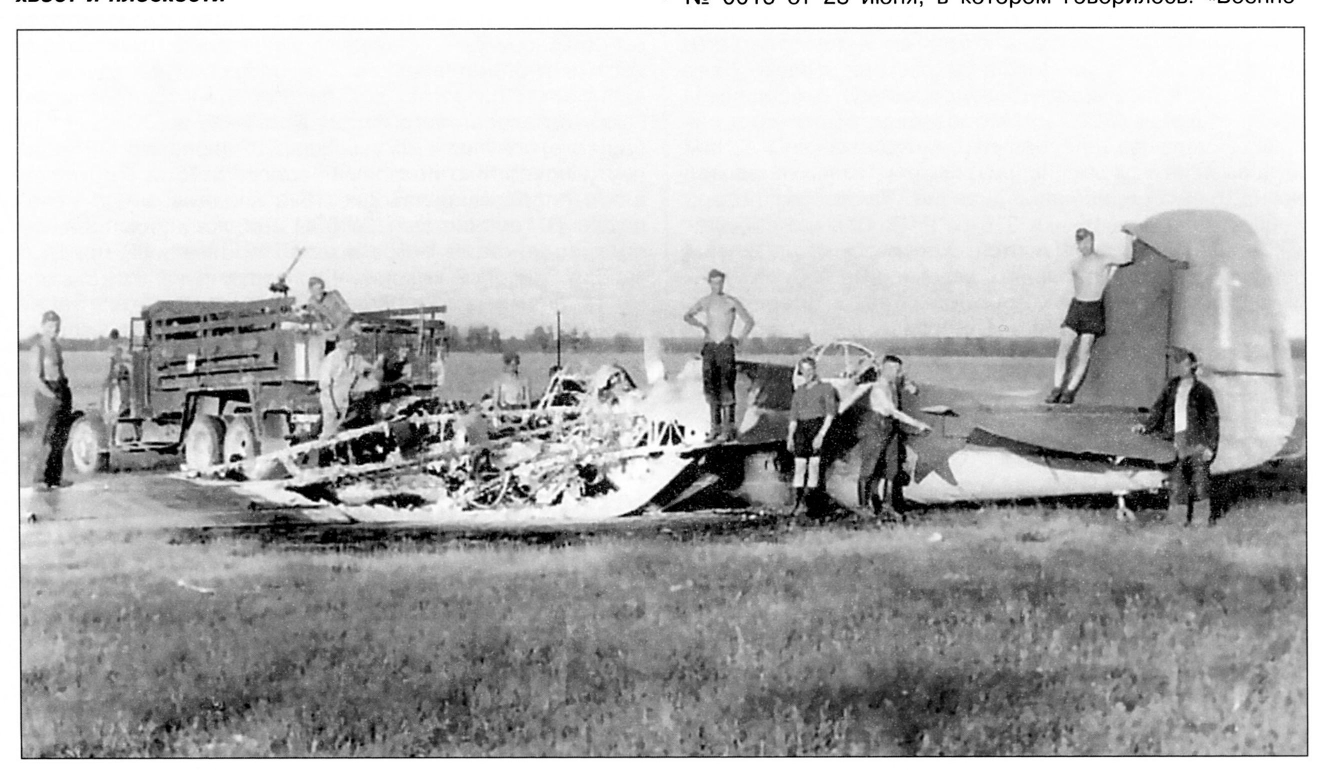
артиллерии, потеряла сожженными и подбитыми около 30 танков и успеха в дальнейшем продвижении не имела. Вытянувшиеся вдоль шоссе в направлении на Берестечко части дивизии оказались под огнем с обоих флангов и с фронта — из Теслугова, Острова и Мытице (Мытника). Причем расправиться с засевшим в Теслугове противником мешала еще одна заболоченная речка — Пляшевка. Дальнейшее наступление на Берестечко было возможно в случае успеха соседней 12-й танковой дивизии и ликвидации хотя бы одной из фланговых угроз. Напротив, к концу дня беспокойство за фланги только усилилось. Разведка засекла передвижение из Теслугова на Козин до 100 транспортных машин и танков, а также скопление в лесах у Антонувка (южнее Берестечко) до 100 танков. Это, скорее всего, были части 16-й танковой дивизии, стремившиеся догнать передовой отряд у Кременца. Однако одновременно такой маршрут выводил их во фланг и тыл 8-му мехкорпусу. Соседей справа у корпуса не было, смыкания фланга с действовавшими у Кременца отрядами не было. И.В. Васильев, опасаясь охвата и обхода справа, отвел свои передовые части назад и сосредоточил дивизию в лесах южнее Хотина. Общие потери 34-й танковой дивизии за 26 июня составили 31 Т-26, 5 БТ и 3 бронемашины.

Теоретически Рябышев мог переломить ситуацию в свою пользу, введя в бой третью дивизию своего корпуса. Во второй половине дня 7-я моторизованная дивизия наконец заняла исходное положение для атаки. В 13.00 дивизия А.В. Герасимова перешла в наступление в лесисто-болотистом районе Бордуляки, Станиславчик, Манастырек, но особых успехов в этом бою не имела и осталась на занимаемом рубеже до наступления темноты. Характер местности в районе наступления дивизии мало чем отличался от района марша соединения, о котором уже говорилось выше. Это были леса, изрезанные несколькими заболоченными речушками, и посредственный результат контрудара моторизованной дивизии корпуса Рябышева удивления не вызывает. В лесистой местности действия были возможны вдоль немногочисленных дорог и просек, которые легко могли быть перекрыты противником.

Война в воздухе. Дебют немецких бомбардировщиков под Лешневом, как средства воздействия на цели на поле боя, был, несомненно, устрашающим. Однако только авиаударами по наступающим советским частям участие корпуса фон Грайма не ограничилось. Истребители V авиакорпуса начали активнее прикрывать наступающие соединения 1-й танковой группы. Можно сказать, что немецкая авиация 26 июня повернулась лицом к потребностям своих сухопутных войск. В какой-то мере этому способствовала смена аэродромов базирования «мессершмиттов». Утром 26 июня две группы из трех эскадры JG 3 перебрались на аэродромы в непосредственной близости от района развернувшегося танкового сражения. Группа III/JG3 теперь базировалась под Луцком на только что занятом немецкими танкистами советском аэродроме.

Смены стратегии советской авиации 26 июня, напротив, не произошло. Командование Юго-Западного фронта поставило своим авиасоединениям задачу в одном приказе с мехкорпусами. Это был боевой приказ № 0016 от 25 июня, в котором говорилось: «Военно-

Скульптура. Немецкие солдаты позируют на фоне выгоревшего советского бомбардировщика СБ-2. Достаточно характерная картина: сгоревшая центральная часть с баками и относительно целые хвост и плоскости

Командир I группы эскадры JG3 Ганс фон Хан в кабине своего Ме-109F-2. Кольца на коке винта рисовали для быстрого опознавания — оглядываясь назад и видя такие кольца, летчик сразу понимал, что сзади Ме-109, а не МиГ-3

воздушным силам фронта с 4 часов начать бомбометание по местам скопления танков противника с целью максимального подавления к началу атаки. Атаку предварить и сопровождать мощными ударами с воздуха»*.

Окончательно придя в себя после шока первых дней, ВВС Юго-Западного фронта действовали с возрастающей интенсивностью. Так, 17-я авиадивизия 26 июня резко повысила свою активность по сравнению с предыдущими днями. Ее летчики выполнили 235 самолетовылетов, сбросили 280 ФАБ-100, 424 ФАБ-50 и 30 АО-25. Основными целями были колонны противника и скопления техники в районе Берестечко, Острув, Радзехов. 225-й СБП выполнил три вылета всем полком, 224-й СБП и 48-й СБП — по два вылета всем полком. Потери соединения, несмотря на высокую интенсивность полетов, были невелики: 1 самолет не вернулся с задания и 2 СБ были сбиты в районе цели. 48-й бомбардировочный полк дивизии (17 Пе-2), прикрывавшийся 20-м истребительным авиаполком (28 Як-1), вообще не понес боевых потерь. Только одна «пешка» села на вынужденную посадку. В свою очередь, «яковлевы» 20-го ИАП потеряли всего один самолет, сделав за день 64 самолетовылета (по 2—3 вылета на один самолет) и прикрывая не только «пешки», но и ДБ-3 соседней авиадивизии. Также без потерь действовали разведчики 316-го РАП. Обычно самолеты Як-2 и Як-4 оцениваются скептически, однако им все же удавалось проявлять заложенные А.С. Яковлевым скоростные характеристики. Так, в оперсводке полка за 26 июня сказано: «При разведывательных полетах самолеты Як-2—4 имели пять встреч с истребителями противника [...] во всех случаях самолеты не могли атаковать наших самолетов, разведчики имели преимущество в скоростях и безнаказанно уходили от истребителей»**. Что касается решаемых задач, то они ставились на довольно большую глубину: 26 июня советские «москито» летали на разведку в район Луцка, Берестечко, Сокаля.

Но не всем так везло. Перебазирование II и III групп эскадры JG3 сразу же стало влиять на обстановку в воздухе 19-я авиадивизия при меньшей интенсивности использования (107 самолетовылетов) потеряла сразу 11 СБ, не вернувшимися с боевого задания, еще 1 Як-2 был сбит над целью истребителями противника. В одном из случаев не вернулось с задания все звено СБ из 138-го полка. Летчики другого бомбардировочного полка потом доложили, что видели бой СБ с Ме-109, причем один из СБ загорелся на их глазах. Целями 19-й авиадивизии были Сокаль, Берестечко, Крыстынополь и Радзехов. Несмотря на противодействие противника, полки дивизии смогли сбросить на противника 385 ФАБ-100, 68 ФАБ-50.

К авиаударам по колоннам на центральной «панцерштрассе» были даже привлечены истребители МиГ-3 15-й авиадивизии. В 6.15—9.25 26 июня силами 17 МиГ-3 соединения на колонны танков и мотопехоты противника были сброшены 28 ФАБ-100 и 6 ФАБ-50. Нехарактерные для истребителей «сотки» подвешивались «мигу» под крылья. По мнению командования 15-й САД, увеличение взлетного веса на 200 кг фатально не ухудшило управляемости. Также «миги» 15-й авиадивизии сопровождали к цели бомбардировщики СБ, потеряв в воздушных боях 4 самолета. Авиадивизия почти полностью была сосредоточена на аэродроме Зубов.

В 16-й авиадивизии «миги» прикрывали четыре самолета 86-го бомбардировочного полка, но в ходе воздушного боя потеряли их из виду. Результаты отрыва от прикрываемых бомбардировщиков не замедлили сказаться на результатах их вылета. 1 Пе-2 (ведущего группы подполковника Сорокина) и 3 СБ с задания не вернулись, также был сбит 1 «миг». Звено СБ того же полка, вылетевшее на задание под прикрытием И-16 соседней авиадивизии, также пропало без вести, ни один самолет из него на свой аэродром не вернулся. По итогам дня в 86-м бомбардировочном полку осталось всего 3 исправных СБ и 1 Пе-2. Он и без того получил сильный удар 22 июня и к 26 июня почти полностью потерял боеспособность. По итогам дня в оперативной сводке 16-й авиадивизии отмечалось: «В течение дня 26.6.41 наблюдалось сильное противодействие истребителей противника, прикрывавших танковые колонны [и] патрулирующих большими группами по 9—12 самолетов, отмечается также активность всех средств зенитной обороны в направлении движения танковых колонн»***.

Столь же неудачным был день 26 июня для 18-й авиадивизии. Ее бомбардировщики ДБ-3 выполнили 61 самолетовылет (почти вдвое больше, чем в предыдущий день), сбросив 347 ФАБ-100 на район Сокаль, Радзехов, Берестечко. При этом 93-й полк дивизии потерял 7 бомбардировщиков не вернувшимися с боевого задания. В тот же день тот же полк пережил атаку на свой аэродром, но бомбы легли на край летного поля и никакого ущерба не причинили.

Наибольшие потери 26 июня понесла 62-я авиадивизия. Она выполнила всего 73 самолетовылета, при этом

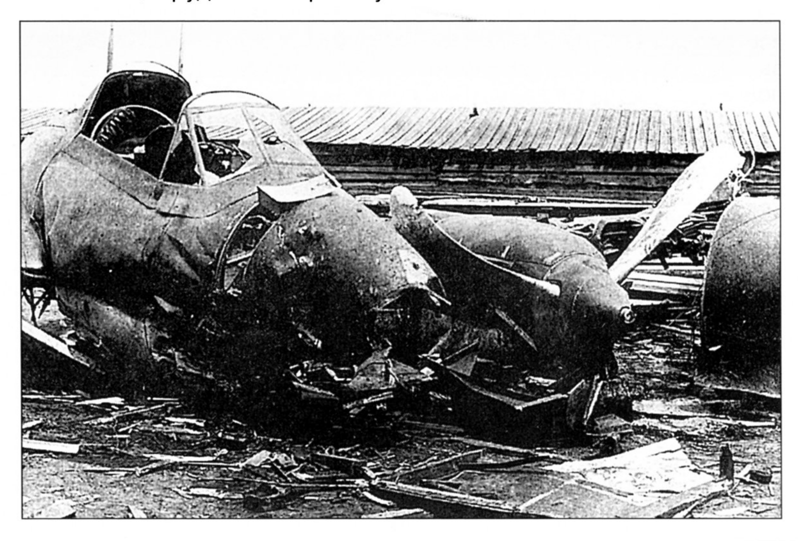
* СБД № 36. С. 28.
** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 19, л. 311.
*** ЦАМО РФ, ф. 229,оп. 181, д. 14, л. 72.

были потеряны сразу 14 СБ и 1 Пе-2. После отвлечения на ковельское направление 25 июня дивизия 26-го числа «работала» по тем же целям, что и другие авиасоединения Юго-Западного фронта — Радзехов, Берестечко, Стоянув. Было сброшено 152 ФАБ-100, 350 ФАБ-50.

Всего, по немецким данным, 26 июня было сбито 68 советских машин в воздушных боях и 5 огнем зенитной артиллерии. Чаще всего заявлялось об уничтожении ДБ-3, машин этого типа немцы сочли сбитыми 26 штук. Это довольно странно, так как больше всего было сбито СБ, в немецкой терминологии «мартин-бомберов». Наибольших успехов добились пилоты I/JG3, заявившие о 31 сбитых. Район действий группы был довольно широким: Берестечко, Броды, Дубно. Собственные потери эскадры 26 июня составили 10 машин. В целом 26 июня 1941 г. в какойто мере можно назвать «черным днем» для ВВС Юго-Западного фронта. Были понесены тяжелые потери, причем, в отличие от ударов по аэродромам, уничтожавшим преимущественно технику, потери в воздушных боях чаще всего означали потерю экипажей. Никакого согласования действий с мехкорпусами, строго говоря, не было. В частности, Лешнев и вообще оборона противника перед фронтом наступления 8-го мехкорпуса среди целей бомбардировщиков не фигурировали. Также отсутствовало прикрытие корпуса Рябышева с воздуха. Истребители авиадивизий фронта летали почти исключительно на сопровождение своих бомбардировщиков.

Горящий на земле советский бомбардировщик ДБ-3. Это были тяжелые машины, способные поднимать большое количество бомб, но одновременно достаточно медлительные и слабо защищенные

Причиной отсутствия советских истребителей над боевыми порядками 12-й танковой дивизии были отнюдь не удары по аэродромам утром 22 июня. В строю еще оставалось довольно много боевых самолетов, в том числе новейших типов. На 27 июня в 15-й авиадивизии все еще оставалось 37 истребителей МиГ-3. При надлежащей организации связи и взаимодействия «миги» могли если не разогнать немецкие бомбардировщики, то, по крайней мере, серьезно затруднить им работу.

Пикирующий бомбардировщик Пе-2, ставший жертвой немецких истребителей

Догорающий в поле Ме-109 истребительной эскадры JG-3

для выяснения обстановки и получения дневного донесения достаточно было послать делегата связи. Комкор явно связывал с 34-й танковой дивизией надежды на развитие контрудара корпуса. Она не получила сокрушительного удара с воздуха и находилась в наилучшем положении. Однако в ночь с 26 на 27 июня произошли события, резко изменившие ход контрудара и приведшие к неожиданным последствиям.

Вечером 26 июня командир 12-й танковой дивизии Т.А. Мишанин принимает, прямо скажем, спорное решение вывести свою дивизию из боя. К сожалению, впоследствии погибший генерал нигде и никак не объяснил свой приказ. Исходя из имеющихся сейчас данных об обстановке можно предположить, что он стремился вывести дивизию (точнее, то, что от нее осталось) под защиту лесного массива и подтянуть отставшую технику. Лес давал прикрытие от наблюдения с воздуха и тем самым снижал эффективность авиаударов. Кроме того, после дневного боя в распоряжении Мишанина оставалось всего около 40 танков, а артиллерия была практически полностью выбита. В такой обстановке контрудар противника мог привести к окружению и разгрому соединения. Нельзя не отметить, что схожее решение принял его сосед справа И.В. Васильев, оттянувший свою дивизию немного назад, в лес на северном берегу Слоновки. Не исключено также, что Мишанин согласовал отход с Рябышевым и его конечной целью была рокировка 12-й танковой дивизии в полосу 34-й танковой дивизии. Такие маневры довольно часто применялись советскими войсками в 1944—1945 гг.: при наступлении на параллельных маршрутах наступавший менее успешно корпус разворачивался в затылок добившемуся лучших результатов и развивал его успех.

Так или иначе, к полуночи приказ Мишанина был исполнен, 12-я танковая дивизия вышла из боя. При сохранении задач на контрудар в направлении на Берестечко этот шаг мог стоить генералу очень дорого. Однако новые распоряжения из штаба фронта неожиданным образом совпали с его решением о выводе 12-й танковой дивизии из боя. В 2.30 27.06.41 г. в штаб 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал Д.И. Рябышеву устный приказ командующего Юго-Западным фронтом, гласивший:

«37-й стрелковый корпус обороняется на фронте м. Почаюв Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

Следует сказать, что советская авиация действовала примерно в одном и том же районе, не смещая точку приложения усилий по мере движения немецкого танкового клина на восток. Это дало 11-й танковой дивизии короткую передышку. Шродек с удовлетворением отмечает: «Применение нашей авиации приводит в этот день к ослаблению активности русских самолетов, что было, в общем-то, приятно заметить». Возможно, немецкий танкист стал свидетелем боя 18 И-153 из 92-го истребительного авиаполка с Ме-109 над Дубно в середине дня, в нем было потеряно 2 И-153. Однако 11-я танковая дивизия всего лишь удалилась от огненного коридора у Берестечко и Радзехова. Напомню, что Кемпф был вынужден перенести свой штаб из Берестечко в том числе под воздействием авианалетов «сталинских соколов».

Итоги контрударов 26 июня. Подводя итоги боевых действий в районе Бродов 26 июня, приходится констатировать, что немцам удалось сдержать первый удар 8-го мехкорпуса и изготовиться к отражению следующих атак.

Если бы советские танкисты решили на следующий день продолжить наступление на прежних направлениях, их бы встретила намного более прочная оборона. Рябышев в конце дня отправляется в 34-ю танковую дивизию. В мемуарах он объясняет это отсутствием донесений из нее, но эта причина, очевидно, надуманная:

670-й батальон истребителей танков на марше. Впереди Pz.I, выполняющий роль танка управления. За ним видны характерные силуэты истребителей танков с 47-мм трофейными чешскими пушками

Брошенный из-за технических неполадок КВ-2. О попытках разобраться с ними говорят открытые круглые люки трансмиссионного отделения

Итак, исхлестанная немецкой авиацией 12-я танковая дивизия к 24.00 26 июня уже была выведена из боя. Решение Т.А. Мишанина попросту осталось незамеченным, получалось, что он просто упредил следующий приказ штаба фронта. В противном случае он рисковал оказаться под следствием подобно расстрелянному командиру 14-го мехкорпуса Оборину.

Получив новый приказ, Рябышев незамедлительно отдает распоряжения подчиненным ему соединениям:

«34-й танковой дивизии выйти из боя и,двигаясь по маршруту Червоноармейск, м. Почаюв Новы, сосредоточиться в районе юго-восточнее м. Почаюв Новы.

12-й танковой и 7-й мотострелковой дивизиям, двигаясь по маршруту Броды, Подкамень, сосредоточиться южнее и юго-восточнее Подкамень».

Заметим, что слова о выводе из боя присутствуют только в отношении 34-й танковой дивизии. Относительно двух других дивизий есть только указание о маршруте движения. Впоследствии в своих воспоминаниях Рябышев несколько подкорректировал ход и хронологию событий, чтобы задрапировать отвод дивизии Мишанина. Для этого ему пришлось сдвинуть приезд Панюхова на 4 часа утра, на полтора часа относительно действительного времени, указанного им в отчете июля 1941 г. Далее комкор в своих мемуарах написал:

«Теперь меня волновал один вопрос: успеем ли мы довести этот приказ войскам до перехода их в наступление. Если они начнут бой, тогда будет очень трудно

Танк КВ-2, поврежденный в бою и позднее брошенный. Хорошо видны отметины от снарядов на башне и корпусе

Танк КВ, оставшийся на обочине дороги. На башне видны отметины попаданий. Белый треугольник на башне проходит по документам Юго-Западного фронта как элемент опознавания с воздухе

в светлое время выполнить приказ командующего. Надо было спешить... Все, что зависело от штаба корпуса, было сделано. 7-я моторизованная и 12-я танковая дивизии успели получить приказ до начала наступления. А 34-я танковая дивизия уже атаковала врага севернее Берестечко, и ее выход из боя задержался на два с половиной часа»*.

Ни о каком переходе в наступление посередине ночи не могло быть и речи. Кроме того, чаще всего контрудары начинались около 9.00 утра. Поэтому времени на оповещение было более чем достаточно. Разница была только в том, что 12-я танковая дивизия уже выстроилась в маршевые колонны. В две другие дивизии после приезда Панюхова были отправлены делегаты связи. Что интересно, в отчетных документах 34-й танковой дивизии отсутствуют упоминания о каких-либо приказах на вывод из боя в ночные часы 27 июня. Если делегаты добрались до штаба Васильева, то отход не успел начаться до получения следующего приказа. Напротив, уже сформированные маршевые колонны подразделений 12-й танковой дивизии сразу же направились в район населенного пункта Подкамень, южнее Брод.

Пока 12-я танковая дивизия уходит с поля битвы, попробуем разобраться, чем было вызвано резкое изменение стратегии фронтового командования. Конечно, нельзя сказать, что 8-му механизированному корпусу удалось добиться каких-то выдающихся результатов. К Берестечко корпус прорываться не смог. Вместе с тем, как видно из процитированных выше документов противника, дивизиям Рябышева удалось создать локальный кризис. Однако в оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта от 20.00 26 июня результат боя описан просто уничижительно: «8-й механизированный корпус в 9.00 26.06.41 г. нерешительно атаковал механизированные части противника из района Броды в направлении Берестечко и, не имея достаточной поддержки авиацией и со стороны соседа слева — 15-го механизированного корпуса, остановлен противником в исходном для атаки районе».

Выгоревший танк БТ-7 34-й танковой дивизии. Рядом с ним сгоревший тягач «Коминтерн»

---

* Рябышев Д.И. Указ. соч. С. 31.

Брошенный в лесу танк Т-35 34-й танковой дивизии. Кадр немецкой кинохроники

Досталось в оперсводке и корпусу Карпезо: «15-й механизированный корпус, действуя так же нерешительно, не выполнил приказа на атаку. К 9.00 26.06.41 г. (начало атаки механизированных корпусов) еще не был сосредоточен в исходном районе». Эти слова справедливы, но лишь отчасти.

Что же случилось? В мемуарах И.Х. Баграмяна (точнее, в воспоминаниях Ивана Христофоровича, подвергнутых безжалостной «литературной обработке» с добавлением диалогов, которые никто спустя несколько лет помнить не может) это подается как отказ от стратегии контрударов мехкорпусами в пользу построения «упорной обороны» стрелковыми корпусами.

Причина вывода корпусов Рябышева и Карпезо из боя была совсем другая. Основной ошибкой командования фронта была неверная оценка направления развития наступления немцев. В разведывательной сводке фронта от 22.00 26 июня мы читаем: «Радзеховбродское направление. Противник, имея главные силы прорвавшейся мотомеханизированной группировки в районе Берестечко и передовые части в Дубно, Верба, Раздвиллув, пытался распространить прорыв в направлении Броды, Тарнополь, но, встречая упорное сопротивление наших частей, успеха не имел». Тем временем 1-я танковая группа стремилась развивать наступление не в юго-восточном направлении, на Тарнополь, как предполагало командование Юго-Западного фронта, а дальше на восток, в направлении Острога и Шепетовки. М.А. Пуркаев и М.П. Кирпонос неверно оценили замах «клещей» планируемого немцами окружения войск фронта. Возможно, был неверно интерпретирован выпад в направлении Кременца. Как мы сейчас знаем, он был продиктован всего лишь стремлением использовать 11-ю и 16-ю танковые дивизии не в затылок друг другу, а на разных маршрутах. Командование группы армий «Юг» действительно собиралось осуществить окружение противостоящих советских войск. Но план был намного амбициознее. Окружать 6, 26 и 12-ю армии немцы собирались во взаимодействии с 11-й армией Евгения Риттера фон Шоберта, сосредотачивающейся в Румынии. Как раз 26 июня в журнале

Т-35 с предыдущего фото крупным планом. Это машина выпуска 1937—1938 гг. с цилиндрическими башнями. На борту башни видны остатки креплений поручневой антенны

Немецкий офицер рассматривает 76-мм унитарный выстрел пушки Т-35 с предыдущего фото. Несмотря на короткий ствол, выстрел пушки КТ комплектовался гильзой, равной по длине гильзе «трехдюймовки», но с меньшей навеской пороха

боевых действий группы армий «Юг» появляется запись:

«Учитывая предшествующий ход операции, предлагается внимательному рассмотрению вопрос о целесообразности перехода от глубокого оперативного прорыва в направлении на Киев к тесному оперативному окружению советских войск, ведущих бои в районе Тарнополь — Лемберг (Львов)».

При этом начало операции на окружение сдерживалось временем, необходимым для приведения 11-й армии в полную готовность к наступлению (2 июля). Соответственно задачей 1-й танковой группы оставался прорыв, «несмотря на наличие глубоких флангов и используя любые дороги, тремя головными колоннами в направлении Бердичев — Житомир». Для сдерживания прорыва противника в направлении на Бердичев и Житомир мехкорпусам требовалось продолжать контрудары. Отвод назад фактически выводил их из сражения. Если бы командование Юго-Западного фронта правильно оценило замысел противника, никакого отвода бы не произошло.

Итак, механизированные корпуса Юго-Западного фронта выводились за линию построения 37-го стрелкового корпуса, поскольку их предполагалось использовать во фланговом контрударе против ожидавшегося поворота на юг 1-й танковой группы. Одновременно командование фронта решило начать отвод войск на восток из предполагаемого «котла». Частным боевым приказом № 0016 6-я армия отводилась на рубеж Новый Почачов, По-

Брошенный на дороге Т-26 поздних серий. Судя по оставшемуся в башне пулемету и закрытым люкам, танк подбит в бою

никва, Ушня, Золочев, Гологуры, Ганачув. В подчинение армии входил 37-й стрелковый корпус в составе 141-й и 139-й стрелковых дивизий. Согласно тому же приказу 12-я армия отходила на фронт Стрый, Долина. Вышкув. Тем самым выгнутый в сторону противника фронт армий в львовском выступе сокращался и армии разворачивались в линию, обращенную на северо-запад. Также устранялся разрыв между соединениями армий прикрытия и «глубинными» стрелковыми корпусами, 37-й стрелковый корпус подчинялся теперь 6-й армии.

Однако Москва не поддержала решение командования фронта. И.Х. Баграмян вспоминает:

«— Товарищ полковник! Товарищ полковник! — слышу голос оперативного дежурного. — Москва на проводе!

Бегу в переговорную. Увидя меня, радистка отстучала в Москву: «У аппарата полковник Баграмян». Подхватываю ленту, читаю: «У аппарата генерал Маландин. Здравствуйте. Немедленно доложите командующему, что Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору. Все»»*.

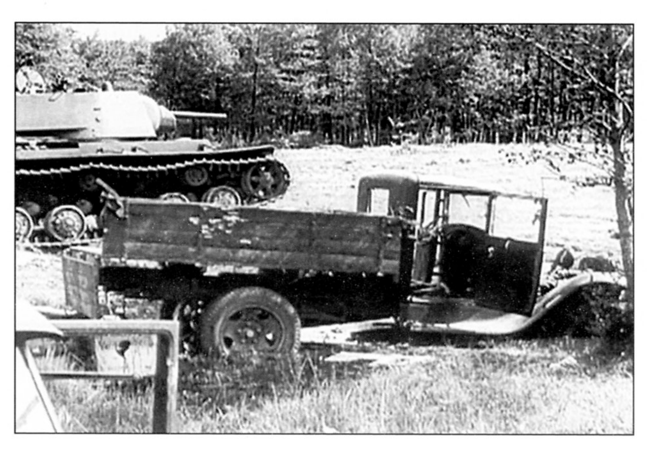
М.П. Кирпонос попытался объяснить свои решения, но отстоять их не смог. Дальнейшее развитие событий показало, что Ставка была права в своих оценках — острие немецкого танкового клина повернуло на юг намного позднее, только после преодоления «линии Сталина». Поскольку задачи мехкорпусам были поставлены, исходя из обстановки на 24—25 июня, то возвращать их в бой на прежних направлениях было уже нецелесообразно. Поэтому направления ударов были изменены. Баграмян пишет:

«Кирпонос снова склонился над картой. — Ставьте новые задачи нашим механизированным корпусам, — обратился он к Пуркаеву. — Восьмой повернем на северо-восток, пусть наступает прямо на Дубно, а пятнадцатый всеми силами ударит на Берестечко. Если Рябышев в районе Дубно соединится с корпусами Рокоссовского и Фекленко, то прорвавшиеся вражеские части окажутся в западне»**.

С одной стороны, смена направлений ударов позволяла хоть как-то координировать действия корпусов Рябышева и Карпезо с корпусами Фекленко и Рокоссовского. С другой стороны, разворот 8-го мехкорпуса позволял нанести удар во фланг немецкой группировке, выдвинувшейся к Кременцу, и тем самым устранить непосредственную угрозу Тарнополю. Новые приказы повезли в 8-й и 15-й мехкорпуса бригадный комиссар А.И. Михайлов и комбриг Н.С. Петухов. Вскоре туда же выехал член Военного совета фронта Н.Н. Вашугин.

Делегаты добрались до расположения 8-го мехкорпуса ранним утром. В 6.00 27.06.41 г. в районе 2 км южнее Броды бригадный комиссар А.И. Михайлов вручил Д.И. Рябышеву второй приказ командующего Юго-Западным фронтом за № 2121 от 27.06.41 г. Согласно этому приказу 8-й механизированный корпус в 9.00 27.06.41 г. должен был начать наступление в направлении Броды, м. Верба, Дубно и к исходу дня сосредоточиться в районе Дубно, Волковые, м. Верба. Если бы

* Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат. 1971. С. 141.
** Баграмян И.Х., Указ. соч. С. 142.

Танк КВ и грузовик ЗИС-5, брошенные в лесу под Бродами

12-я танковая дивизия не была бы выведена из боя еще вечером 26 июня, то ночные метания командования относительно задач корпуса вполне могли бы пройти для дивизий незамеченными. Однако вывод дивизии Мишанина шел полным ходом В момент получения приказа Юго-Западного фронта № 2121 12-я танковая дивизия уже находилась в движении от Бродов на Подкамень, ее колонна была растянута на 20—25 км. Скрепя сердце Рябышев в 7.00 отдает приказ:

«34-й танковой дивизии ударом в направлении Козин, м. Верба, Дубно к исходу 27.06.41 г. выйти в район Дубно, ЗагорцеМале, Семидубы.

12-й танковой дивизии ударом в направлении Ситно, Козин, м. Верба к исходу 27.06.41 г. выйти в район Подлуже, м. Верба, Судобиче.

7-й мотострелковой дивизии движением в направлении Броды, Червоноармейск, м. Верба к исходу 27.06.41 г. сосредоточиться в районе (иск.) м. Верба, Рудня, Берег, обеспечивая действия корпуса с северо-запада и юго-запада.

Начало наступления в 9.00 27.06.41 г.».

Следует обратить внимание на последнюю фразу: уже в 7.00 командиром корпуса было назначено время перехода в наступление. Позднее в мемуарах Рябы-

Немецкий солдат взбирается на КВ-2 по лестнице на борту башни. Судя по открытому трансмиссионному люку (слева на снимке) танк был брошен из-за технических неисправностей

шев называл совсем другое время: «Исходный рубеж для наступления — станция Рудня-Сестратин. Дивизии должны сосредоточиться в этом районе к 2 часам 28 июня и спустя два часа начать наступление».

В десятом часу утра в расположение штаба корпуса прибыл Н.Н. Вашугин, который по озвученной в мемуарах Н.К. Попеля версии (повторенной позднее Д.И. Рябышевым) потребовал в ультимативной форме перехода в наступление немедленно. С документами эта версия никак не стыкуется. Ее задачей было оправдать торопливый ввод мехкорпуса в бой по частям. На страницах своих воспоминаний Рябышев постарался нарисовать образ рассудительного и не склонного к штурмовщине человека:

«– Мною выслана разведка с целью установить местонахождение, силы и группировку противника. Эту задачу выполняет корпусной мотоциклетный полк. Войска корпуса могут сосредоточиться на исходном рубеже к концу дня и начать наступление только с утра 28 июня, — закончил я свой доклад.

— Что?! — воскликнул член Военного совета. — Немедленно решение — и вперед!»*. Соответственно рожать в муках на глазах корпусного комиссара новый приказ совершенно не требовалось. Он был подготовлен за два часа до его визита. Еще большим идиотизмом выглядит подписание Вашугиным написанного комкором приказа. Попель описывает этот процесс, не жалея ярких красок: «Корпусной комиссар выхватывает авторучку и расписывается так, что летят чернильные брызги». Места для подписи вышестоящим командованием на приказе корпуса нет и быть не может, его подписывают командир, комиссар и начальник штаба соединения. Подпись Вашугина и так присутствует на приказе фронта. Одним словом, весь эпизод шит в мемуарах белыми нитками. Позднее эти душераздирающие рассказы были использованы для назначения Н.Н. Вашугина стрелочником и главным виновником неудач. Далее это закономерно выродилось в «роль партии» на новом витке развития, т.е. как повод для обвинения политической системы СССР в военных неудачах.

В действительности, командование корпуса приложило все усилия для выполнения нового приказа в назначенные сроки. Уже в 7.30 — 8.30 27 июня Рябышев лично прибывает в 34-ю танковую дивизию и ставит задачу на наступление в направлении Дубно. Командир корпуса реально оценивал обстановку и понимал, что выведенная в тыл 12-я танковая дивизия и застрявшая в лесах 7-я моторизованная дивизия вряд ли смогут реализовать разработанный в штабе фронта план. Поэтому Рябышев отправился в максимально близкое к выполнению поставленной задачи соединение. Однако, возможно, некий инцидент с участием Н.Н. Вашугина все же имел место. Касался он, разумеется, не планирования контрудара — как уже было сказано, все необходимые решения уже были приняты и приказы написаны. Нарекания корпусного комиссара могли касаться темпов ввода в бой дивизий. Несмотря на то что Рябышев лично взялся разворачивать 34-ю танковую дивизию, в 9.00 она в наступление на новом направлении не перешла. Сохранившиеся документы указывают время перехода дивизии в наступление между 14.00 и 14.30 27 июня. Как показали дальнейшие события, задержка с выдвижением сыграла роковую роль.

Хронометраж сбора сил и их выдвижения в заданном направлении просматривается следующий. В 10.00 27 июня делегатом штаба корпуса разворачивается на новое направление колонна из состава 12-й танковой дивизии в количестве 25 тяжелых и средних машин. В 14.00—14.30 27.06.41 г. вдогонку за ними двинулась 34-я танковая дивизия (150—156 танков, мотострелковый и артиллерийский полки). В 17.00 из района Червоноармейск выступили оставшиеся части 23-го и 24-го танковых полков 12-й танковой дивизии (до 30 танков) в район Вербы для совместных действий с 34-й танковой дивизией. Командиром этой сводной группы был назначен Н.К. Попель. Соответственно, 7-я моторизованная дивизия 27 июня была на марше, а остальные части 12-й танковой дивизии были выведены в район Подкамень, где приводили себя в порядок, подтягивали отставшие машины, заправлялись горючим. Однако, несмотря на все нестыковки и сложности, разворот части сил 8-го механизированного корпуса на Дубно принес неожиданный успех. Сплошной фронт на тот момент отсутствовал, и группа Попеля ударила в стык между передовыми частями 16-й танковой дивизии под Кременцом и 57-й пехотной дивизией. Более того, группа Попеля вклинилась между двумя боевыми группами 16-й танковой дивизии. В построении немецких войск был почти ничем не занятый просвет, позволивший беспрепятственно бросить на Дубно более 200 советских танков.

Фактор неопределенности планов противника, пусть по-разному, действовал на обе стороны. Немцы чересчур увлеклись построением обороны на подступах к Берестечко, считая, что именно здесь будет вновь нанесен контрудар. По приказу командования 1-й танковой группы был даже создан специальный подвижный отряд из 670-го батальона истребителей танков и мотоциклетного батальона. Однако направление удара неожиданно сместилось, и противопоставить ему немцам оказалось нечего.

Обстановку, сложившуюся к вечеру 27 июня, рисует журнал боевых действий XXXXVIII корпуса:

«19.00 — Положение в районе Вербы обострилось. Сильная вражеская танковая часть пытается прорваться к Дубно из Броды. В третий раз за последние дни шоссе корпуса перерезано, и возникает исключительно тяжелое положение. Стрелковой бригаде все еще не удалось соединиться с передовыми частями 16-й тд. Она ведет бой с сильным противником у Гоноратки, уничтожив множество вражеских танков. Авангард вражеских танковых частей предположительно дошел до Дубно и в районе Тараканова атаковал части корпусного батальона связи и обозы. Основная часть группы противника находится южнее шоссе, лишь около 50 сверхтяжелых танков замечены у Тарнавки. Ясной картины положения передовых частей у Кременца все еще невозможно составить. Генерал Хубе с частью своего штаба, вероятно, окружен у Вербы Каменной»**. Что любопытно, слухи о неких проблемах со штабом дивизии противника дошли до наступающей группы Попеля. В своих мемуарах он написал: «И тут, скрытый до той минуты высокой рожью, поднялся в воздух легкий немецкий самолет — «костыль». Это, как

---

* Рябышев Д.И. Указ. соч. С. 34—35.

** NARA T314 R1138 f507.

Потери ВВС ЮЗФ в период с 25 по 27 июня 1941 г.

	СБ	Пе-2	МиГ-3	И-16	И-153 (И-15)	Як-2	ДБ-3	Ар-2
Сбито в воздушном бою	20	1	3	8	5	3	4	5
Сбито ЗА	2	1	1	3	—	—	1	1
Уничтожено на аэродромах	—	—	—	11	22(1)	—	—	—
Не вернулось с боевого задания	8	1	9	2	8(5)	3	3	1
Уничтожено при отходе	5	—	—	—	5(4)	1	—	—
Оставлено на территории, занятой противником	8	—	—	—	—	—	1	—
Катастрофы и аварии	1	—	2	8	3(1)	1	—	—

ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 181, д. 47, л. 76 об, 77.

мы узнали ночью от пленных, бросил свои войска генерал Мильче, командир 11-й танковой дивизии». Командир 11-й танковой дивизии Людвиг Крювель в это время был далеко впереди, у Острога, командира 16-й танковой дивизии звали Хубе, и ни на каком «Шторхе» он не сбегал. Дальнейшие рассказы Попеля о том, как «пехота прочесывала поле, извлекая из ржи то начальника штаба 11-й танковой дивизии, то начальника разведки, то еще кого-нибудь», являются безусловной выдумкой. Попель несколько поторопил события. На самолете Ганс-Валентин Хубе покинул сталинградский «котел», будучи уже в должности командира XIV танкового корпуса. Вообще, окружение в первые дни войны словно поставило печать на дальнейшей карьере Хубе. Он побывал в окружении в Сталинграде, а его последней битвой на Восточном фронте (уже в качестве командующего) стало окружение 1-й танковой армии на Украине весной 1944 г.

Собственно, к Дубно группа Попеля вышла только к вечеру 27 июня. В своем докладе Попель тактично написал: «К 23.00 южная окраина Дубно была взята»*. Это позднее в мемуарах он написал: «Когда мы входили в Дубно, было совсем темно. Тучи заволокли молодую луну. Ни звездочки на небе, ни огонька в окнах, ни живой души на тротуарах. По ночным улицам, по безжизненным домам молотили снаряды, мины»**. Однако, согласно отчету и журналу боевых действий 34-й танковой дивизии, вышедший к Дубно 67-й танковый полк «подвергается сильному обстрелу ПТО и артиллерии с южной окраины Дубно и Забрамье»***. Забрамье — это западный пригород Дубно. Соответственно, на ночь 34-я дивизия собирается в Подлужье, деревне к юго-западу от города. Рисковать и атаковать Дубно ночью, чтобы войти на «ночные улицы», не стали. Это решение имело роковые последствия.

Война в воздухе. Немецкая авиация, которая сыграла едва ли не решающую роль при отражении контрудара 26 июня, оказывается почти бесполезной: «Требуемые дивизией [16-й тд. — А.И.] авиаудары по вражеским танкам сталкиваются со сложностями, поскольку точную границу между сражающимися сторонами ввиду неясности положения провести невозможно»****.

Советская авиация также несколько снизила свою активность. 17-я авиадивизия с утра вообще не получила задания.

14-я авиадивизия группами по 7—10 самолетов прикрывала войска в движении по дорогам, выполнила 56 самолетовылетов, в том числе 19 на И-16 и 37 на И-153. В расчете на 37 исправных самолетов это было немного, полтора вылета на одну исправную машину.

15-я авиадивизия летала на прикрытие 15-го мехкорпуса (50 самолетовылетов), атаки колонн противника в районе Шуровище, Берестечко и Верба (30 самолетовылетов), а также на прикрытие аэродрома и разведку. Всего было выполненено 126 самолетовылетов и сброшено 5600 кг бомб. Потери были тоже умеренными — один И-153. 16-я авиадивизия также прикрывала 15-й мехкорпус (40 самолетовылетов). Прикрытие осуществлялось довольно крупными силами — девятками самолетов. В патрулировании летчики 87 ИАП отразили налет Ю-88, сбив один из них. Кроме того, дивизия силами истребителей с бомбами атаковала танки противника в районе Шуровище, Берестечко, Верба (70 самолетовылетов). Всего пилоты 16-й дивизии выполнили 156 самолето-вылетов, сбросили 6 тонн бомб. 86-й бомбардировочный полк 27 июня вообще не действовал. Сообразно падению активности советской авиации снизились заявки немецких асов. За 27 июня летчики эскадры JG3 заявили лишь о 14 сбитых краснозвездных самолетах.

Всего, таким образом, было потеряно за 25—27 июня 173 самолета.

Острог. Сценарий развития событий под Дубно во многом напоминал бои во второй день войны. Пока «танковая» боевая группа 26 июня вела бой с наступающими советскими танками, остальные части дивизии Крювеля двигались на восток. Фактически они были введены в разрыв фронта, вызванный оттеснением 228-й стрелковой дивизии от Дубно. «Пехотная» боевая группа Ангерна продвигалась вперед и прошла за день 35 километров. Еще быстрее двигался мотоциклетный батальон, который к вечеру 26 июня достиг Острога, продвинувшись от Дубно более чем на 50 километров. Здесь он столкнулся с призраком Второго стратегического эшелона РККА в лице частей 109-й моторизованной дивизии с Дальнего Востока.

В конце мая 1941 г. 109-я моторизованная дивизия, дислоцировавшаяся в Хараноре, в обстановке жесткой секретности убыла на запад. Первые эшелоны со штабом дивизии, подразделениями 381-го мотострелкового полка, частью подразделений 602-го мотострелкового полка и некоторыми другими частями дивизии 18 июня 1941 г. выгрузились на станции Бердичев. Разместилась прибывающая дивизия в 10 км от

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 89, л. 67.
** Попель Н.К., Указ. соч. С. 145.
*** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7 т. 1, л. 65.
**** NARA T314 R1138 f506.

Потерпевший аварию при посадке МиГ-3. При всей незначительности полученных повреждений он был практически обречен на то, чтобы стать безвозвратной потерей ВВС фронта

станции, в Скруглевских лагерях. В связи с кризисной обстановкой, сложившейся на Западном фронте, 26 июня 1941 г. поступил приказ на переброску 16-й армии в район Орша—Смоленск. Дивизия по приказу командующего армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина начала 120-км марш к станции Шепетовка, где должна была погрузиться в железнодорожные эшелоны и отправиться в Белоруссию. Прорыв 11-й танковой дивизии в направлении Острога во второй половине дня 26 июня потребовал экстренных мер противодействия. М.Ф. Лукин, на свой страх и риск, снял части 109-й моторизованной дивизии с погрузки и направил их навстречу немцам. Для этого требовалась определенная решительность, ведь первоначально появление немцев в районе Острога было расценено как выброска воздушного десанта. Первым достиг Острога и завязал бой 173-й разведывательный батальон майора Юлборисова. Разведбатальон первым вошел в Острог и занял в городе оборону. Подошедшие немецкие мотоциклисты вечером 26 июня втянулись в бои за городок, подразделения майора Юлборисова оказались блокированы. Перед нами достаточно характерный пример использования мотоциклетных частей немцами. Как я уже говорил, практика использования мотоциклетных частей вызывала вопросы у танковых командиров РККА. Они действительно были малоприменимы в условиях использования танковых соединений для прорыва фронта. Но в маневренной войне без сплошного фронта такие подразделения находили свою нишу. Часто складывалась ситуация, когда перед танковой дивизией оказывался никем не занятый промежуток, в который вводилось максимально подвижное соединение. Мотоциклисты, конечно, не смогли бы противостоять даже наспех подготовленной обороне, но вести бой с небольшими отрядами и тыловыми частями для них было вполне по силам. Захват рубежа на пути дивизии давал возможность делать следующий шаг в более выгодных условиях. Так, разведчики Юлборисова могли за ночь закрепиться в Остроге, утром дождаться подкреплений, и день начался бы со штурма «боевой группой Ангерн» Острога. В реальности получилось ровно наоборот — Острог закрепили за собой мотоциклисты, а выбивать их из города пришлось 109-й моторизованной дивизии.

Соотношение сил к утру 27 июня стало меняться в пользу немцев. «Пехотная» боевая группа Ангерна из 11-й танковой дивизии после ночного марша в 05.00 достигла Острога. Днем 27 июня состоялось сражение за город. Утром 27 июня 381-й и 602-й мотострелковые полки 109-й моторизованной дивизии повели наступление на Острог со стороны селения Вильбовное, находившегося северо-западнее города. Артиллерийская поддержка атаки практически отсутствовала, поскольку 404-й артиллерийский полк не успел выйти на исходные позиции. Полки наступали только при поддержке 76-мм полковой артиллерии и огня 45-мм орудий танков Т-26 и БТ из состава отрядов 57-й и 13-й танковых дивизий. Большая часть последних уже была погружена в эшелоны и направилась в Оршу. Преодолев реку Вилию по единственному мосту и вплавь, части 109-й дивизии начали бой за город. Уже в первые часы боевых действий дивизия потеряла своего командира. В 10 утра под артиллерийским обстрелом немцев оказался ко-

Танки Pz.III и Pz.IV 11-й танковой дивизии в поле

мандный пункт соединения, располагавшийся на колокольне. Осколком одного из снарядов был тяжело ранен командир 109-й моторизованной дивизии полковник Н.П. Красноредкий. В командование соединением вступил заместитель Красноредкого Н.И. Сидоренко.

Во второй половине дня к Острогу подтянулась «танковая» боевая группа 11-й танковой дивизии немцев, и баланс сил сразу качнулся в сторону противника. Полковник Сидоренко подчинил себе часть разведывательного батальона 13-й танковой дивизии в составе танковой роты из 17 танков БТ, роты бронеавтомобилей (15 бронемашин), автороты, мотоциклетного взвода и бросил на помощь 381-му мотострелковому полку. Однако он не смог повлиять на исход боя. Немцы выдавили находившиеся в городе советские части, вынудив их отступить за реку Вилию под артиллерийским и пулеметным огнем. В городе остались окруженными 173-й отдельный разведывательный батальон Юлборисова (блокированный еще вечером 26 июня мотоциклистами 61-го мотоциклетного батальона 11-й танковой дивизии) и один батальон 381-го мотострелкового полка. К ночи все, кто сумел переправиться через Вилию, сосредоточились в лесу восточнее Вильбовного. К вечеру к Острогу подошел 404-й артиллерийский полк 109-й моторизованной дивизии, поддержки которого так не хватало в дневном бою.

Наступление группы Лукина хотя и не привело к освобождению Острога от противника, препятствовало дальнейшему продвижению немцев. Впервые с начала кампании вся 11-я танковая дивизия была сконцентрирована в одном месте и прекратила продвижение вперед. На тот момент препятствий к развитию наступления не было. Угроза флангу 11-й танковой дивизии была ликвидирована. Наступление III моторизованного корпуса полностью сковало действия 40-й и 43-й танковых дивизий. Во второй половине дня 27 июня и 228-я стрелковая дивизия, и обе танковые ди-

Немецкие пехотинцы рассматривают «мертвого льва» — неподвижно застывший КВ-1 с развернутой на борт башней

КВ с предыдущего фото с другого ракурса. Хорошо видна отметина от снаряда на башне. Скорее всего, этот танк проиграл дуэль с противотанковой пушкой, стрелявшей с фланга

визии 19-го механизированного корпуса отошли от Дубно к окраинам Ровно. Между дивизией Крювеля и Шепетовкой стояла только группа Лукина.

28 июня. Ответный удар. Развернувшись по приказу командования фронта в направлении Дубно, 8-й механизированный корпус опасно растянул свой фланг. Фактически между правофланговой 212-й моторизованной дивизией 15-го мехкорпуса и левофланговой 7-й моторизованной 8-го мехкорпуса образовался 30-километровый разрыв, частично проходивший по лесным массивам. В 20.45 27 июня издается приказ 6-й армии № 6, в котором Рейхенау предписывает атаковать советские войска в районе Бродов:

«XXXXIV АК сосредотачивает в районе Лопатин и Лешнев возможно больше сил, с тем чтобы иметь возможность 29 июня атаковать Броды. Центр приложения усилий артиллерии — на восточном фланге. Южнее Радзехов надо захватить участок севернее Торопов. Любой клочок земли, оставленный неприятелем, должен быть немедленно занят. До начала наступления — прочно удерживать в своих руках высоты севернее Лешнева на случай возможных танковых атак неприятеля. Задачей корпуса является и далее прикрывать фланги от Холоюв до Броды от моторизованных и танковых сил противника, которые все еще могут ожидаться с направления Львов и Злочев»*.

Заметим, что немецкое командование не имело ясной картины сложившейся обстановки и отнюдь не исключало повторения контрудара в направлении Лешнева. На деле наносить его было уже некому. О существовании разрыва между 15-м мехкорпусом и главными силами 8-го мехкорпуса немцы также, скорее всего, не подозревали. По крайней мере, из приказа это никак не следует. Однако, решая задачу активного прикрытия фланга 1-й танковой группы, немецкие дивизии сделали ход, симметричный броску группы Попеля на Дубно, и попали в уязвимую точку построения советских войск.

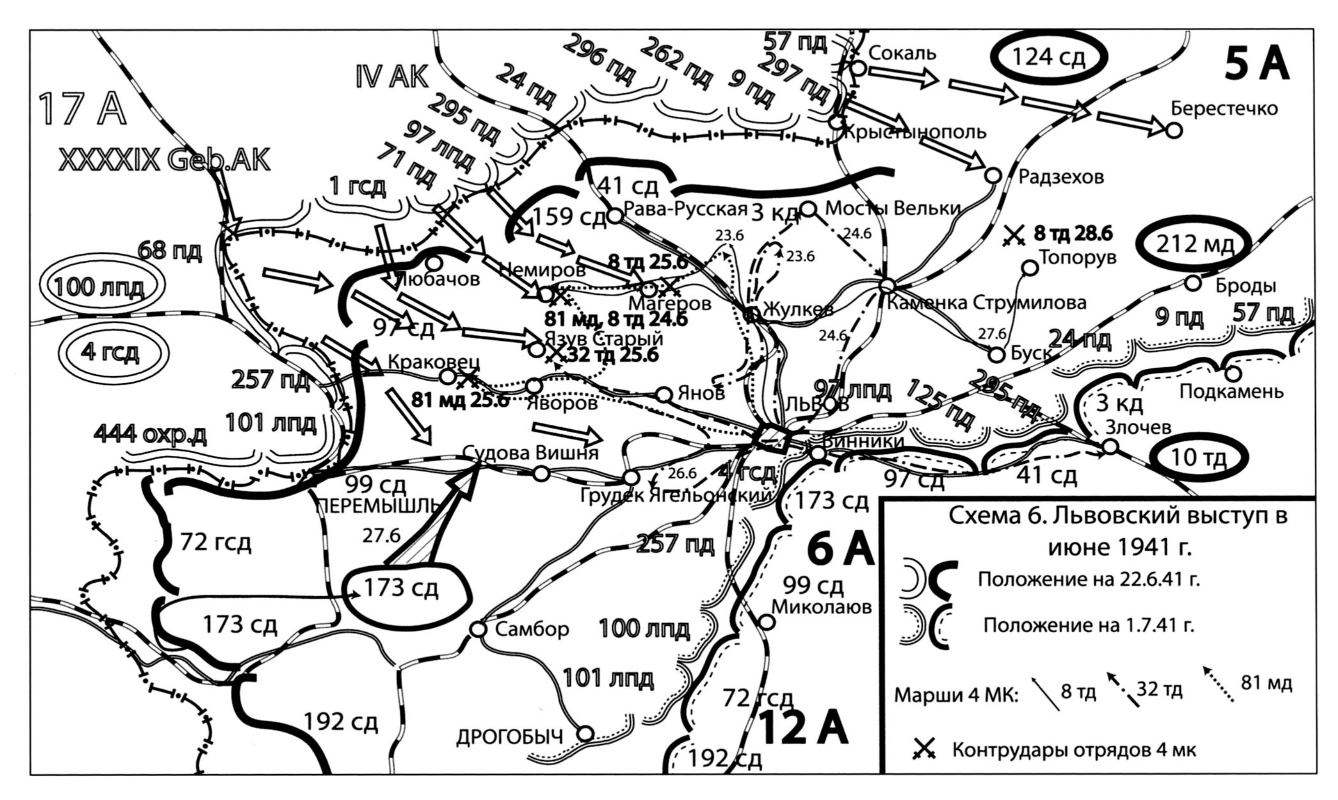
В наступление стороны перешли почти одновременно, но на разных участках и в разных направлениях. По следам группы Н.К. Попеля постепенно подтягивались остальные подразделения 8-го механизированного корпуса. К 11.00 28 июня авангард 7-й мотострелковой дивизии (один батальон 300-го мотострелкового полка с дивизионом артиллерии) головой подошел к м. Верба, где завязал бой с мотопехотой и танками противника. Главные силы 7-й моторизованной дивизии и остатки 12-й танковой дивизии к этому времени отстали от передового отряда на 20 километров. В этот разрыв немедленно вклинились части 75-й пехотной дивизии и пехотной бригады 16-й танковой дивизии. Когда к 13.00 части, оставшиеся под командованием Д.И. Рябышева, подошли к рубежу реки Пляшевки, их ждал неприятный сюрприз. Разрыв с главными силами корпуса сократился до 10 километров, но преодолеть этот десяток километров оказалось непростой задачей. Группа Рябышева встретила сильную противотанковую оборону немцев.

В этот момент на поле боя появилась... оттянутая 27 июня назад 12-я танковая дивизия. В течение дня 27 июня отошедшие в Подкамень части дивизии Т.А. Мишанина приводили себя в порядок, подтягивали отставшую технику. В 15.00 12-я

Брошенный бронированный тягач «Комсомолец». Эти тягачи по предвоенным штатам предназначались для противотанкового дивизиона 45-мм пушек стрелковых и моторизованных дивизий

---

* NARA T313 R4 f1100.

танковая дивизия с новыми силами вступила в бой. Однако все попытки пробить оборону противника, продолжавшиеся до 19.00, оказались безуспешными. Немецкая сторона так описывает попытки группы Рябышева выйти к Дубно: «Основные силы полка продолжили движение в направлении Козина, повернув затем на восток. Лишь только II батальон 64-го мотопехотного полка, усиленный 11-й ротой 64-го мотопехотного полка, 1-й ротой 16-го истребительно-противотанкового батальона, и батарея 88-мм орудий уничтожали противника в лесах к северу и югу от Тарновки. Пехотные роты заняли исходные позиции на окраине Тарновки. 8-я рота 64-го мотопехотного полка под командованием ст. лейтенанта Мууса приступила к атаке на Ивани-Пусто с целью «взять в тиски» противника с востока. Бойцам 8-й роты 64-го мотопехотного полка пришлось нелегко в битве с тяжелым русским танком. С постоянно меняющихся огневых позиций он подавлял пехоту огнем и затягивал взятие деревни. Русские войска силой до батальона были все же «взяты в клещи» и отброшены назад. Однако с их стороны вскоре последовала танковая контратака, и 64-й полк был вынужден вернуться на исходную позицию. Тарновка сотрясалась от взрывов противотанковых гранат, дома полыхали, все имеющееся в наличие оружие было направлено на уничтожение танков. Ветер разносил вокруг дым и гарь. Одному тяжелому пехотному орудию [речь идет о 150-мм орудии sIG 33. — А.И.] удалось подбить 2 средних танка. 5-сантиметровые противотанковые пушки были бесполезны на удалении даже 400 м. Все новые стальные колоссы входили в Тарновку, но бойцы 16-й танковой дивизии держались достойно. Одна 8,8-см зенитная пушка в течение получаса уничтожила 4 танка. Когда атака была отражена, убитые и раненые подобраны и дым рассеялся, на поле боя можно было насчитать 22 подбитых танка. В деревне Иваницк-Ивтоцкий бой все еще продолжался»*.

В то время как Рябышев пытался пробиться на соединение с группой Попеля, его тылу была создана смертельная угроза. В 9.00 утра 28 июня начали наступление на юг 57-я и 75-я пехотные дивизии. Без труда сокрушив растянутую на широком фронте 212-ю моторизованную дивизию, немцы уже в 15.30 были в Бродах. К 19.00 7-я моторизованная и 12-я танковая дивизии 8-го мехкорпуса была охвачена с трех сторон и практически окружена. Их боевые порядки насквозь простреливались артиллерией и подвергались интенсивным ударам с воздуха. Это вынудило Д.И. Рябышева отдать приказ на выход из окружения в юго-восточном направлении. В ходе прорыва из окружения танк командира 12-й танковой дивизии был подбит и загорелся, Т.А. Мишанин погиб. К 24.00 части 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизий 8-го механизированного корпуса вышли из окружения и сосредоточились в районе юго-восточнее Бродов. Потери 12-й танковой дивизии в бою под Ситно составили 6 КВ, 15 Т-34, 7 БТ-7, 11 Т-26, 15 БА-10, 3 БА-20, 14 орудий, более 190 автомашин. Две потрепанные дивизии, оставшиеся от 8-го механизированного корпуса, выходят из боя. Их участие в Приграничном сражении на этом закончилось.

На периферии сражения. Ожидавшиеся немцами 26 июня атаки частей 15-го мехкорпуса из района Топорува были ими успешно отражены. Проведенная контратака частей 10-й танковой дивизии напоролась на

* W.Werthen. Op.cit. S. 45.

Брошенный КВ-2 из 4-го механизированного корпуса вызвал живейшее любопытство немецких егерей (характерные кепи вместо пилоток)

сильную противотанковую оборону и привела к потере 4 танков КВ и 7 танков БТ-7. Только небольшая часть 10-й танковой дивизии оказалась не вовлеченной в сковывающие стычки с все прибывающими немецкими частями. Намотавшись безрезультатно по дорогам до Бродов и обратно, 19-й танковый полк 10-й танковой дивизии рвался в бой. И в 10 часов утра, по частной инициативе командира полка подполковника Пролеева, была организована атака в районе высот юго-восточнее Радзехова. Однако к тому моменту Радзехов представлял собой крепость, оборонявшуюся 297-й пехотной дивизии при поддержке стоявших там с 23 июня 88-мм зениток полка «Герман Геринг». Полк Пролеева был встречен организованным огнем орудий различных калибров, включая поставленные на прямую наводку тяжелые гаубицы. В этой атаке полк

скорости и поворотливости им явно не хватало»*.

15-му механизированному корпусу тоже досталось от немецкой авиации. Одной из важнейших целей немецких самолетов были пункты управления войсками. В 18.00 26.06.41 г. 18 самолетов противника подвергли тяжелой бомбардировке командный пункт 15-го механизированного корпуса в районе селения Топорув. Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, это были Не-111 55-й бомбардировочной эскадры «Гриф». В ходе бомбардировки был тяжело контужен командир корпуса Игнатий Иванович Карпезо. Командование принял заместитель командира корпуса полковник Ермолаев.

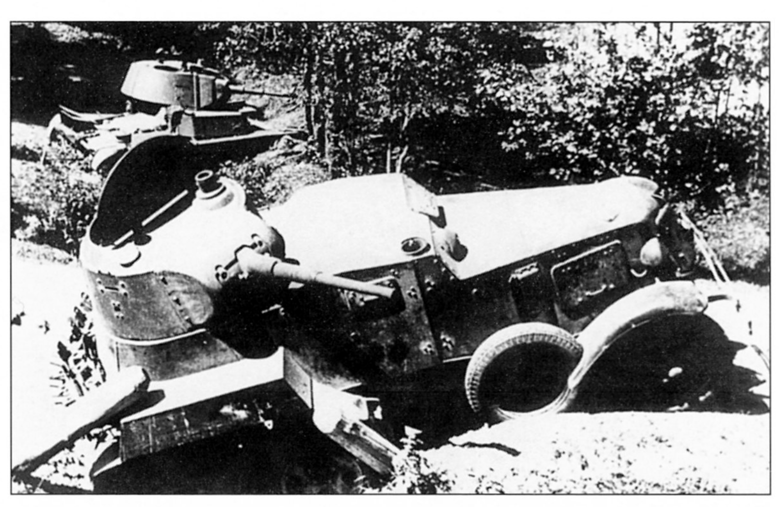
В то время как мотопехотная бригада 16-й танковой дивизии отбивала атаки под Лешневом и Шуровище, передовой отряд дивизии вышел на подступы к Кре-

Танки Т-34 и БТ, оставленные на обочине лесной дороги. Снятый перископический прицел (отсутствие его головки в стакане на башне) говорит в пользу оставления танков по техническим причинам

---

* Слюсаренко З.К. Последний выстрел. М.: Воениздат, 1974, С. 12.

Подбитые или брошенные бронеавтомобиль БА-10 и танк Т-26 поздних серий выпуска. Явных боевых повреждений ни на том, ни на другом не просматривается

потерял 9 танков КВ и 5 танков БТ-7. Один из участников этого боя, командир 1-го батальона капитан З.К. Слюсаренко, описывал его так: «Вражеские снаряды пробить нашу броню не могут, но разбивают гусеницы, сносят башни. Загорается КВ слева от меня. В небо над ним взметнулся султан дыма с огненной тонкой, как жало, сердцевиной. «Ковальчук горит!» — екнуло сердце. Помочь этому экипажу никак не могу: со мной несутся вперед двенадцать машин. Еще один КВ остановился: снаряд сорвал с него башню. Танки КВ были очень сильными машинами, а вот менцу. Хубе поспешил доложить командованию о том, что вошел в город. Однако на пути частей его дивизии по рубежу реки Иквы оборонялись советские кавалеристы. Еще 25 июня на этот рубеж вышли части 14-й кавалерийской дивизии. В течение дня немцами было предпринято несколько попыток прорваться к Кременцу, используя разные маршруты. Но все они были отражены огнем артиллерии и контратаками танкового полка кавалерийской дивизии Крюченкина. Прорывавшиеся через Икву немецкие отряды раз за разом были вынуждены отступать назад на западный берег реки. Советская оборона на этом направлении была достаточно устойчивой: слева и справа к позициям 14-й кавдивизии примыкали позиции 146-й и 140-й стрелковых дивизий 37-го стрелкового корпуса. Тех самых, за оборону которых планировал отвести 8-й и 15-й механизированные корпуса М.П. Кирпонос.

Как уже было сказано выше, командование Юго-Западного фронта постаралось повернуть в свою пользу предоставленную задержкой мехкорпусов на маршах паузу 25 июня и ввести в бой еще одно соединение. По боевому приказу № 0016 в контрударе должна была участвовать 8-я танковая дивизия. Однако 26 июня она оставалась на восточном фасе львовского выступа и приводила себя в порядок после боев за Магерув.

Звездный час 15-го механизированного корпуса наступил только в самом конце сражения. Ранним утром 28 июня командование Юго-Западного фронта издало приказ № 018, разительно отличавшийся от являвшихся основным руководящим документом контрударов 24—27-го числа директив за № 015 и 016. Фактически все соединения, находившиеся в радиусе нескольких десятков километров от Дубно, получили 28 июня активные задачи. Механизированные корпуса наконец-то должны были быть поддержаны пехотой. Получил задачу для совместных действий с танковыми частями не имевший активных задач с 25 июня 37-й стрелковый корпус. Вместо простого выжидания на позициях, обращенных фронтом на запад, корпус направлялся на север: «37-му стрелковому корпусу (141-я и 139-я стрелковые дивизии) наступать с 8 часов, к исходу 28.06.41 г. выйти на рубеж Болдуры, Станиславчик, Полонична». Болдуры и Станиславчик это стык 15-го и 8-го механизированных корпусов. 36-му стрелковому корпусу приказывалось наступать против южного фланга вырвавшегося вперед острия немецкого танкового клина. Ему предписывалось «в 12.00 28.06.41 г. перейти в наступление с ближайшей задачей, используя успех 8-го механизированного корпуса, выйти на фронт Млынув, Бакуйма, Козин» (там же). Однако обстановка уже радикально изменилась. Навстречу стрелковым соединениям двигались с севера через район Бродов пехотные дивизии 6-й армии. Ни о каком «использовании успеха 8-го мехкорпуса» не могло быть и речи.

Единственным соединением, которое могло перейти в наступление, был 15-й механизированный корпус. Единожды встав на загнутом фланге 6-й армии, он так на нем и оставался, колеблясь сообразно «стопприка-

Сгоревший БТ-7. Взрывом боекомплекта с танка была сорвана башня, валяющаяся рядом

Еще один подбитый и сгоревший БТ-7. На этот раз подброшенная взрывом боекомплекта башня упала на свое место, но бортом

зам». Район его действий был сравнительно спокойным — немцы концентрировали усилия преимущественно на рывке на восток, прикрывая основания прорыва обороной пехотных дивизий. Соответственно, 15-й мехкорпус мог хотя бы попробовать пробить их оборону, вернувшись на исходные позиции после «стоп-приказа». В качестве средства усиления он наконец получил 8-ю танковую дивизию. Однако после напряженных боев по сдерживанию частей 17-й армии дивизия П.С. Фотченкова была серьезно ослаблена. Фактически в район действий вышел сводный танковый полк, в то время как мотострелковый полк оставался под Львовом.

Полученная 15-м мехкорпусом задача формулировалась кратко, но емко: «К исходу дня выйти в район Берестечко». Как мы знаем, Берестечко уже 27 июня превратилось в насыщенный противотанковыми средствами опорный пункт, для выхода к которому нужно было проломить оборону 57-й пехотной дивизии, смять которую было куда сложнее, чем сбить слабые заслоны на стыке танковых и пехотных корпусов.

Лидером наступления 15-го механизированного корпуса стала 37-я танковая дивизия полковника Ани-

Т-34 и БА-10, подбитые на дороге. На Т-34 видна пробоина в бортовом смотровом приборе башни, у БА-10 сорвана левая дверь

кушкина, которая до этого в наступательных боях практически не участвовала и смогла сохранить свои боевые возможности. Боевой и численный состав 37-й танковой дивизии к 28.06.41 г. характеризовался следующими цифрами:

Личный состав

Командно-начальствующего состава ...... 459 человек
Младшего командно-начальствующего
состава .... 553 человека
Рядового состава .... 4055 человек

Бронетехника

Танки Т-34 26
Танки БТ-7 177
Танки Т-26 8
Бронемашин БА-10 11
Бронемашин БА-20 5

Артиллерия

152-мм гаубиц 4
122-мм гаубиц 3
76-мм танковых пушек 26
76-мм пушек полковой артиллерии 4
45-мм танковых пушек 201
37-мм зенитных орудий 4

Хорошо видно, что больше чем две сотни танков обслуживаются и поддерживаются всего пятью тысячами человек. Для сравнения: танковый корпус Красной Армии 1944—45 гг. на две сотни танков имел более 11 тыс. человек личного состава, двенадцать 122-мм гаубиц, сорок шесть 120-мм минометов. Вследствие нехватки автотранспорта 3571 человек из состава 37-й танковой дивизии осталось в городе Кременец. На более чем 3 тысячи человек имелось всего 30 грузовых и специальных машин. Там же остались большинство артиллерийских орудий дивизии, двадцать одна 122-мм гаубица. Отсутствие транспорта, не поступившего из народного хозяйства до начала боевых действий, существенно снизило возможности 37-й танковой дивизии, предопределив невысокую эффективность действий более чем 200 танков, входивших в ее состав. Танки БТ по своим техническим характеристикам вполне отвечали требованиям 1941 г. Многие армии мира, и вермахт в том числе, имели на вооружении легкие танки. Вопрос был в эффективном обеспечении действий танков пехотой и артиллерией. Последняя могла защищать танки не хуже противоснарядного бронирования, уничтожая своим огнем противотанковые орудия противника. Но, к сожалению, этой поддержки танкисты 37-й дивизии не получили. Собственная артиллерия была слабой, а поддержка со стороны артиллерийских полков, находившихся в подчинении командования Юго-Западного фронта, отсутствовала.

Одна из самых массированных атак танков БТ-7 в начальном периоде войны началась в середине дня 28 июня. 37-я танковая дивизия преодолела первую водную преграду на своем пути, реку Стырь, у Станиславчика. Захват собственно переправы был осуществлен 37-м мотострелковым полком, его успех развивали 73-й и 74-й танковые полки. Форсирование следующей речки, Островки, стало уже непосильной задачей. Первые подошедшие к переправе танки были сразу же подбиты. Слабая артиллерийская поддержка не позволила дивизии эффективно использовать легкие танки. Командир дивизии в своем отчете по итогам боевых действий написал: «Противнику было сравнительно легко и малыми силами организовывать противотанковую оборону, особенно против танков БТ-7, которые в основном имелись на вооружении в частях дивизии. Вместе с этим и огневая мощь танков БТ-7 в этих условиях была малоэффективной». Слабая артиллерийская поддержка оказалась роковой и для мотострелков 37-й дивизии: «37-й мотострелковый полк, активно выполняя поставленную задачу, частью сил совместно с танками форсировал р. Стырь на участке Бордуляки, Станиславчик, но, не будучи поддержан достаточным количеством артиллерии (всего 2 батареи — одна 152-мм и одна 122-мм), понес большие потери. По данным начальника штаба мотострелкового полка капитана Карцева, потери полка — около 60% всего состава. Убиты командир полка майор Шлыков и его заместитель майор Шварц. Рубеж, занимаемый 37-м мотострелковым полком, по южному берегу р. Стырь на участке Бордуляки, Станиславчик усеян трупами и ранеными. 37-й мотострелковый полк сильно деморализован».

Остальные танковые соединения 15-го механизированного корпуса особых успехов не достигли. 8-я танковая дивизия в течение дня вела бои на правом фланге наступления. Но проломить противотанковую оборону немецкой 297-й пехотной дивизии ей не удалось. В отчете о боевых действиях дивизии мы находим лаконичную запись: «Бои в районе Охладув. Потеряно 12 танков». 10-я танковая дивизия также не смогла пробиться через артиллерийский огонь 297-й пехотной дивизии у Лешнева. То направление, которое обещало успех 23 июня, было уже совершенно бесперспективным 28 июня.

Завязший танк КВ. «Ворошиловский» пулемет в корме башни и пулемет с зенитной турели, скорее всего, сняты покинувшими машину экипажем

ПРОТИВОТАНКОВЫЙ ЕЖ. ДУБНО

Еще утром 27 июня в Дубно в качестве гарнизона было выдвинуто 108-е артиллерийское командование (Arko 108). Именно артиллеристы вместе с тыловыми частями 11-й танковой дивизии отразили первые атаки группы Попеля вечером того же дня. Перспективы удержать город утром следующего дня под напором нескольких десятков танков были уже сомнительными. Удар группы Попеля на Дубно запаздывает буквально на несколько часов. В ЖБД XXXXVIII корпуса приводится время, когда на улицы городка 28 июня вошли немецкие пехотинцы: «07.00 — 111-я пд продвигается от Млынова в район восточнее Дубно, утром ее авангарды входят в Дубно. Это устраняет непосредственную угрозу для города»*. Теперь гарнизон города, ранее состоявший в основном из артиллерийских частей и тыловиков, значительно усиливается. Фактически обороняющиеся в Дубно немецкие части имеют численное превосходство в людях над группой Попеля. На стороне последней было единственное преимущество — танки. Однако сами по себе они не могли компенсировать превосходства противника в пехотном и артиллерийском отношении.

Незадолго до наступления 34-я танковая дивизия получает очередной удар — во время рекогносцировки погибает командир 67-го танкового полка подполковник Болховитин. Наконец, в 9.00 28 июня наступление на Дубно начинается. Группу Попеля встречает сильный артиллерийский огонь как с фронта из самого Дубно, так и фланговый из селения Мятин. 34-я танковая дивизия теряет около 30 танков подбитыми и сожженными. Прорваться в Дубно не удается. Как написал впоследствии начальник штаба дивизии в своем отчете: «Отдельные танки просочились на западную окраину Дубно, но связь с ними потеряна, и танки пропали без вести»**. Гаубичный артполк 34-й дивизии, от которого к тому моменту осталось всего три орудия, полностью расстреливает оставшиеся боеприпасы, а затем и вовсе теряет свои гаубицы от огня противника из Дубно.

Утром 29 июня сводный отряд 8-го механизированного корпуса возобновил наступление на Дубно. Наших танкистов встретил с западных окраин Дубно сильный артиллерийский огонь. Особенно сильное впечатление на немцев произвели танки КВ-2: «Кульминационный момент в развитии ситуации у Дубно наступает с 04.00, когда русские начинают новую атаку силами стрелков и танков — в том числе 15-см штурмовых танков. Успокаивающе действует только сообщение командования танковой группы о том, что части 44-й пехотной дивизии уже на подходе в 15 км севернее Дубно, с задачей выправить положение в районе города. С другой стороны, по-видимому, противник прорвался 29.06. около полудня через позиции 111-й пехотной дивизии юго-восточнее Дубно и продвигается дальше на восток»***. Однако поддержка атаки тяжелыми танками не заменяет выбитую ранее артиллерию. Четыре танка КВ выводятся из строя артиллерией, два из них сгорают. В журнале боевых действий 34-й танковой дивизии вполне определенно указываются причины неудачи: «Атака захлебнулась ввиду отсутствия артиллерии и общевойсковой пехоты».

Силы атакующих постепенно тают. За 29 июня 34-я танковая дивизия в целом теряет свыше 80 танков. Мотострелковый полк теряет до 40% своего состава. В дивизии остается 65 Т-26, 5 КВ (из них один не годен для стрельбы), 2 БТ-7. Вечером командир 34-й танковой дивизии предпринимает попытку организовать взаимодействие с ближайшими частями РККА. С этой целью посылается разведка на юг, через заболоченную пойму Иквы. Но ничего утешительного она не сообщает, докладывая об отходе на юг 140-й стрелковой и 34-й (правильно — 14-й) кавалерийской дивизий. Вечером 29 июня группа Попеля занимает оборону вдоль шоссе, идущего западнее Дубно от Клещихи до Тараканова.

В то время как группа Попеля пыталась пробиться в Дубно, ее арьергард вел бой с частями 16-й танковой дивизии немцев. Вечером 29 июня боевая группа Зикениуса (2-й танковый полк, одна батарея 88-мм зенитных орудий и один батальон мотострелков) пыталась пробиться через Вербу на Дубно. Несмотря на то что взаимодействие с авиацией у группы Попеля отсутствовало, окруженцы неожиданно получили поддержку с воздуха. В истории 16-й танковой дивизии этот эпизод описан следующим образом: «На пути к Дубно ударной группе пришлось пережить налет русских бомбардировщиков. Волна за волной бомбы ложились на колонны боевой техники. В дыму горящих машин неожиданно послышался выкрик — «газы!». Это была ложная тревога, однако крик еще более усугубил общее положение»****. Пережив удар с воздуха, боевая

Подбитые в районе Дубно Т-34 12-й танковой дивизии и огнеметный Т-26

* NARA T314 R1138 f499.

** ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 157, д. 7, т. 1, л. 66.

*** Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verbaende im Ostfeldzug 1941/42. Neckargemuend: Kurt Vowinkel Verlag, 1959. S. 26.

**** Werthen. Op.cit. S. 47.

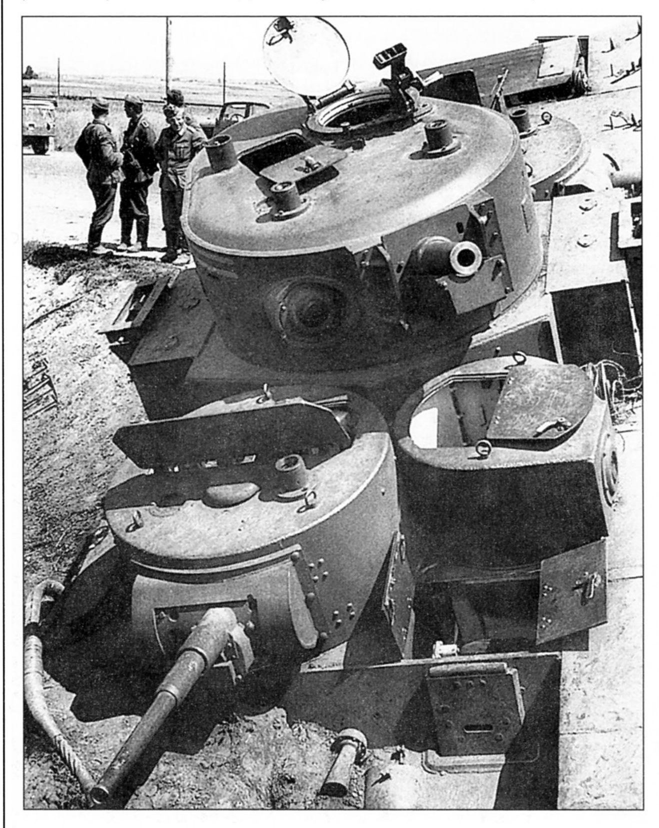
Съехавший в кювет Т-35. Все люки открыты, танк выглядит как брошенный. Однако если приглядеться, то виден выщербленный попаданием снаряда угол бортового экрана над третьим катком

группа Зиккениуса продвинулась до Птычи и столкнулась с вкопанными в землю советскими танками.

Донесение дивизии по итогам сражения рисует картину жестокой схватки: «Примерно в 21.30 2-й танковый полк подвергся русской контратаке силами танков и пехоты. Русские сражались крайне жестко, многократно запрыгивали группами на боевые машины, стреляя в экипажи. Далее, они прикрепляли к останавливавшимся боевым машинам заряды взрывчатки. В итоге танковый полк был около 23.00 отведен в район южнее Вербы. 10 тяжелых боевых машин было потеряно»*. Что скрывалось за тактичным оборотом «танковый полк около 23.00 был отведен в район южнее Вербы» описывает история дивизии: «Бойцы попытались развернуть орудия, танки, дав задний ход, старались уйти от обстрела. Приказов, казалось, уже никто не слышал, началась беспорядочная стрельба вокруг. Отступление частично перешло в панику. Лишь на короткое время еще раз удалось остановить напор танков и пехоты. Вербу пришлось оставить. Тревога в стане «Ежа» [занявшие круговую оборону в районе Вербы части 16-й танковой дивизии. — А.И.]! После неудач у Вербы и Дубно появилась опасность прорыва противника. Пехотная бригада, обеспечивавшая охранение со стороны прежних позиций «Ежа», еще ночью в ускоренном темпе покинула свои окопы, заняла северный фронт, вытянувшись по обеим сторонам дороги в сторону Вербы. Бригада готовилась к контратаке неприятеля. Еще на протяжении всей ночи в расположение «Ежа» продолжали входить отдельные отставшие машины и военнослужащие, возвращавшиеся из района Дубно»**.

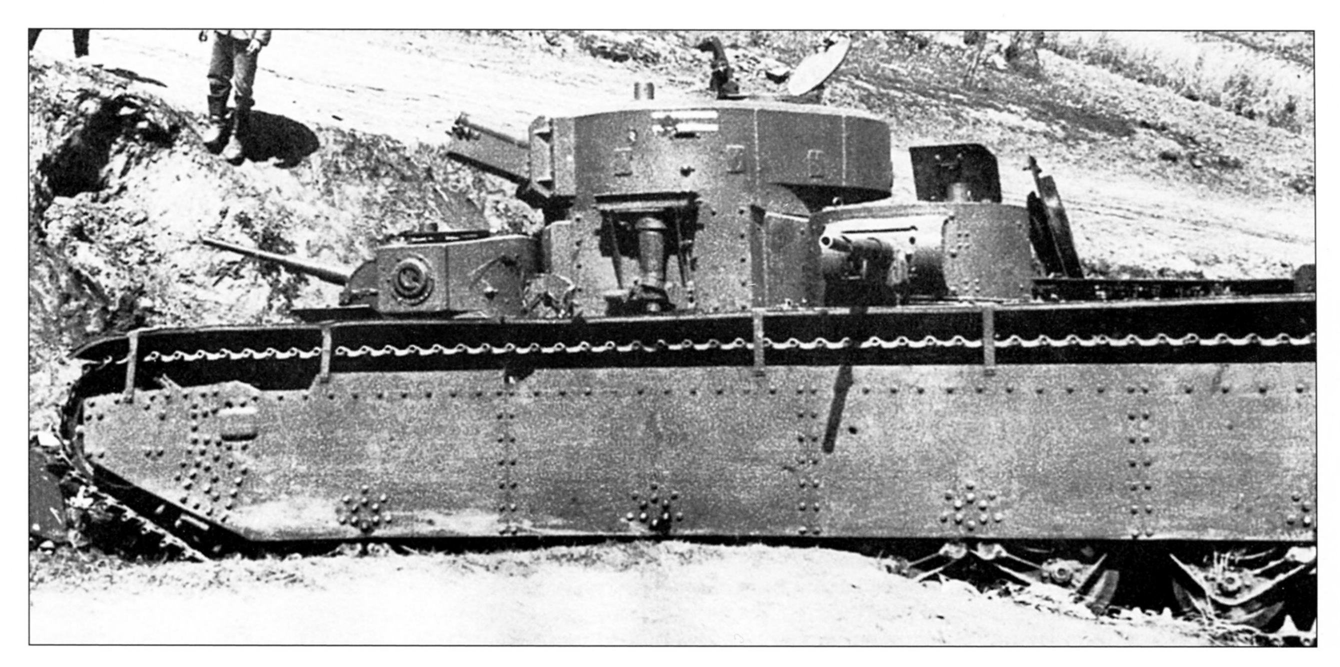
В этих боях были использованы тяжелые Т-35, доселе терявшиеся из-за поломок на маршах и остававшиеся в тени танкового сражения. Немцы написали об этом эпизоде: «Русские неоправданно бравировали своими 52-тонными танками «Клим Ворошилов», однако зенитная и полевая артиллерия уверенно справлялись с этими неповоротливыми увальнями с пятью вращающимися башнями»***. Название «Клим Ворошилов» очевидная ошибка, пятибашенными были Т-35, для поражения которых 88-мм зенитки были явно избыточны.

Однако, несмотря на успех в отражении удара 16-й танковой дивизии, над группой Попеля сгущались тучи. К блокированным на подступах к Дубно частям двух советских дивизий с разных направлений стягивались несколько немецких соединений. Вечером 29 июня Франц Гальдер записал в своем дневнике: «На фронте группы армий «Юг» развернулось своеобразное сражение в районе южнее Дубно. 16-я танковая дивизия, оставив высоты в районе Кременца, атакует противника с юга, в районе Кременца 75-я пехотная дивизия наступает с запада, 16-я моторизованная дивизия — с северо-запада, 44-я пехотная дивизия — с севера и 111-я пехотная дивизия — с востока. На стороне противника действует 8-й механизированный

Танк с предыдущего фото с другого ракурса. Обратите внимание, что смотровой лючок механика-водителя закрыт, т.е. машину вели «по-боевому», что нехарактерно для брошенных на марше танков

* NARA T314 R1138 f1397.
** Werthen W. Op. cit. S. 46—47.
*** Werthen W. Op.cit. S. 47.

Т-35 с выщербленным экраном, снятый позднее. Он полностью сброшен в кювет, чтобы освободить дорогу. Видны отметины на башне от не пробивших броню пуль или снарядов

корпус. Обстановка в районе Дубно весьма напряженная»*. 44-я пехотная дивизия утром 29 июня находилась еще в 15 км к северу от Дубно и до вечера в назначенный район не прибыла. 16-я моторизованная дивизия, задержанная плохим состоянием дорог, утром 29 июня находилась под Берестечко. Так что приписывание этим двум соединениям Гальдером действия «наступает» несколько опережало события. 75-я пехотная дивизия 29 июня атаковала группу Рябышева и удалялась от района окружения группы Попеля. Здесь Гальдер просто ошибся.

До ликвидации прорвавшейся к Дубно группы Попеля наступательные операции вдоль центральной «панцерштрассе» были фактически свернуты. Обе танковые дивизии XXXXVIII моторизованного корпуса были лишены свободы маневра. 11-я танковая дивизия который день простаивала под Острогом. С одной стороны ее контратаковала группа Лукина, с другой — снабжение было поставлено под угрозу прорывом к Дубно, и, наконец, с воздуха нескончаемым потоком сыпались советские авиабомбы. В истории соединения этому периоду посвящены следующие строки: «В течение трех дней 11-я танковая дивизия и с ней 15-й танковый полк оставались в Остроге. В ста километрах от собственного корпусного фронта и полностью предоставленные сами себе, они должны были справляться с возникающими здесь напастями, среди которых самое неприятное — нехватка боеприпасов. Снабжение по воздуху эскадрильей бомбардировщиков Не-111 оказывало помощь лишь на короткий период, чего было недостаточно. За это время удалось отражать непрекращающиеся вражеские атаки на предмостном укреплении в Остроге, которое находилось под угрозой из-за растущих трудностей в снабжении. В то время как 11-я танковая дивизия, как уже было сказано, сражается на передовой за предмостное укрепление в Остроге, немецкие воинские части ведут бои с сильными моторизованными войсками врага, оснащенными танками в месте Дубно»**. Общая оценка обстановки командованием дивизии была однозначной: «До окончательного улаживания положе-

Тот же съехавший в кювет Т-35 с выщербленным экраном. На этот раз в кадр попал стоящий перед ним Т-26 поздних серий. Что с ним случилось, неизвестно, на других снимках лобовые листы корпуса на месте

* Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. Том III. — М.: Воениздат, 1971 г. С. 61.
** G.Schrodek. Op. cit. S. 133.

Разметанный мощным взрывом Т-35. От взрыва с танка были сорваны все башни, кроме одной орудийной. Позади него различим БТ-7 с сорванной крышей башни, а на заднем плане видны Т-35 и Т-26 с предыдущей фотографии. Скорее всего, вся эта группа танков была подбита в бою под Вербой 28—29 июня

ния на тыловых линиях о дальнейшем продвижении 11-й танковой дивизии не могло быть и речи» (Ibidem). 16-я танковая дивизия также приостановила наступление на Кременец и вынуждена была атаковать позиции группы Попеля под Вербой. Руководство группы армий «Юг» сетовало, что «и 29 июня моторизованным соединениям танковой группы не удалось достичь оперативной скорости передвижения»*.

Несмотря на все сложности с реализацией плана, обрисованного Гальдером, вокруг группы Попеля к вечеру 29 июня образовалось достаточно плотное кольцо окружения. С утра 30 июня артиллерия 111-й пехотной дивизии начинает интенсивный обстрел позиций окруженных. Артиллерийским огнем были подбиты несколько танков, в частности, сгорели два БТ-7 разведывательного батальона 34-й танковой дивизии. Под артиллерийским огнем погибают комиссар 67-го танкового полка И.К. Гуров, начальник штаба 68-го танкового полка капитан Абрамихин. К 19.00 29 июня командующий группой Н.К. Попель принимает решение использовать результативные бои своих тылов у Вербы и прорываться на юг, к Кременцу. Предполагалось воспользоваться дорогой, идущей через заболоченную пойму Иквы от Птичьего до Стар. Носовиц. С наступлением темноты, в 22.00—23.00, тылы дивизии выходят на дорогу и постепенно выходят в направлении Стар. Носовицы. Однако движение обнаруживается частями 16-й танковой дивизии, и на переправы обрушивается артиллерийский огонь, который поджигает танки и автомашины на мосту. Тем не менее тылы 34-й танковой дивизии прорываются на юг ценой потери до 50% матчасти.

Острог. Трудности в снабжении, возникшие в связи с прорывом группы Попеля к Дубно, были для 11-й танковой дивизии особенно актуальны в связи с непрекращающимися атаками со стороны группы М.Ф. Лукина. Напряженные бои вызывали повышенный расход боеприпасов. В течение ночи с 27 на 28.06 по приказу полковника Сидоренко части и подразделения 109-й моторизованной дивизии произвели перегруппировку сил для нового наступления. Но оно не завершилось успехом. Немцы дали возможность 602-му полку переправиться через Вилию и подойти вплотную к окраинам города, после чего открыли артиллерийский и пулеметный огонь, применили танки. Наступление 381-го полка также было приостановлено. Чтобы обеспечить его продвижение, в бой вступил 404-й артиллерийский полк. Артиллеристам удалось подавить многие батареи и пулеметные точки противника, что помогло 381-му полку ворваться в Острог и начать продвижение к центру. До самого вечера полк вел бой за город с переменным успехом. Лишь с наступлением темноты 381-й мотострелковый полк был вынужден отойти на исходные позиции, на восточный берег Вилии. В официальной истории 11-й танковой дивизии эти события отражены следующей фразой: «Используя имеющиеся силы, все же удалось отразить атаку русских на окраине города»**.

Обеспокоенный остановкой наступления своего корпуса, Вернер Кемпф 28 июня лично отправляется в Острог на связном самолете. Ничего утешительного он там не увидел. По итогам этого визита в ЖБД XXXXVIII корпуса появляется запись: «От 11-й тд в связи с плохими условиями радиосвязи поступают лишь отрывочные донесения. Вернувшийся на «Шторхе» из дивизии командир корпуса сообщает, что дивизия на расширенном утром плацдарме отбивает непрерывные мощные атаки противника и вынуждена нести большие потери от постоянных ударов с воздуха»***.

Прошедший 400 км до Дубно. Надпись на этом КВ-2 гласит, что он был подбит зенитчиками полка люфтваффе «Герман Геринг» в районе Дубно 29 июня 1941 г. Танк принадлежал 12-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса

* ЖБД ГА «Юг».
** Schrodek G. Op. cit. S. 133.
*** NARA T314 R1138 f510.

Машина с предыдущего фото, более поздний снимок. 52-тонный монстр был сброшен с дороги в кювет, чтобы не мешать движению транспорта

Такие полеты вообще были характерны для немецких командующих корпусами и даже армиями. Широко известный командующий 9-й армией Вальтер Модель в аналогичном полете в 1942 г. был ранен выстрелом с земли из винтовки.

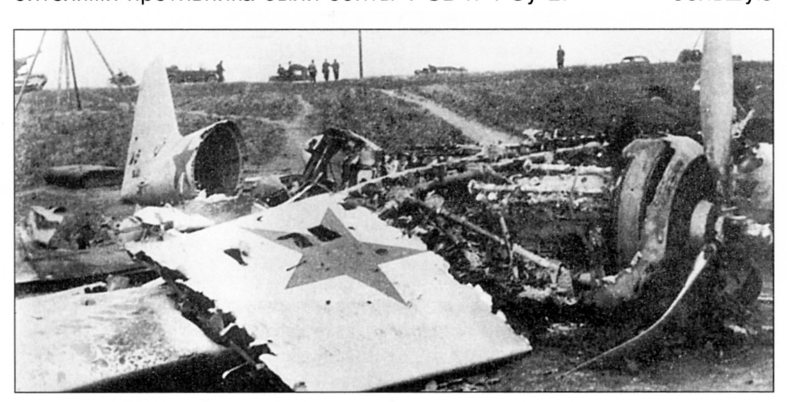
Война в воздухе. К концу приграничного сражения ВВС Юго-Западного фронта начали постепенно выдыхаться. 28 июня произошло переключение внимания авиации фронта на район Острога. 28 июня 16-я авиадивизия выполнила 135 самолетовылетов и сбросила 59 ФАБ-50. Такое мизерное количество бомб объясняется тем, что в дивизии осталось всего 5 СБ и 2 Пе-2. Намного энергичнее действовала 17-я авиадивизия. Ее СБ с высоты 200—600 метров бомбили Острог, Мизоч, выполнив 89 самолетовылетов и сбросив 192 ФАБ-100 и 180 АО-25. Летчики наблюдали прямые попадания в танки и три горящие цистерны-автозаправщики юго-западнее Острога. Потери составили 1 СБ, поврежденный в бою с Ме-109 и разбитый при посадке. 18-я дальнебомбардировочная авиадивизия выполнила 22 самолетовылета и сбросила 202 ФАБ-100 (заметим — даже больше, чем сбросили СБ) в районеВарковичей, Мизочи и Острога. Потери составили один ДБ-3, сбитый в воздушном бою. Настоящим героем дня 28 июня стала 62-я авиадивизия. Если возможности других авиасоединений фронта падали вследствие потерь, то дивизия полковника Смирнова получила два ближнебомбардировочных полка Су-2 (226-й и 227-й), наконец-то закончивших формирование. Итогом действий в усиленном составе стали 159 самолето-вылетов, в которых на 11-ю танковую дивизию было сброшено 432 ФАБ-10 и 311 ФАБ-50. Потери можно охарактеризовать как умеренные — истребителями противника были сбиты 1 СБ и 4 Су-2.

Удары бомбардировщиков 19-й авиадивизии были распределены по более широкому пространству. В сферу ее деятельности попал не только Острог, но и подступы к Ровно, а также район Млынува и Дубно. Дивизия выполнила два полковых вылета на бомбометание, в первом было сброшено 239 ФАБ-100 и 7 ФАБ-50, во втором 180 ФАБ-100. Собственные потери составили 1 СБ, сбитый в воздушном бою.

Почти четыре сотни самолетовылетов, выполненных бомбардировщиками ВВС ЮЗФ по довольно ограниченному пространству на линии Острог — Мизочь—Варковичи (всего около 40 км), произвели на личный состав 11-й танковой дивизии неизгладимое впечатление: «Начавшийся среди ночи дождь давал надежду на то, что на сегодняшний день ожидается уменьшение воздушной деятельности русских. Не тут-то было. На рассвете дождь закончился, и сразу же появились советские самолеты, которые непрерывно атаковали части 11-й танковой дивизии, державшей в течение всего дня путь на Острог. [...] Чтобы избежать длительного обстрела с воздуха, танковые экипажи пытались защитить себя таким образом: рыли канавы, по которым потом проезжали их хорошо закамуфлированные танки. [...] Неоспоримо было то, что советский противник, по меньшей мере здесь, имел абсолютное господство в воздухе (выделено мной. — А.И.)» (G.W.Schrodek. Op. cit. S. 133).

Фраза про абсолютное господство в воздухе, может быть, и преувеличение, но советские бомбардировщики все же несли потери. Однако сил для прикрытия своих войск у немцев явно не хватало. В составе 3-й истребительной эскадры JG3 на 28 июня было всего около 70 боеготовых истребителей. Кроме того, истребители JG3, за исключением II и III групп, еще не успели сменить аэродромы базирования. По-прежнему они летали на прикрытие войск из Польши, а Острог лежал в глубине советской территории. Поэтому заявка на сбитые 28 июня была рекордно низкой, всего 9 самолетов, в том числе 6 на счету II группы эскадры.

На следующий день, 29 июня, задачи авиасоединениям Юго-Западного фронта были поставлены на большую глубину, что привело к некоторому снижению количества вылетов. Это хорошо видно по результатам деятельности 62-й авиадивизии. За день она выполнила 116 самолетовылетов (против 159 в предыдущий день), сбросила 148 ФАБ-100, 195 ФАБ-50 и 524 АО-2,5. Новым полкам на Су-2 была устроена настоящая кровавая купель — за день было потеряно 8 Су-2 и 3 СБ. 7 Су-2 были записаны на свой счет

Бомбардировщик СБ ранних серий с моторами М-100, рухнувший на землю у дороги в районе Дубно. В левом верхнем углу снимка виден стоящий на дороге КВ-2

Боевой и численный состав эскадры JG 3 на 28 июня 1941 г.

Соединение	Тип самолета	Аэродром	Всего	Боеготовых
Штаб (Stab./JG3)	Bf 109F-1/2	Хостыне	4	3
1-я группа (I./JG3)	Bf 109F-1/2	Дуб	35	26
2-я группа (II./JG3)	Bf 109F-1/2	Владимир-Волынский	26	20
3-я группа (III./JG3)	Bf 109F-1/2	Хостыне	29	24
Всего			94	73

пилотами III группы эскадры JG3, в том числе ее командира Вальтера Озау (будущего аса Западного фронта со 127 победами). Поначалу немцы идентифицировали Су-2 как американский V-11. Всего за 29 июня JG3 заявили об уничтожении 35 советских самолетов ценой потери 2 Bf109F-2.

Достоверно указать, кто атаковал 16-ю танковую дивизию на подступах к Вербе и оказал поддержку группе Попеля, довольно сложно. Наиболее вероятным кандидатом является 16-я авиадивизия, в числе целей которой в явном виде фигурирует название «Верба». Помимо этого, ее авиаполки «работали» по типовым для этого периода целям — тройкеВарковичи, Мизочь, Острог. Всего авиадивизией было выполнено 178 самолетовылетов и сброшено 18 ФАБ-100, 110 ФАБ-50 и 102 АО-25. 1 Як-1 и 1 И-16 были сбиты зенитной артиллерией. В более размытом варианте, как «Дубно», район действий группы Попеля фигурирует в списке целей большинства авиадивизий фронта.

17-я авиадивизия за день выполнила 220 самолетовылетов, сбросила 286 ФАБ-100, 39 ФАБ-50, 18 ЗАБ-50, 475 АО-25 и 180 АО-10. Боеспособность дивизии оставалась на достаточно высоком уровне. В 48-м полку дивизии все еще оставалось в строю 20 Пе-2. Именно на счету «пешек» числится большая часть сброшенных бомб — 280 ФАБ-100 и 20 ФАБ-50. Объектами атаки были дороги, идущие от Дубно на Ровно и Острог. От огня зениток было потеряно два самолета. Бомбардировщикам соединения удалось не только вклиниться в «окна», когда над Острогом не было истребителей противника, но и отразить их атаки. Так, СБ 224-го полка были встречены над целью «мессершмиттами», но организованным огнем стрелков сумели их отогнать. Относительно состояния цели в донесении авиадивизии имеется краткая, но емкая запись: «Оструг горит». При большом количестве сброшенных на него зажигательных бомб это как-то не удивляет.

Активность дальних бомбардировщиков 29 июня была невысокой. 18-я авиадивизия выполнила всего 8 вылетов, причем один из них — на разведку. Соответственно число сброшенных авиабомб было невелико, всего 70 ФАБ-100. Потерь не имела. Среди целей 19-й авиадивизии фигурируют Ровно, Дубно, Млынув, Мизоч и Варковичи. За день дивизия выполнила 76 самолетовылетов и сбросила 210 ФАБ-100, 274 ФАБ-50. Потери соединения на фоне других авиадивизий, переключившихся на Острог, были сравнительно высоки: 4 самолета не вернулись с боевого задания и 3 были сбиты истребителями.

Только бронестекло фонаря спасло немецкого аса от пули в лоб. Огонь стрелков советских бомбардировщиков порой был почти снайперским

14-я авиадивизия 5-й армии в течение дня 29 июня группами по 9—11 самолетов противодействовала атаками продвижению противника на участке Дубно, Ровно, а так-же вела разведку. Активность авиадивизии была рекордно низкой — 49 самолетовылетов при 36 исправных самолетах. В избиении 11-й танковой дивизии под Острогом также не участвовала 15-я авиадивизия. Ее самолеты летали только по заданиям штаба 6-й армии. «Миги» не только прикрывали войска Музыченко, но и использовались в качестве истребителей-бомбардировщиков. Летчики заявляли о прямых попаданиях в танки противника под Яворовом. Возможно, это были САУ «Штурмгешюц», приданные

Брошенный Т-35 с коническими башнями у села Ожидов. До района Бродов он просто не добрался и был оставлен 2 июля 1941 г. при общем отходе войск фронта

Танк Т-35, перевернувшийся на мосту у деревни Иванковицы. Этой машине удалось вырваться из окружения в районе Вербы

пехоте. Всего за день было выполнено 119 самолетовылетов. На свой аэродром не вернулось 4 И-16.

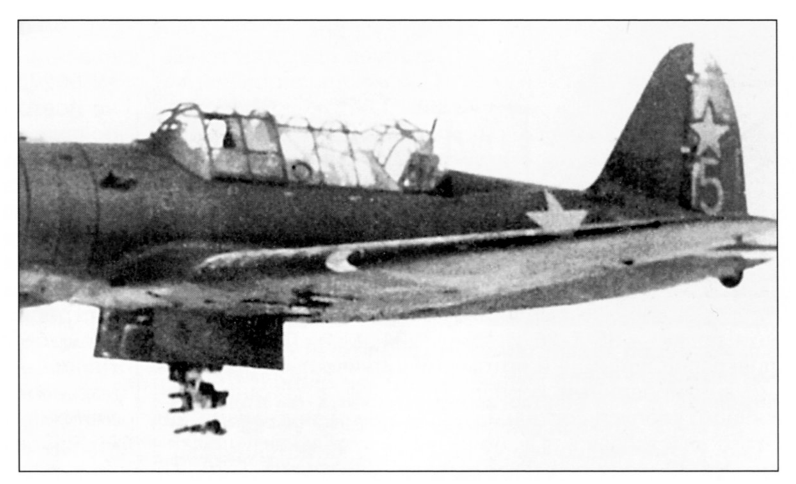
«Панцерштрассе» освобождается. Блокирование дороги от Птичьего через Икву артиллерийским огнем немцев вынудило командование группы Попеля искать другие пути выхода из окружения. И здесь командир 34-й танковой дивизии И.В. Васильев допустил ошибку, которая стоила ему жизни. Он решил сменить направление прорыва и прорываться с западного фаса образовавшегося «котла» на юго-запад, от Бол. Мильчи на Буды. В 7.30 утра 1 июля остатки дивизии подошли к Бол. Мильче, откуда были встречены огнем артиллерии — село было занято частями 44-й пехотной дивизии. И.В. Васильев принимает решение прорываться с боем и атакует Бол. Мильчу. В этом бою дивизия теряет оставшиеся танки, из 150-мм тяжелого пехотного орудия sIG-33 артиллеристы 44-й пехотной дивизии подбивают КВ-2. Из боя выходят 395 человек, 13 танков Т-26, 4 танка Т-34 из состава 12-й танковой дивизии и 12 автомашин. Участвовавшие в бою полковник И.В. Васильев и зам. командира дивизии по политчасти полковой комиссар М.М. Немцев пропали без вести. На следующий день решением комиссара Попеля и начальника штаба 34-й танковой дивизии Курепина оставшиеся танки и автомашины выводятся из строя, документы зарываются в землю и остатки группы выходят пешим порядком из окружения.

28 июня командованием группы армий «Юг» было, наконец, принято решение об использовании южной «панцерштрассе». До последнего момента Рундштедт колебался относительно направления ввода в бой XIV моторизованного корпуса Виттерсгейма. Рассматривался, в частности, вариант с его выдвижением по северной «панцерштрассе», в затылок III моторизованному корпусу. Наконец, 28 июня был отдан приказ о наступлении XIV корпуса через Томашув и Раву-Русскую. На тот момент в состав корпуса входили 9-я танковая дивизия и моторизованная дивизия СС «Викинг». Они должны были наступать по линии Жулкев — Золочев — Тарнополь. Корпус Виттерсгейма перешел в наступление уже 28 июня, но был задержан до 6.00 29 июня необходимостью постройки 24-тонного моста у селения Мосты-Велики. Вечером 29 июня 15-й механизированный корпус, участвовавший в боях с 23 июня, начал отход в резерв фронта. С севера отход прикрывала 212-я моторизованная дивизия, занимавшая позиции южнее Бродов. Растянутый на широком фронте механизированный корпус медленно сворачивался и уходил на восток, постепенно вытягиваясь из узкого промежутка между немецкими пехотными дивизиями с севера и вклинением 9-й танковой дивизии с юга. Это промежуток в любой момент грозил стать стенками «мешка» окружения. Но 29 июня катастрофического развития ситуация не получила. 9-я танковая дивизия столкнулась с частями 8-я танковой дивизии. В отчете последней происходившие в тот день события описаны кратко, но емко: «Своими действиями, переходя от обороны в наступление, дивизия вывела из окружения 10 тд 15 МК»*. 15-й мехкорпус завершил свое участие в танковом сражении и постепенно отходил на восток, ведя арьергардные бои с шедшими по пятам немецкими частями. В дневном донесении за 30 июня 9-я танковая дивизия заявила о 13 уничтоженных советских танках, включая сверхтяжелые, в боях на подступах к Золочеву.

Война в воздухе. В последний день июня обе стороны уже были изрядно измотаны непрекращающимися боями и уже не могли поддерживать активность в воздухе на прежнем уровне. В истории 51-й бомбардировочной эскадры «Эдельвейс» ситуация 30 июня описывается так: «Технические роты испытывали нехватку необходимого оборудования. Мало того, что имелся недостаток кранов и лебедок для подъема самолетов, совершивших аварийные посадки, и для замены двигателей, также не хватало и многих других инструментов и запчастей. К 30 июня в KG51 численность самолетов и экипажей сократилась до одной трети от штатной. Моральное состояние также пришло в упадок, хотя до этого времени персонал эскадры одерживал только победы. В тот же самый день было прекращено использование бомбы SD2 («дьявольской бомбы»)»**.

Особенности авиационной поддержки в красках описывает донесение 16-й танковой дивизии о бое 30 июня: «Поскольку приказом по корпусу нам были обещаны противотанковые подразделения, а с 11.00 начальником оперативного отдела [обещана] и поддержка авиации, то дивизия отложила атаку еще раз, чтобы дождаться настоятельно необходимой авиационной поддержки. Около 11.30 в качестве воздушной поддержки появилось два истребителя. Вследствие этого атака была назначена на послеполуденные часы, но в 15.00 последовала русская атака при поддержке танков восточнее Верба. Атака была отбита. При этом, однако, одновременно и наша атака была перенесена на более позднее время. Во время этой паузы полностью неожиданно был проведен бомбовый налет од-

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 7, т. 1, л. 139.
** Дитрих В. Бомбардировочная эскадра «Эдельвейс». История немецкого военно-воздушного соединения. М.: Центрполиграф, 2005. С. 90.

Дебют легкого бомбардировщика. Су-2 из 226-го авиаполка сбрасывает бомбы на врага

ной эскадрильи Ю-88 со значительной высоты, не имевший существенного успеха, но, по крайней мере, не причинивший никакого вреда стрелкам, которые тем временем успели пересечь линию сброса бомб в северном направлении [т.е. попали на бомбардируемый участок. — Прим. перевод.]»*.

Задача авиации Юго-Западного фронта 30 июня оставалась неизменной: «продолжать уничтожение мотомеханизированной группы противника, действующей в направлении Дубно, Острог, Ровно». Однако закончился период безнаказанности, когда можно было с небольшими потерями бомбить вырвавшиеся вперед соединения противника. 62-я авиадивизия, выполнив 108 самолетовылетов в районе Млынува, Гощи и Дубно потеряла сразу 11 самолетов: 6 Пе-2 и 5 Су-2, правда, три Су-2 сели на вынужденную на своей территории. При этом сброшенный бомбовый груз был не так велик, как в предыдущие дни, — 338 ФАБ-50 и 78 АО-10. В строю в авиадивизии оставалось 5 Пе-2, 44 СБ, 71 Су-2 (+16 неисправных). Здесь снова противником 62-й авиадивизии выступила III группа JG3. Ее пилоты претендовали на 23 сбитых из 32 за всю эскадру 30 июня. В числе сбитых вновь были V-11. 15-я и 16-я авиадивизии переключились на поддержку 6-й армии, нанося удары по наступающим немецким соединениям в районе Львова, а также прикрывая с воздуха отходящие советские части. 16-я авиадивизия также отметилась ударом по немецкому аэродрому Млынув. Всего авиадивизия выполнила 138 самолетовылетов, сбросив 36 ФАБ-100, 36 ФАБ-50 и 28 АО-25. Ответным ударом на аэродроме Тарнополь 16-й авиадивизии были сожжены 1 Як-4, 1 СБ и 1 И-16.

Энергичнее всего действовала 30 июня 17-я авиадивизия. Ее целями были мехчасти противника на дороге Дубно — Ровно, а также традиционный для последних дней Острог. Всего было выполнено 162 самолетовылета с расходом 298 ФАБ-100, 50 ФАБ-50 и нескольких сотен мелких бомб. Собственные потери составили всего 1 самолет Як-1. СБ и «пешки» отлетались без потерь, не в последнюю очередь потому, что прикрывались «яками», которых оставалось в строю 26 машин. Пилотами Як-1 было заявлено об уничтожении 1 Ме-109 в воздушном бою.

Дальние бомбардировщики 18-й авиадивизии выполнили всего 20 самолетовылетов, сбросив 71 ФАБ-100. Их целями были мехчасти в районе Берестечко и Радзехова. Скорее всего, это были колонны 16-й моторизованной дивизии, спешившей к Дубно. Потерь полки ДБ-3 не имели. Еще одно ависоединение фронтового подчинения — 19-я авиадивизия (69 боеготовых самолетов) — выполнило за день 56 самолетовылетов, сбросив 30 ФАБ-100, 212 ФАБ-50 и около полутора тысяч мелких бомб на цели в районе Дубно и Млынува. Потери составили 4 самолета, сбитые истребителями противника.

Последний контрудар. Основным противником 11-й танковой дивизии у Острога 30 июня оставалась авиация: «Враг по-прежнему обладает абсолютным господством в воздухе и причиняет ей [11-й танковой дивизии. — А.И.] большие потери в длительных атаках с малой высоты бомбами и бортовым оружием»**. В целом на острие немецкого танкового клина обстановка стабилизировалась с выходом III моторизованного корпуса к рубежу реки Горынь. Немцы подтягивали тылы, переправочные средства и выбирали места для форсирования. В журнале боевых действий группы армий «Юг» эти бои были отражены записью от 1 июля: «1-я танковая группа встретила у реки Горынь упорную оборону противника и подверглась сильным контратакам его танковых частей. В течение сегодняшнего дня ей также не удалось овладеть свободой оперативного маневра».

В построение войск фронта в полосе 5-й и частично 6-й армии немцами к началу июля 1941 г. был вбит гигантский клин, точнее, трапеция. Основание трапеции, на линии от Киверец до Бродов, имело ширину до 70 км. В высоту трапеция тянулась к востоку на глубину 90—100 км до реки Горынь. Верхнее основание трапеции составляли 11-я и 13-я танковые дивизии, вышедшие к реке Горынь на фронте до 40 км. По северной образующей трапеции советским командованием бы-

Оборона в наступлении. Пулеметчики «Лейбштандарта» на позиции на опушке леса

* NARA T314 R1138 ff1397—1398.

** Munzel O. Op.cit. S. 27.

ло решено нанести удар силами 5-й армии. Решение командующего армией М.И. Потапова предусматривало нанесение ударов 9, 19 и 22-м механизированными корпусами в общем направлении на Млынуо, населенный пункт в 15 км северо-западнее Дубно. 9-й механизированный корпус должен был нанести удар на глубину до 40 километров от Клевани до Млынува. 19-й механизированный корпус должен был наступать южнее Ровно в том же направлении. Дивизии 9-го и 19-го механизированных корпусов были сильно измотаны. Например, 29 июня в 85-м танковом полку 43-й танковой дивизии имелось 25 танков Т-26, в 86-танковом полку — 35 Т-26 и один Т-34. М.И. Потапов это прекрасно понимал и потому решил ввести в бой 22-й механизированный корпус. Ядро 22-го механизированного корпуса составляла 41-я танковая дивизия, до этого участвовавшая в боях лишь отдельными частями. На 30 июня она насчитывала 106 танков Т-26, 16 танков КВ и 12 орудий. 19-я танковая дивизия понесла большие потери в сражении у Войницы и 30 июня имела в своем составе всего 16 танков Т-26. 215-я моторизованная дивизия 22-го механизированного корпуса также успела понести потери в боях первых дней войны и имела всего 15 танков и 12 орудий. 22-й механизированный корпус должен был нанести удар в направлении Млынува с утра 1 июля, сосредоточившись в районе Гиниш, Сильно, Карпиловка (населенные пункты у Цумани, примерно в 40 км севернее Млынува). Время для нанесения удара было выбрано исключительно удачно: внимание немцев было приковано к району Дубно и оборона северного фланга наступления была значительно ослаблена. Но удар был спланирован в отрыве от общей стратегии фронта и даже в случае успеха не мог получить развития.

Не добившись решительных результатов в контрударах механизированными корпусами, руководство фронта стало искать спасения в переходе к пассивной стратегии. В воздухе витала идея об отходе на старую границу: «Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать» (Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., Воениздат, 1971. С. 166). Вечером 30 июня отход на старую границу был санкционирован из Москвы.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования за подписями Сталина, Жукова и Тимошенко гласила:

«1. Противник после упорных боев овладел подвижными частями районом Дубно и стремится развить успех в восточном направлении.

Одновременно крупные силы противника сосредоточились в северо-восточной части Румынии, угрожая флангу Юго-Западного фронта. До мехкорпуса противника прорвалось в район Бобруйска.

2. Армии Западного фронта организуют оборону на рубеже укрепленных районов Полоцка, Минска, Мозыря. Граница с ним прежняя.

3. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов отойти к 9 июля на рубеж укрепленных районов: Коростенского, НовоградВолынского, Шепетовского, Старо-Константиновского, Проскуровского и Каменец-Подольского, где, опираясь на УРы, организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств».

В 23.00 командование Юго-Западного фронта направило подчиненным ему войскам боевой приказ за № 0027. Вводная часть приказа практически буквально повторяла директиву Ставки ВГК. Далее детализировались задачи армий:

«5-й армии, продолжая во взаимодействии с 6-й армией ликвидацию прорыва на ровенском направлении, прочно закрепиться на укрепленном рубеже первой линии Новоград-Волынского УР. Правым крылом армии начать отход; на рубеж р. Случь выйти к утру 5.7.

6-й армии с 24-м[еханизированным] к[орпусом], 2-й[стребительно-] п[ротиво-] т[анковой] а[ртиллерийской] бр[игадой] к утру 5.7 отойти на рубеж Острог, Лановцы, Волочиск, отход начать с наступлением темноты 2.7; промежуточный рубеж Острог, Кременец, Заложце, Покропивна выйти к утру 3.7; промежуточный рубеж Острог, Кременец, Вишневец, Збараж выйти к утру 4.7». 5-я армия усиливалась 196-й стрелковой дивизией 7-го стрелкового корпуса, командование 6-й армии получало в свое распоряжение 24-й механизированный корпус и 2-ю противотанковую бригаду.

26-я и 12-я армии имели аналогичную по содержанию и рубежам задачу. Отход обеих армий был назначен на ночь с 1 на 2 июля. В течение 5—6 суток частям четырех армий Юго-Западного фронта предстояло пройти около 100—200 километров.

Механизированные корпуса выводились в резерв, их предполагалось сосредоточить:

а) 8-й механизированный корпус — Проскуров к утру 3.7;

б) 4-й механизированный корпус — Бабин (30 км восточнее Старо-Константинов) к утру 4.7;

в) 15-й механизированный корпус — Старо-Константинов к утру 4.7».

При таких «чемоданных» настроениях контрудар механизированных корпусов 5-й армии не имел долгосрочных перспектив, армии уже были назначены рубежи отступления. Но тем не менее он состоялся и стал достаточно результативным.

20-я танковая дивизия 9-го механизированного корпуса с утра 1 июля перешла в наступление с рубежа Клевань, Оржев и, отбросив части противника, к 15 часам 1 июля продвинулась на 10—12 км, овладела рубежом Белюв, Бронники. Дивизией было заявлено об уничтожении в этом бою до 1 тыс. человек противника, 10 танков, 2 артбатареи. Собственные потери при этом достигали до 200 человек убитыми и ранеными. Под ударом дивизии М.Е. Катукова оказалась 25-я моторизованная дивизия немцев. Согласно данным генерал-майора Гейнца Гудериана (сына широко известного немецкого военачальника, в то время офицера штаба III армейского моторизованного корпуса), 20-я танковая дивизия действительно добилась внушительного результата. Полновесный батальон, 2-й батальон 35-го полка 25-й моторизованной дивизии немцев, оказался окружен в районе селения Бронники. Потери батальона только убитыми составили 153 человека. Но в связи с общим отходом успех 20-й дивизии не получил развития. К исходу дня 1 июля дивизия по приказу командира 9-го мехкорпуса К.К. Рокоссовского отошла в исходное положение.

35-я танковая дивизия 9-го механизированного корпуса, наступая с южной опушки леса западнее Клевани, к исходу 1 июля овладела лесом у Жуковщины,

продвинувшись примерно на 7 км, но этот результат также не получил своего развития. В ночь на 2 июля 35-я танковая дивизия по приказу командира 9-го мехкорпуса отошла в исходное положение.

Наиболее сильный удар по флангу немецкого наступления был нанесен частями 22-го механизированного корпуса. К началу наступления корпус насчитывал 13 040 человек, 149 орудий калибра 45 мм (противотанковых и танковых), 42 полевых орудия разных калибров, 125 танков Т-26 (из них 19 огнеметных), 17 танков БТ-5—7, 15 танков КВ-2 и 22 бронемашины. По количеству людей и танков это примерно соответствовало одной танковой дивизии. Удар 22-го механизированного корпуса пришелся по разрыву между подвижными частями III армейского моторизованного корпуса, вышедшими на рубеж Горыни, и 298-й пехотной дивизией у Луцка. Предназначенные для прикрытия этого участка пехотные соединения были задействованы на южном фланге немецкого наступления. 44-я пехотная дивизия была вовлечена в уничтожение группы Н.К. Попеля у Дубно, 299-я пехотная дивизия также была направлена на юг, и северный фланг немецкого танкового клина был прикрыт довольно жидкой завесой. Это обусловило сравнительно большой успех слабого в целом соединения.

1 июля стало боевым крещением 41-й танковой дивизии П.П. Павлова. До этого дивизия уныло продиралась через леса и болота в районе Ковеля и постепенно раздергивалась командирами стрелковых частей. В первый день июля дивизия стала лидером контрудара 22-го мехкорпуса. Задачей соединения было наступление в направлении Долгошеи, Дубно. Разреженное построение немцев на северном фланге наступления не стало препятствием на пути соединения, и 41-я танковая дивизия продвинулась почти на 20 километров. К 22.00 1 июля советские танкисты вышли к рубежу Городница, Мошков (15 км сев. Дубно). Однако успех стоил дивизии потери свыше 200 человек убитыми и ранеными. К вечеру произошло два события, которые свели на нет все успехи дня. Во-первых, 41-я танковая дивизия получила приказ командира 22-го механизированного корпуса на отход. Приказ этот соответствовал боевому приказу № 08 командующего 5-й армией на отвод войск армии на линию Новоград-Волынского укрепленного района. В нем, в частности, говорилось: «22-му механизированному корпусу с 1 на 2.07.41 г. отойти в район Подлужное, Берестовец, Костополь». Во-вторых, немцы отреагировали на кризисную обстановку ударами с воздуха. Бомбардировки уничтожили мосты севернее Олыко и в течение нескольких часов получили возможность молотить дивизию на открытом пространстве южнее шоссе Луцк—Ровно даже после того, как соединение П.П. Павлова получило формальную возможность отойти назад и тем самым выйти из-под удара.

Третья дивизия 22-го механизированного корпуса, 215-я моторизованная дивизия, следуя во втором эшелоне за 41-й танковой дивизией, в 11 часов 2 июля вышла на рубеж реки Путиловка (сев. Долгошеи), где и закрепилась, обеспечивая левый фланг и тыл 22-го механизированного корпуса. Соединение повторило все приключения 41-й танковой дивизии — разрушение мостов и отход под ударами авиации немцев — и понесло значительные потери.

Солдат «Лейбштандарта» осматривает подбитый бронеавтомобиль БА-10. На заднем плане возвышается громада КВ-2. Обе машины, скорее всего, принадлежали 22-му механизированному корпусу. Судя по развернутой назад «по-боевому» башне БА-10, они были подбиты в бою, а не брошены

Ветеран сражения у Войницы, 19-я танковая дивизия, наступавшая в направлении Покошув, Млынув, к утру 2 июля вышла на рубеж Калинова, Маслянка, Каролина, где вступила в бой с пехотой противника. К 11 часам 2 июля 19-я танковая дивизия, отбрасывая противника, вышла к рубежу Млынув, Озлинов, где, встретив усилившееся сопротивление противника, вела бой до второй половины 2 июля. Но 2 июля вместо ушедшей к Дубно 44-й пехотной дивизии на выручку III моторизованному армейскому корпусу выдвинулась моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». В 14 часов 2 июля 19-я танковая дивизия неожиданно подверглась сильному удару частей «Лейбштандарта» в правый фланг и тыл с направления Острожца и вынуждена была с большими потерями отходить в исходное положение. Успех контрудара 22-го механизированного корпуса имел ограниченное значение. Разрыв между танковыми и пехотными дивизиями вскоре был закрыт подтянутыми вдоль северного маршрута наступления танковой группы эсэсовцами. Однако до подхода «Лейбштандарта» советские танкисты успели изрядно пощипать растянутые на широком фронте немецкие части. Впоследствии ставший известным танковым командиром Курт «Панцер» Майер, служивший в то время в «Лейбштандарте» вспоминал, что Олыко было местом, где он впервые увидел брошенную немецкую боевую технику.

1 июля стало последним днем, когда механизированные корпуса наносили контрудары. Войска фронта начали отход на восток, к стенам «старой крепости» — укреплениям на границе 1939 г. В этот же день из Москвы поступила директива, являющаяся своего рода признанием заслуг мехкорпусов в Приграничном сражении. Директива ставки ВГК № 00124 выводила с территории Украины 19-ю армию И.С. Конева, прибывшую с Северного Кавказа и Харьковского военного округа. Она гласила: «Войска 19-й армии подготовить и отправить по жел. дороге в новый район. Готовность погрузки 18.00 1.07.1941 г.». До этого 19-я армия, подчиняясь директиве Ставки ГК № 0060, занимала оборону в районе Киева. Вывод армии И.С. Конева означал, что командование считало положение Юго-Западного фронта достаточно устойчивым. Фронт пока еще держался лучше других направлений, избегая крупных катастроф.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народная мудрость гласит, что все познается в сравнении. Поэтому в истории 16-й танковой дивизии эмоциональная оценка Приграничного сражения была дана в сравнении с кампанией на Западе. С этой точки зрения итоги первой недели боев были следующими: «Русским тем не менее удалось сдержать наступление немецких войск. Они не только нанесли наступающим войскам потери и заставили себя уважать, но и выиграли время. Их не удалось ввести в замешательство клинообразными прорывами танковых групп. Русские также несли тяжелые потери, однако им удалось отвести свои плотные боевые порядки за Случь, Верхний Буг, Днестр. Прошли первые 10 дней кампании. После 10 дней во Франции немецкие танки, разгоняя перед собой трусливых французов и англичан, прошли 800 км и стояли у берегов Атлантики. За первые 10 дней «похода на Восток» было пройдено всего 100 км по прямой, и ударные танковые группы немецких войск противостояли превосходящему по силе и техническому оснащению противнику, часто прибегавшему к неизученным эффективным тактическим приемам. Успешное продвижение на этот раз не укладывалось во временной график, установленный командованием. После первых 10 дней оперативный прорыв на южном участке еще не был завершен»*.

В штабе 1-й танковой группы вскоре после завершения Приграничного сражения проиллюстрировали эту небесспорную точку зрения следующей статистикой, сравнив потери объединения в трех кампаниях:

Война на Западе 10 мая — 25 июня 1940 г. — 7268 человек, или 5,6%;

Балканская кампания 8—16 апреля 1941 г. — 1253 человека, или 1,2%;

Война на Востоке 22 июня — 10 июля 1941 г. — 7546 человек, или 4,7%.

При этом следует учесть, что в войне на Западе танковая группа участвовала, имея численность 130 тыс. человек, а в июне 1941 г. сражалась на Украине уже при численности 160 тыс. человек. Тем не менее невооруженным глазом видно, что темпы потерь в войне СССР заметно выше, чем в войне на Западе. Недоразвернутая (т.е. имеющая низкую плотность построения) Красная Армия сопротивлялась так же, как отмобилизованная и развернутая французская армия в мае — июне 1940 г.

Любому, кто не ограничивал изучение истории войны только ее начальным периодом, бросается в глаза обилие пехотных дивизий на поле танковой битвы в треугольнике Броды — Луцк — Дубно. В последующем это никогда не повторялось. Наступая под Курском летом 1943 г., немецкие танковые дивизии были вынуждены прокладывать себе путь вперед самостоятельно, с первого дня и даже часа битвы «прогрызая» советскую оборону. Любезного взлома обороны пехотой, как это было в случае с «линией Молотова» в первой половине дня 22 июня 1941 г. на Украине, под Курском не было. В 1944—45 гг. поддержка действий танковых соединений пехотой была крайне слабой и нерегулярной. Более того, при падении количества пехотных соединений, участвовавших в сражении, в 1943—45 гг. существенно снизилось их качество.

На фоне немногочисленных с точки зрения количества стрелковых дивизий армий прикрытия эта плотная масса пехотных дивизий рисует уникальную, для войны, в целом картину. Ситуация, когда советские танковые соединения лихорадочно мечутся между островками стрелковых дивизий, стремясь сдержать толпу (другого слова не подберешь) пехотных дивизий и вытянутыми вперед длинные копья танковых дивизий, в 1942—45 гг. не повторялась.

Немецкие пехотные дивизии в значительной степени предопределили исход дубненских боев. Активные действия полностью состоявшей из пехотных дивизий 17-й армии под Львовом заставили использовать сильнейший 4-й механизированный корпус для контратак в интересах 6-й армии. Без этих контратак оборона на подступах к Львову попросту рухнула бы, и немецкие пехотные дивизии вышли в тыл мехкорпусам, атакующим 1-ю танковую группу. Также пехотные соединения брали на себя ликвидацию «котлов», в которые попали 87-я и 124-я стрелковые дивизии. В противном случае эти «котлы» пришлось бы ликвидировать моторизованным корпусам, жертвуя продвижением вперед. Именно по такому сценарию происходили бои в Венгрии в январе 1945 г. в ходе операции «Конрад III». Окружив часть сил 18-го танкового и 130-го стрелкового корпусов, эсэсовские танковые дивизии были вынуждены самостоятельно их блокировать, теряя время и растрачивая силы. В дубненских боях эту миссию взяла на себя пехота.

Возможность затыкать дыры пехотой позволила немцам сглаживать свои промахи. Например, разгром части сил 8-го механизированного корпуса под Бродами 28—29 июня, после прорыва группы Попеля под Дубно, был осуществлен наступлением пехотных дивизий. Перехват трассы снабжения передовых подразделений XXXXVIII танкового корпуса ударом на Дубно опять же был предотвращен пехотным соединением — 111-й пехотной дивизией. Последняя приняла на себя град ударов танков группы Попеля. Пехота достаточно оперативно заполняла пространство на флангах (особенно южном) 1-й танковой группы, что позволяло безостановочно двигаться вперед, подминая ситуацию под себя.

Напротив, советское командование было практически полностью лишено возможности парировать кризисы силами стрелковых дивизий. Будучи разорванными на несколько эшелонов ввиду упреждения в развертывании, советские стрелковые дивизии не имели возможности оказаться в нужное время в нужном месте. Соответственно, вместо них пришлось вводить танковые и моторизованные дивизии мехкорпусов. Сугубо «пехотная» задача сдерживания 17-й армии на подступах к Львову досталась 4-му мехкорпусу. 15-й мехкорпус на протяжении нескольких дней решал точно такую же «пехотную» задачу, обороняясь на загнутом фланге 6-й армии под Радзеховом. Заменить его стрелковыми дивизиями у командования фронта воз-

* W.Werthen. Op.cit. S. 49.

Танк Pz.I 1-й танковой группы где-то на Украине. В 1941 г. эти вооруженные двумя 7,92-мм пулеметами танки были обузой немецких танковых войск

можностей не было. В итоге всех этих событий советские танки разменивались не на танки противника, а были вынуждены компенсировать нехватку стрелковых дивизий в армиях прикрытия.

Разумеется, противостоянием танков и пехоты такое многообразное явление, как недельное сражение крупных масс танков, не ограничивалось. Вооруженные танками дивизии противников неизбежно сталкивались на поле боя. Победителя в этих поединках определял комплекс факторов, но в первую очередь — организационная структура танковых сил сторон. И здесь вермахт противопоставлял танкам РККА пехоту и артиллерию, но на этот раз моторизованную. Это позволяло перемалывать крупные массы легких танков и парировать удары Т-34 и КВ.

Так мы приходим к основной причине неудач механизированных корпусов РККА в дубненских боях — несовершенству их организационной структуры. К началу войны у советского руководства не было опыта практического использования самостоятельных танковых соединений, то есть действий танков в отрыве от стрелковых корпусов и дивизий. Именно по такому сценарию пришлось воевать механизированным корпусам в Приграничном сражении на Украине: срыв с места постоянной дислокации, марш на фланг немецкого танкового клина и наступление в отрыве от других частей. Действия такого характера требуют определенной доли автономности, умения решать разнообразные задачи без посторонней помощи. Танк сам по себе — это стальная коробка, из которой очень мало и плохо видно. Если танки прорвутся на позиции противника в одиночестве, их расстреляют тяжелой артиллерией и забросают бутылками с зажигательной смесью. Поэтому мало обеспечить успешное движение танков, защитив их толстой броней, нужно обеспечить движение за ними своей пехоты. Провести за танком пехотинца можно, не только расстреливая из танковой пушки пулеметы, но, выигрывая артиллерийскую дуэль. Иначе неуязвимые для танков гаубицы на закрытых позициях выкосят или заставят залечь пехоту и оставят танки в одиночестве. Если к тому же наши танки не обладают толстой броней, то на плечи артиллерии ложится бремя борьбы с противотанковыми пушками противника. В последнем

Осколки разбитого вдребезги. Донесение о наличии танков в семи мехкорпусах Юго-Западного фронта на 8 июля 1941 г. Налицо менее 600 машин, включая неисправные

Сведения
о наличии материальной части боевых машин
на 8.7.41 г.

138

	4 корп.					8 корп.					9 корп.					15 корп.				
	Упр.	8 ТД	32 ТД	81 мд	Всего	Упр.	12 ТД	34 ТД	7 мд	Всего	Упр.	20 ТД	35 ТД	131 мд	Всего	Упр.	10 ТД	37 ТД	212 мд	Всего
КВ																				
Т-34																	2	2		4
Т-26, БТ-7, 5, 7					126					43		1	24		25	5	7	8		20
Бронемашины												7	4		11	5	15	5	1	26
															25/11					24/26

	19 корп.					22 корп.					24 корп.					3,14 мд	Резерв	Всего
	Упр.	43 ТД	40 ТД	213 мд	Всего	Упр.	19 ТД	41 ТД	215 мд	Всего	Упр.	45 ТД	49 ТД	216 мд	Всего			
КВ																	4	4
Т-34			40		40													44
Т-26, БТ-7, 5, 7					32		2	2		4					100	95	26	496
Бронемашины						1	6			1								44
					72					[illegible]					100			544/44

Нач 2 отдела АБТО ЮЗФ

8.7.41 г.

Опрокинутый бронеавтомобиль ФАИ. На заднем плане виден Т-26 поздних серий с распахнутыми люками. По набору техники похоже на группу Попеля в районе Дубно

случае помимо гаубичной артиллерии в ход идут противотанковые пушки, выбивающие своих «коллег» по другую сторону фронта в ходе танковой атаки. Механизированные корпуса РККА формировались, исходя из неких довоенных теоретических умозаключений, и были откровенно недогружены артиллерией. Немецкая танковая дивизия без средств усиления имела 24 105-мм легких полевых гаубиц leFH18, 12 150-мм тяжелых полевых гаубиц sFH18 (4 из которых часто заменялись 105-мм пушками K18). Артполк советской танковой дивизии по штату вооружался двенадцатью 152-мм гаубицами М-10 и двенадцатью 122-мм гаубицами М-30, уступая противнику и качественно (М-10 была слабее sFH 18 и K18), и количественно. Усугублялась ситуация типичными для 1941 г. проблемами с транспортом, когда артиллерийский полк танковых дивизий мехкорпусов оказывался частично обездвижен (32-я и 37-я танковые дивизии) или трактора выходили из строя на марше (34-я танковая дивизия). В этом случае крупные массы танков получали просто ничтожную поддержку артиллерии и массово выбивались артиллерией немцев. Противотанковые орудия, то есть пушки для стрельбы прямой наводкой, в танковой дивизии РККА отсутствовали как класс, а в танковой дивизии вермахта их было 48 штук, что повышало эффективность соединения в оборонительном и наступательном боях. Усугублялись проблемы с артиллерией неотмобилизованностью соединений Красной Армии, когда часть артиллерийского парка оказывалась неспособной сопровождать дивизию в ее маневрах из-за отсутствия тягачей. Характерным примером этого являются действия 15-го механизированного корпуса, когда атаку крупных масс танков поддерживали буквально единичные орудия. Справедливости ради надо сказать, что слабость артиллерийского парка была бичом наших танковых соединений до лета 1943 г. включительно. Другая проблема мехсоединений Красной Армии до 1943 г. не дожила, но достаточно ярко себя проявила летом 1941 г. — недогруженность мехкорпусов пехотой. На 375 танков штатной численности советской танковой дивизии 1941 г. приходилось примерно 3 тыс. человек мотопехоты, а на 150—200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Если пересчитать строже в батальонах, то на 6 танковых батальонов (без учета двух батальонов химических танков) нашей танковой дивизии приходилось всего три батальона мотопехоты. Получается соотношение танков и мотопехоты 2:1 в пользу танковых батальонов. В немецкой танковой дивизии на 2—3 батальона танков было 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты, то есть 1:2,5, 1:1,7 в пользу пехотинцев. Большее количество людей с винтовками и пулеметами позволяло немцам эффективнее использовать результаты танковой атаки либо даже «размягчать» оборону перед танковой атакой ударом пехоты. Поэтому не стоит удивляться разным результатам действий 14-й танковой дивизии немцев против 87-й стрелковой дивизии с одной стороны и танковых дивизий 8-го и 15-го мехкорпусов против пехотных дивизий немцев с другой. По большому счету, мы должны удивляться не тому, как с такой массой танков мехкорпуса Юго-Западного фронта проиграли дубненские бои, а тому, как с такими ничтожными артиллерийскими возможностями и

Разбомбленный эшелон с танками БТ-2 и БТ-5. Многие, отправленные для ремонта на завод танки, до него так и не доехали

малочисленной мотопехотой они вообще что-то смогли сделать. А сделано было немало: немецкое наступление пусть временно, но было вытеснено с обеих «панцерштрассе» и его темп существенно замедлился. Эффективные контратаки мехкорпусов также спасли от разгрома и окружения большую часть 6-й армии и задержали ввод в бой XIV моторизованного корпуса по южной «панцерштрассе». Ставившаяся в приказах на контрудары задача окружения и разгрома ударной группировки немцев теми силами и средствами, которые имелись в распоряжении штаба Юго-Западного фронта, представляется нерешаемой даже при идеальном выполнении его директив. Мехкорпуса при благоприятном стечении обстоятельств могли перехватить коммуникации III и XXXXVI-II моторизованных корпусов, но вряд ли смогли бы их удержать под натиском пехотных дивизий 6-й армии.

Вместе с тем совершенно бессмысленно отрицать наличие ошибок командования Юго-Западного фронта. Оставление 4-го механизированного корпуса в подчинении командарма-6 Музыченко ограничило его использование в боях под Бродами и Дубно. Энергичный удар 23 июня по Радзехову мог если не привести к разгрому 11-й танковой дивизии, то существенно усложнить условия наступления XXXXVIII моторизованного корпуса. При этом жидкий фронт 6-й армии мог быть поддержан рокируемым из 26-й армии 8-м мехкорпусом. Передача последнего под командование Музыченко также была излишней и привела к лишнему крюку в маршах корпуса Рябышева. Метания со «стоп-приказом» 26—27 июня также нельзя записать в плюс Кирпоносу и Пуркаеву.

Немало вопросов вызывает медленная «раскачка» ВВС фронта. Составив достаточно четкую картину обстановки в 16.00—17.00 22 июня, фронтовое командование ставит четкие и заслуживающие всяческого одобрения задачи мехкорпусам. Но вместе с тем авиация фронта в оставшиеся вечерние часы 22 июня фактически бездельничает. Задачу летчикам Е.С. Птухин ставит только поздно вечером 22 июня (вероятно, по указке Г.К. Жукова). Соответственно, 23 июня ВВС Юго-Западного фронта еще работали не в полную силу. Энергичные удары с воздуха могли существенно снизить темпы продвижения 11-й танковой дивизии и обеспечить выход «глубинных» соединений на рубеж Иквы и Стыри до прорыва на этот рубеж противника. То есть к моменту выхода 11-й танковой дивизии к Млынову и Дубно они были бы прочно заняты 228-й стрелковой дивизией.

Однако у всех этих рассуждений имеется существенный изъян: ошибки делали не

Картины отступления похожи друг на друга. У переправ накапливались стоящие в беспорядке грузовики, штабные автобусы, радиомашины, тракторы и другая техника. В кадре нет ни одного танка, все эти грузовики могли принадлежать одной из стрелковых дивизий

Продолжение панорамы с предыдущего фото. Среди армейских грузовиков затесалась легковая «эмка»

БА-10 были везде. В мешанине брошенной у переправы техники мелькают броневики БА-10. Рядом с ними, примерно в центре снимка, стоит ремонтная летучка (грузовик с нависающим над кабиной коробом)

Брошенные БА-10 крупным планом. Всего в кадре по меньшей мере пять броневиков этого типа. Пулеметы из шаровой установки рядом с местом водителя сняты

Усеянная разбитой техникой дорога отступления. На переднем плане Т-28, позади него грузовики и плавающий танк Т-38

Отставшие тоже воевали. Танки КВ из 12-й танковой дивизии, отставшие в ходе марша к Бродам, приняли бой в городе Миколаюв, к югу от Львова

только советские командиры и командующие, но и противник. Ошибок, допущенных командованием группы армий «Юг», тоже предостаточно. Начать можно с задержки с выходом на исходные позиции танковых дивизий III и XXXXVIII моторизованных корпусов 22 июня. Они были введены только во второй половине дня 22 июня и уже не успевали прорваться достаточно глубоко в первый день войны. Также совершенно непростительным выглядит пропуск удара группы Попеля на Дубно, в результате которого центральная «панцерштрассе» была на несколько суток перехвачена. Освободить ее удалось с большим трудом за счет вышеупомянутого изобилия пехотных дивизий.

Ошибки каждой из сторон в какой-то степени уравновешиваются ошибками другой. Какой результат имела бы битва по «безошибочному» (для обоих противников) варианту, можно только гадать. В любом случае если относительно противодействия танковым дивизиям противника просматриваются некие варианты, то что делать с массой немецкой пехоты, совершенно неочевидно. Пехотные дивизии, словно стадо буйволов, затоптали бы любые начинания механизированных корпусов.

Когда считать мы стали раны... Одним из основных показателей любого сражения являются понесенные сторонами потери. При всей неоднозначности и сложности в интерпретации этого показателя данные сторон о потерях безусловно требуют рассмотрения. Даже в изначально невыгодной ситуации, в которой оказался Киевский особый, его части и соединения наносили удары противнику, причем в ряде случаев весьма чувствительные.

Согласно сохранившимся документам, на 5 июля 1941 г. состояние танкового парка 1-й танковой группы характеризовалось следующими цифрами (см. таблицу на с. 114).

Как мы видим, в строю после Приграничного сражения осталось около 60% боевых машин 1-й танковой группы. При этом нужно учитывать, что некоторые из подбитых в период с 22 июня до начала июля 1941 г. танков уже успели отремонтировать. Безвозвратные потери были сравнительно невелики — около 10% общей численности. Однако на немцев работало продвижение линии фронта на восток. Те танки, которые числились в мастерских, были вне опасности. Им не угрожал захват наступающими советскими частями, как это часто бывало в 1943—45 гг. и даже 1942 г.

Закономерное любопытство вызывает вопрос: «Кто же сильнее всех пострадал?» К сожалению, самые ранние данные по потерям танков с распределением по типам

и дивизиям имеются в отчетных документах 1-й танковой группы только по состоянию на 11 июля 1941 г. То есть распределение потерь в Приграничном сражении несколько затеняется потерями при прорыве «линии Сталина». Тем не менее эти данные все равно представляют несомненный интерес (см. таблицу на с. 115).

По таблице хорошо видно, что 16-я танковая дивизия стала абсолютным лидером по числу потерянных танков среди соединений танковой группы Клейста. Объяснение этого очевидно: дивизия Хубе билась с частями 8-го мехкорпуса, имевшими большое количество танков новых типов. Также 16-я танковая дивизия была вынуждена наступать на группу Попеля и попадать под огонь танковых орудий всех калибров. Более того, Хубе еще повезло, что его танки, ставшие советскими трофеями, были брошены, а не взорваны или сожжены. Интересной и в какой-то мере показательной была ситуация в 11-й танковой дивизии. Танков она потеряла не так много, зато мотоциклов дивизией было потеряно 129, тягачей — 5 и автомашин — аж 187. Ни одна немецкая дивизия 1-й танковой группы не потеряла такого количества автотранспорта. Ответ на вопрос «Почему?» очевиден. Машины и мотоциклы дивизии Крювеля стали в первую очередь жертвами советской авиации.

В наилучшем положении находились танковые дивизии корпуса Маккензена. С танками новых типов они практически не сталкивались, а подбитые в боях с 1-й противотанковой бригадой и 19-й танковой дивизией танки были восстановлены. Авиация Юго-Западного фронта также не жаловала их своим вниманием. Поэтому они стали аутсайдерами в отношении потерь техники.

В целом приведенные данные хорошо коррелируют с известными нам фактами о ходе боевых действий. Не совсем понятно, чем вызвана разница в числе безвозвратно потерянных «единичек» по сравнению с предыдущей таблицей. Если по танкам других типов наблюдается рост потерь по сравнению с предыдущей датой, то число Pz.I, наоборот, снизилось с 11 до 9. В обоих случаях источник данных один: донесения оберквартирмейстера 1-й танковой группы. Возможно, имела место переквалификация потерь — в частях поспешили списать обладавшие сомнительной боевой ценностью танки, а ремонтные подразделения сочли нужным все же восстановить их. В итоге чудо военной промышленности Фатерлянда вернулось к встретившим их кислой улыбкой танкистам.

Большое значение для немецкой армии в 1941 г. имели потери личного состава. Не в последнюю очередь из-за снижения

Т-34 из 4-го механизированного корпуса, оставленный на улице Львова. На корме машины закреплена запасная коробка перемены передач

Подбитые танки становятся трофеями победителя. Судя по оторванным крыльям, этот Т-34 успел изрядно помотаться по дорогам и повоевать. Но поломка или боевое повреждение сделало его трофеем немцев

Немцы позируют фотографу, заняв места экипажа в башне брошенного Т-35. Хорошо видно, что все пулеметы с танка были сняты при отходе вместе со своими шаровыми установками

Танк КВ из 12-й танковой дивизии, подбитый в Миколаюве

численности боевых подразделений вследствие потерь упали почти до нуля ударные возможности вермахта осенью 1941 г. Причем потери хорошо обученных и имевших боевой опыт бойцов могли быть восполнены с большим трудом не только в качественном, но и в количественном отношении. Начало этому процессу было положено в Приграничном сражении. Людские потери подвижных соединений 1-й танковой группы характеризуются следующими цифрами (см. таблицу на с. 116).

По этим данным видно, что лидировавшая в немецком наступлении на Украине 11-я танковая дивизия также является лидером по потерям. Если потери бронетехники дивизии Крювеля можно оценить как умеренные, то людские потери соединения резко выбиваются из общего ряда. В это был внесен вклад как частями Красной Армии (под Радзеховом, Дубно и Острогом), так и советской авиацией. Несомненно, что «сталинские соколы» могут претендовать на значительную часть нанесенных дивизии потерь. Помимо этого, впечатляют потери соединений, вступивших в бой на излете сражения. Повоевавшая буквально несколько дней, но попавшая под последний советский контрудар 25-я моторизованная дивизия потеряла больше, чем воевавшие с первого дня войны 13-я и 14-я танковые дивизии. По числу пропавших без вести она вообще оказывается впереди всех. Также впечатляют потери 9-й танковой дивизии, столкнувшейся лоб в лоб с отходящими через Золочев остатками 4-го и 15-го механизированных корпусов.

Куда пропали танки? Числа в графе «Итого» при подсчете численности участвовавших в сражении механизированных корпусов РККА завораживают. Еще больше завораживает число танков новых типов. Вкупе с ходившими в советское время легендами о неуязвимости танков Т-34 и КВ это заставляет искать некие нетипичные причины неудачи. На самом деле неуязвимость танков Т-34 и КВ была весьма относительной. Выше читетель уже мог заметить, как вполне обыденно теряются в атаках танки новых типов. В отчете командира 10-й танковой дивизии читаем следующее описание недостатков, танков недавно полученных от промышленности машин:

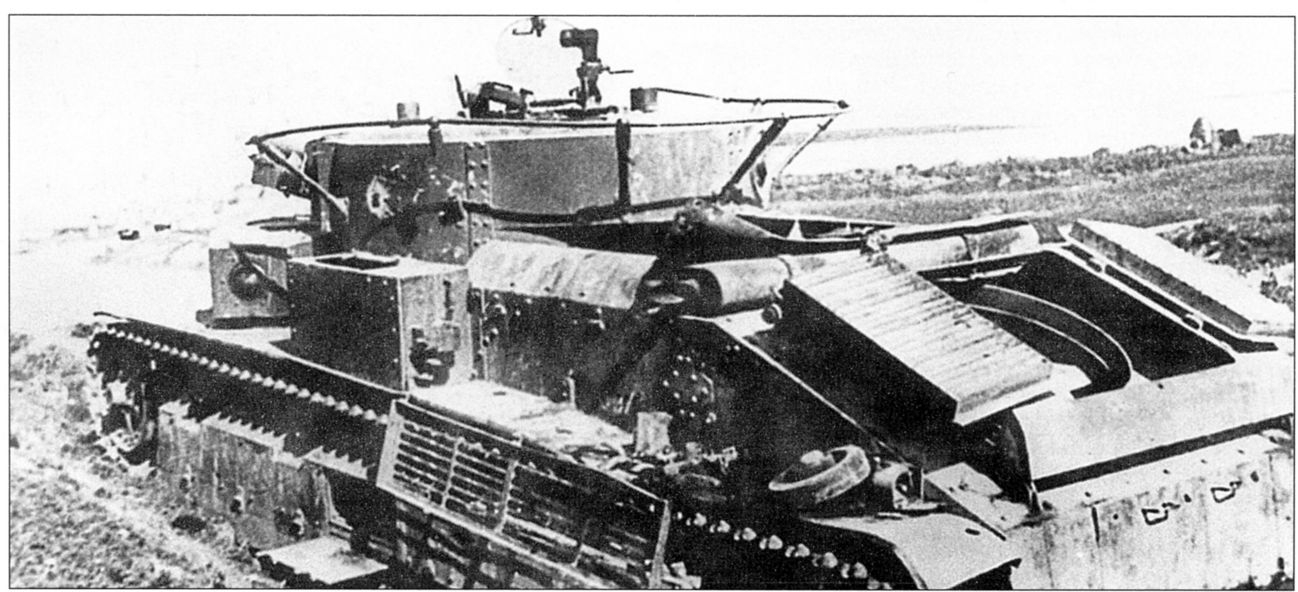
«По танку Т-34

а) Броня машин и корпуса с дистанции 300—400 м пробивается 37-мм бронебойным снарядом. Отвесные листы бортов пробиваются 20-мм бронебойным снарядом. При преодолении рвов вследствие низкой установки машины зарываются носом, сцепление с грунтом недостаточное из-за относительной гладкости трактов.

б) При прямом попадании снаряда проваливается передний люк водителя.

в) Гусеница машины слабая — берет любой снаряд».

Оставленный по неизвестным причинам Т-28. Люки на корме распахнуты уже немцами, под ними располагался вентилятор. Для доступа к трансмиссии предназначался лючок в корме корпуса

Как мы видим, Т-34 при некоторых условиях мог быть подбит даже из 37-мм ПАК35/36 и 20-мм или 37-мм зенитного автомата. Тем более действенными были против танков новых типов 50-мм орудия ПАК-38. По два таких орудия было в каждом полку пехотных дивизий, ставших противником наших танкистов в дубненских боях. При слабой артиллерийской и пехотной поддержке Т-34 также мог стать жертвой 105-мм полевой гаубицы leFH18, бронебойный снаряд которой пробивал на дистанции 500 м 60 мм гомогенной брони. Танк КВ был более «крепким орешком», но он уверенно поражался 88-мм зенитными пушками и 105-мм корпусными пушками К18. Последние присутствовали как в некоторых танковых дивизиях, так и в корпусных частях. Согласно рекомендации инспектората подвижных войск от 29 июня 1941 г. поражение «50-тонных» русских танков было возможно для 50-мм ПАК-38с 400м, для 50-мм танковых пушек — с 200м, 47-мм чешских пушек — с 200м, для 88-мм зениток — с 1000м. Наконец, оружием последнего шанса всегда оставались противотанковые мины и бутылки с зажигательной смесью, забрасывавшиеся пехотинцами на моторный отсек Т-34 и КВ. Одним словом, боевые потери танков Т-34 и КВ в Приграничном сражении не должны удивлять. Они имели место и подтверждаются обеими сторонами конфликта.

Также следует отметить, что при внимательном изучении дубненских боев образ «крупнейшего танкового сражения в истории войн» несколько тускнет. Несмотря на номинально большие цифры численности мехкорпусов Юго-Западного фронта, одновременно ввести в соприкосновение с танками противника удавалось сравнительно небольшое количество боевых машин. Сплошь и рядом танковые соединения оказывались разъединенными на несколько эшелонов, вводились в бой по частям. Апофеозом этого можно считать 75 танков 12-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса, добравшихся до исходных позиций для контрудара 26 июня 1941 г., из почти трех сотен по списку.

Одним из значимых действующих факторов в дубненских боях были технические недостатки новых советских танков. Они обладали целым букетом «детских болезней», существенно затруднявших выполнение обычных и даже заурядных для механизированных войск маневров. Если называть вещи своими именами, то качество продукции отечественного ВПК образца 1941 г. оставляло желать много лучшего.

Серьезные претензии в войсках имелись как к КВ, так и к Т-34. В своем донесении в Главное автобронетанковое уп-

Разбитый артиллерией бронеавтомобиль ФАИ. Бронеавтомобили часто использовались как транспорт для делегатов связи. Вдали, на опушке леса виден Т-26 с распахнутыми люками

Немецкая колонна проходит мимо брошенных в украинском селе Т-26. Ближе к нам Т-26 поздних серий с обтекаемой башней, а на другой стороне дороги — обычный Т-26 с цилиндрической башней

Танк Т-35, оставленный в г. Львов. Машина выпуска февраля — апреля 1939 г. с коническими башнями Разбитый немецкой артиллерией Т-28 одной из танковых дивизий Юго-Западного фронта. Машина вооружена пушкой Л-10

Разбитый немецкой артиллерией Т-28 одной из танковых дивизий Юго-Западного фронта. Машина вооружена пушкой Л-10

равление Красной Армии начальник 3-го отдела АБТУ ЮЗФ военинженер 2-го ранга Ганопольский писал:

«Одним из основных и массовым дефектом на машине А-34 следует считать коробление дисков главного фрикциона. Из 24 машин 3-го батальона 64-го полка 32-й дивизии, закончивших боевую операцию на 4 машинах, переключение передач производить было невозможно по вышеуказанной причине»*.

Попытки устранить этот дефект в войсках перебором дисков фрикциона с их зачисткой удавались крайне редко. Чаще всего требовалась замена деталей, что при катастрофическом положении с запчастями в начале войны составляло большую проблему. Следует отметить, что данный недостаток танка Т-34 не был полностью изжит даже к 1945 г. Уже в послевоенном отчете зам. командира 18-го танкового корпуса по техчасти в перечне предложений по конструктивным изменениям танка Т-34 значится: «Усовершенствовать главные фрикционы, так как наблюдались случаи коробления»**.

Проблемами с главным фрикционом недостатки Т-34 не исчерпывались. «Фамильной чертой» харьковских машин были проблемы с коробкой передач. На танке БТ использовалась коробка с тремя передачами вперед, на Т-34 в начале его выпуска ставилась так называемая четырехскоростная коробка. Даже если не сравнивать с Pz.III, одна из модификаций которого имела десять (!!!) передач вперед, такого количества было явно недостаточно. Меньшее число передач означало большие разрывы между передачами и большие усилия на рычаге их переключения. Вследствие этого быстро изнашивались шарнирные соединения кулисы переключения передач. Изгиб тяг и износ шарнирных соединений приводил к несоответствию положения рычага и подвижных шестерен коробки перемены передач. При этом могло получиться положение, при котором оказывались включены сразу две скорости. Это неизбежно приводило к поломке коробки передач и сжиганию главного фрикциона.

Недостаток времени на освоение новых машин привел к тому, что даже мелкие неисправности могли привести к потере танка. Начальник АБТВ 6-й армии полковник Дедов писал: «Экипажи на танках КВ и Т-34 и тракторах «Ворошиловец» в своем большинстве малоопытные и не в состоянии устранить даже малейшие неисправности»***. Такие боевые машины сначала оказывались на обочине дорог вместе с уныло взирающем на колонны машин и подвод экипажем, а далее у танка были все шансы стать скульптурой, на фоне которой фотографируются оккупанты.

Через призму всех этих технических проблем 75 готовых к наступлению танков из 300 в 12-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса получают свое объяснение. На 29 июня 1941 г. в дивизии в строю было 9 КВ, 12 было потеряно в бою, а 37 числились отставшими. В отношении Т-34 наблюдалась та же картина: 7 в строю, 27 подбито и 66 — отставшие. По танкам других типов и автомашинам ситуация была примерно такой же. В условиях общего отхода войск Юго-Западного фронта к старой границе разбросанные по дорогам и сосредоточенные в мастерских, но еще не отремонтированные танки были, естественно, потеряны безвозвратно.

Однако не следует думать, что у противника все было в идеальном порядке. С одной стороны, немцам удалось сохранить боеспособность своих танковых соединений, не в последнюю очередь за счет возвращения в строй подбитых боевых машин. Но нельзя сказать, что в этой картине не было изъянов. Так в донесении оберквартирмейстера 1-й танковой группы, подготовленном 13 июля 1941 г., указывалось: «16-я танковая дивизия еще не сумела восстановиться после сильных потерь материальной части путем возвращения в строй танков, подлежавших ремонту. Помимо того, что безвозвратные потери в танках были исключительно велики (60 машин), дивизия не располагает достаточным числом квалифицированных специалистов, способных быстро восстановить поврежденные танки»****.

Понятно, что если бы немцы отступали, то они бы оказались практически в том же положении, что и мехкорпуса Юго-Западного фронта в Приграничном сражении. Разумеется, с поправкой на то, что «детские болезни» давно находившихся в производстве танков были преодолены. Механическая надежность танков была у немцев в 1941 г. на высоком уровне. Но

Состояние танкового парка 1-й танковой группы на 5 июля 1941 г.

	Pz.I	Pz.II	Pz.III	Pz.IV	Всего
Боеготовые	25	151	200	55	431
В мастерских	13	47	106	34	200
Безвозвратные потери	11	14	49	11	85

NARA T313 R15 f7241967

* ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 36, л. 141.
** ЦАМО РФ, ф. 243, д. 2928, л. 369, л. 142.
*** ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 157, д. 36, л. 153.
**** NARA T314 R1138 f166.

Безвозвратные потери танков и бронеавтомобилей дивизий 1-й танковой группы в период с 22 июня по 11 июля 1941 г.

	Pz.I	Pz.II	Pz.III	Pz.IV	Ком.*	БА л.*	БА т.*	Арт.*	Всего
9-я тд	2	2	10	3	3	—	—	—	20
11-я тд	4	2	8	4	1	2	1	3	25
13-я тд	—	2	3	2	1	4	1	—	13
14-я тд	—	2	14	2	1	3	—	3	25
16-я тд	3	13	28	7	—	6	7	—	64
16-я мд	—	—	—	—	—	3	1	—	4
Всего	9	21	63	18	6	18	10	6	151

Ком. — командирские, БА л. — бронеавтомобили легкие, БА т. — бронеавтомобили тяжелые, Арт. — танки артиллерийских наблюдателей.
NARA T313 R15 f7241992

в случае смещения фронта на запад, а не на восток, вышедшую из строя технику пришлось бы бросать. Собственно, немцам пришлось поступать именно так в 1943—1945 гг., когда даже устрашающие и ставшие притчей во языцех «тигры» они были вынуждены бросать на обочинах дорог и в мастерских из-за необходимости в очередной раз «выровнять линию фронта».

Для сравнения позволю себе привести данные по боевой деятельности одного из участников дубненских боев, немецкой 14-й танковой дивизии, двумя с половиной годами спустя, осенью 1943 г. 14-я дивизия прибыла в октябре 1943 г. на Восточный фронт из Франции, где проходила пополнение и переформирование. Соединение действовало в схожих с мехкорпусами 1941 г. условиях, вело маневренные оборонительные бои севернее Кривого Рога. Дивизия вступила в бой 28 октября в составе 49 танков PzIV, 44 САУ StuGIII, 7 огнеметных (Flamm) танков, 9 командирских машин и вела боевые действия в составе 1-й танковой армии. Потери танкового парка дивизии за 16 дней боев отражены в таблице.

Заметим, что в данном случае речь идет о давно находящихся в серийном производстве машинах с отработанным шасси. Применение новейших танков и САУ порождало ситуации, еще больше похожие на картину первых неудач мехкорпусов.

Авиация. Следует отметить, что удары авиации Юго-Западного фронта концентрировались в первую очередь на вырвавшихся вперед танковых дивизиях противника. Многочисленные пехотные дивизии могли бы легко поглотить те же сотни ФАБ-100 с куда меньшим эффектом. Несмотря на несовершенство организационной структуры ВВС Красной Армии того периода, командование ВВС и командиры авиадивизий смогли сконцентрировать значительные силы бомбардировочной авиации на узких лентах «панцерштрассе». Эффект от ударов с воздуха очевиден и признается противником. Причем эффект был не только сиюминутным, но и долгосрочным. В июле 1941 г. оберквартирмейстер 1-й танковой группы докладывал: «Из-за высоких потерь грузовиков, особенно в 11-й танковой дивизии (200 штук), которые усложняют и без того тяжелое положение со снабжением, дивизии не в состоянии перебросить дополнительное вооружение из Генерал-губернаторства»*.

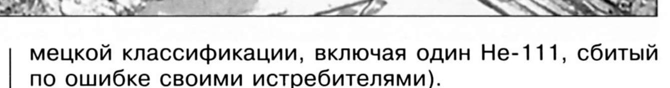
В свою очередь эффективность действий немецкой авиации не нужно преувеличивать. В качестве ориентиров для ударов с воздухе немецкие командиры сообщали, например, следующее (донесение 16-й тд от 27 июня): «Борьба с вражескими танками силами люфтваффе абсолютно необходима. Поскольку вражеские танки движутся, обозначить границы района бомбежки невозможно. Пока дивизия на дороге, опасности попасть под свои бомбы для дивизии не существует. О съезде с дороги немедленно сообщу по радио»**. Авианаводчики в передовых частях были характерны для «Штук» (пикирующих Ю-87), которых в июне 1941 г. в составе V авиакорпуса попросту не было. Соответственно уровень взаимодействия с сухопутными войсками у ВВС ЮЗФ и V авиакорпуса отличался не так уж сильно. Разница была скорее в отношении сухопутных войск к авиации — большее внимание к обозначению своих войск и переднего края. Потери ВВС Юго-Западного фронта были достаточно тяжелыми, хотя язык все же не поворачивается назвать их катастрофическими.

В штабе ВВС ЮЗФ в начале июля была подготовлена таблица по потерям 22—30 июня, однако она имела больше пропагандистский, нежели практический смысл. Согласно ей с 22 по 25 июня ВВС фронта безвозвратно потеряли 288 самолетов, а еще 222 было повреждено. В следующие

Замаскированный на летном поле МиГ-3 одной из авиадивизий Юго-Западного фронта. Видимых повреждений самолет не имеет и, возможно, оставлен из-за неисправности или отсутствия горючего

* T314 R1138 f166.
** NARA T314 R1138 f1179.

Тягач «Коминтерн». Трактор стоит на краю гигантской воронки, скорее всего, от авиабомбы

пять дней, с 26 по 30 июня потери составили всего 70 самолетов (66 уничтожено и 4 повреждено). Соответственно вырисовывалась благостная картина жизни, наладившейся после замены Астахова на Птухина. Однако ни с данными противника, ни с отчетами авиасоединений эти цифры никак не стыкуются.

Согласно журналу боевых действий ВВС ЮЗФ безвозвратные потери с 22 по 24 июня составили 448 самолетов, а с 25 по 27 июня было потеряно еще 173 самолета. На 30 июня в авиадивизиях фронта остался 871 самолет (см. приложение). Эта цифра не включает отданную Южному фронту 63-ю авиадивизию и 36-ю авиадивизию ПВО Киева. Это позволяет сделать следующие расчеты. Исключение из 2003 самолетов, имевшихся на 22 июня, 63-й и 36-й авиадивизий дает нам цифру 1789 самолетов. Вычтя из получившегося числа 871 самолет, оставшийся в составе ВВС фронта на 30 июня, мы получаем 918 боевых машин, потерянных с 22 по 30 июня. Заявка пилотов JG3 на уничтоженные в воздухе советские самолеты составляет 258 штук. С советскими данными о потерях в воздушных боях цифры заявок истребителей люфтваффе в этот период стыкуются хорошо и ее можно принять как базовую для потерь в воздухе. Вычитая известные по ЖБД ВВС фронта потери с 22 по 27 июня, мы получаем цифру 297 самолетов, потерянных в период с 28 по 30 июня. Сбитыми в воздухе за эти дни JG3 было заявлено 76 самолетов. Соответственно в число 297, скорее всего, вошли 222 самолета, поврежденных 22—25 июня и оставленных на аэродромах ввиду сложностей с эвакуацией в условиях общего отхода войск фронта. Картина воздушной войны вырисовывается вполне однозначно: большие потери на аэродромах в первые дни, последовавшие за этим большие потери в воздухе и добивающим ударом стал отход, заставивший массово бросать поврежденную технику.

Немецкая авиация, безусловно, находилась в более выгодном положении. Ее аэродромы практически не бомбили, отступать и бросать севшие на вынужденную или поврежденные самолеты им не пришлось. Однако нельзя сказать, что воздушное сражение над треугольником Броды — Дубно — Луцк дешево обошлось люфтваффе. По оценке известного отечественного историка авиации Д.Б. Хазанова, до конца июня 1941 г. в небе Украины 4-й воздушный флот потерял 150—160 самолетов всех типов (84 машины из 5-го авиакорпуса погибли за линией фронта или считались 100%-ной потерей по немецкой классификации, включая один Не-111, сбитый по ошибке своими истребителями).

Связь. Связь называется одной из главных причин неудач РККА в начальном периоде войны. «Так, например, 36-й стрелковый, 8-й и 19-й механизированный корпуса не имели радиосвязи во время наступления в районе Дубно»*. Даже перемещение из XXI века в район Дубно в июнь 1941 г. сотовой сети «Киевстара» вряд ли могло помочь командирам 8-го и 19-го механизированных корпусов. К моменту получения задачи на наступление в сторону Дубно 8-м механизированным корпусом корпус Н.В. Фекленко уже был отброшен к окраинам Ровно. К тому же, судя по новейшим данным, Цибин к Дубно не прорывался, и даже при наличии «Киевстара» не имел технической возможности сказать Рябышеву по «мобилке»: «Иди сюда, я у Дубно, разобьем проклятых фашистов!» Соединения Юго-Западного фронта получали все необходимые распоряжения, и проблемы со связью никоим образом не могут объяснять неуспехи Красной Армии. Проблемы со связью были лишь одной из причин, не самой существенной. Радиофикация войск имела лишь тактическое значение. Фронт управлял армиями с помощью обычных проводных средств коммуникаций:

«1. Проводные средства связи при всех условиях разрушения могут быть восстанавливаемы и являются для фронтовых связей могучим средством обеспечения управления.

2. Радиосредства связи при отсутствии проводной связи могут обеспечить управление в ограниченном размере (недостаточная пропускная способность)»**.

Потери личного состава танковых и моторизованных соединений 1-й ТГр в период с 22 июня по 6 июля 1941 г.

	Убито	Ранено	Пропало без вести	Заболело	Всего
9-я тд	175	232	36	8	451
11-я тд	287	766	179	2	1234
13-я тд	86	249	26	-	361
14-я тд	89	303	28	5	425
16-я тд	132	407	105	-	644
«Викинг»	48	39	-	-	87
25-я мд	82	228	207	67	584
16-я мд	6	14	-	11	31

NARA T313 R15 f7241704

* Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. М.: Воениздат. 1962. С. 170.

** Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. М.: Воениздат, 1958. С. 108.

Структура потерь 14-й танковой дивизии осенью 1943 г.

Классификация потерь	PzIV	САУ StuGIII	Flamm	Командирские
Боевые потери (сгоревшие и т.п.)	9		0	0
Танки, требующие заводского ремонта вследствие боевых повреждений	6		0	0
Танки, оставленные поврежденными на территории противника вследствие боевых повреждений	5	6	2	0
Танки, оставленные поврежденными на территории противника вследствие поломок	6	4	0	0
Танки, вышедшие из строя вследствие длительных маршей и брошенные из-за отсутствия возможностей отбуксировать их в тыл	7	2	1	0
Всего	33	25	3	0
Состояние танкового парка дивизии на 7 декабря 1943 г.				
Боеготовые	8*	6	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью до 14 дней	8	8	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью более 14 дней	4	5	0	1

— включая 4 новых танка PzIV, полученных с завода в ходе боев.

Увязшие в болоте Т-34 ранних серий, с пушками Л-11. Вынужденная торопливость в проведении контрудара приводила к атакам без тщательного изучения местности

Плохо работала связь в первые дни войны из-за неотмобилизованности соответствующих подразделений. Уже к концу июня части связи получили необходимый персонал и смогли сравнительно эффективно поддерживать работоспособность сети связи фронта.

Для существенного воздействия на ход боевых действий уровень управления должен отличаться принципиально, качественно. Например, жизнерадостная запись в журнале боевых действий XXXXVIII моторизованного корпуса гласит: «Поскольку от дивизии [11 тд] вечером не было получено никаких сообщений, ее положение в штабе корпуса неизвестно»*. Таких записей, указывающих на серьезное запаздывание информации от тех или иных соединений, в журнале боевых действий корпуса довольно много.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Механизированные корпуса КОВО (Юго-Западного фронта), ввиду недоразвернутости и неотмобилизованности Красной Армии, оказались в крайне невыгодном положении. Они были вынуждены тратить много сил на борьбу с пехотными соединениями противника. Тем не менее именно благодаря танкам и авиации Юго-Западный фронт избежал катастрофического развития событий в виде окружения львовского выступа и смог относительно организованно отойти на рубеж старой границы.

Приложение 1

Боевой приказ штаба ввс юго-западного фронта № ОП/1 23 июня 1941 г. 01.00.

1. Противник, введя мех[анизированные] соединения в направлении Устилуг, Владимир-Волынский и Кристынополь-Радзихов* на фронте 5 А[рмии], создал угрозу разрыва наших обороняющихся частей.

На фронте 6, 26, 12 А[рмий] атаки противника отбиты и войска удерживают рубеж гос[ударственной] границы.

ВВС противника 22.6. подвергли бомбометанию наши аэродромы, действуя мелкими группами с низких высот.

2. 22.6. подвижные части фронта 5 и 6 А[рмий] наносят концентрированный удар с задачей уничтожения группировки противника в районе Сокаль, Грубешув.

3. ВВС фронта 23.6, поддерживая наступление войск фронта, действуют по мотомех[анизированным] частям противника в районе Сокаль, Грубешув.

4. ВВС 5 А[рмии]/14, 62 а[виа]д[ивизии] и 18 а[виа]д[ивизия], взаимодействуя с 22 м[еханизированным] к[орпусом] (22 м[еханизированный] к[орпус] к 11.00 23.6 сосредоточивается в р-не станции Войница и Турийск), уничтожают мотомехчасти противника в районе Устилуг, Грабешув**.

а) 18 а[виа]д[ивизия] с рассвета 23.6 эшелонированными последовательными ударами уничтожать скопление танков противника в районе Устилуг, Грабешув **, Корытница.

Напряжение—один дивизия-вылет.

По выполнению указанной задачи быть в готовности № 2 для выполнения последующей задачи.

С утра 23.6. 90 дбп с аэродрома Бронники передислоцировать на аэродромы согласно оперативному плану.

б) 62 а[виа]д[ивизия] (52 и 94 с[коростные]б[омбардировочные] п[олки] только самолеты СБ), взаимодействуя с 22 м[еханизированным] к[орпусом], с 11.00 23.6 эшелонирование по высоте и времени последовательными налетами уничтожать мотомех [анизированные] части противника в районе Устилуг, Грубешув, Корытница, не допуская их выхода в район Владимир-Волынский.

Напряжение—один дивизия-вылет.

По выполнении поставленной задачи быть в готовности № 2 для действий по танковой группировке противника в том же направлении.

в) 14 а[виа]д[ивизии] прикрыть 22 м[еханизированный] к[орпус] в районе его сосредоточения (район Турийск и ст. Войница) и патрулированием в том же районе обеспечить боевые действия 18 и 62 а[виа]д[ивизия].

5. ВВС 6 А[рмии] (15 и 16 а[виа]д[ивизия]) и 33 с[коростной] б[омбардировочный] п[олк] 19 а[виа]д[ивизии] уничтожают группировку противника районе Сокаль, Кристынополь, Пархач.

а) 33 с[коростной]б[омбардировочный] п[олк] с рассвета 23.6 последовательными эшелонированными действиями по времени и высоте уничтожают группировку противника в районе Сокаль, Кристынополь, Пархач.

При возвращении на аэродром базирования посадка на аэродроме Романовка (Бердичев) на случай дозарядки с последующим перелетом на свой аэродром (Городище).

Напряжение—один полко-вылет (только Ар-2 и СБ).

По выполнении задачи быть в готовности № 2 для последующих действий в этом же районе.

б) 16 а[виа]д[ивизия], взаимодействуя с 4 м[еханизированным] к[орпусом], последовательными эшелонированными действиями уничтожать наземные войска противника в районе Кристынополь, Сокаль. Действия 86 с[коростного] б[омбардировочного] п[олка] прикрыть истребителями 92 и[стребительного] а[виа]п[олка]. Напряжение бомбардировщиков—два полко-вылета.

в) 15 а[виа]д[ивизии] прикрыть район Львова и район сосредоточения 4 м[еханизированного] к[орпуса] и 3 кд. 6. 17 а[виа] д[ивизия] (20 и 91 и[стребительные] а[виа]п[олки]) прикрыть железнодорожные узлы Проскуров, Шепетовка, Новоград-Волынск, не допуская проникновения ВВС противника в этот район.

48 с[коростной]б[омбардировочный] п[олк] (самолеты Пе-2) рассредоточить на оперативных аэродромах с выводом за границу аэродромов и тщательно замаскировать.

7. 64 а[виа]д[ивизии] (12,149,166 и[стребительные] а[виа] п[олки]) прикрывать от воздушного противника сосредоточение войск 12-й армии и район Станиславув, Черновицы, уничтожая ВВС противника.

8. 44 а[виа]д[ивизии] передислоцировать 88 и[стребительный] а[виа]п[олк] на аэродромы Кочубеев, Пудловцы и передать полк в распоряжение командира 64 а[виа]д[ивизии].

9. 138 и 136 б[лижне-]б[омбардировочные] п[олки] в моем резерве в готовности № 2 для выполнения задачи для действий по наземным войскам противника.

10. Я на КП—Тарнополь.

Командующий ВВС фронта Врид начальника штаба ВВС фронта генерал-лейтенант ПТУХИН полковник ТАЙГРЕБЕРТ

Приложение 2

Отчет об атаке укреплений на горе Сокаль в полосе действий усиленного 199-го пп 22.06.41 и атак на укрепления северо-восточнее Сокаля (75-я пд) и восточнее Потурзицы (179-й пп) 23 и 24.06.41.

1) Оценка местности. 51-й штурмовой саперный батальон, использованный для атаки в первой линии 199-го пп, должен был перед началом атаки укрепленной линии пересечь Буг, который в этом месте достигал ширины 40 метров. Берег с нашей и частично с другой стороны во многих местах покрыт жидкой грязью и заболочен. Глубина Буга составляла в среднем 1,5—3 метра. Находящийся в полосе наступления 51-го саперного батальона мост представлял собой деревянную конструкцию длиной 101 метр с 14-метровыми пролетами, грузоподъемностью около 20 тонн. На дороге, ведущей к мосту, слева и справа стояли маленькие домики (часть населенного пункта Жабице).

На той стороне реки около моста находятся населенные пункты Сокаль и Бабинец с длинными уходящими за пределы видимости улицами и рядами домов, спускающимися к самой реке. За ними находятся цепочки холмов, высота которых увеличивается вплоть до горы Сокаль. С внешней стороны этих цепочек холмов, идущих параллельно линии фронта, они прорезаны идущими в различных направлениях лощинами.

ЦАМО. ф. 229, оп. 161, д. 5, л. 3—5. Подлинник. Приводится по публикации в ВИЖ, № 7, 1989 г., стр. 28—29.

* — так в документе. Правильно Радзехов

** — так в документе

Вся местность вовлечена в сельскохозяйственный оборот, частично это поля зерновых, частично другие невысокие культуры. На заднем плане, вокруг высот Сокаля, находится достаточно большой лес с густым кустарником.

Между первой и второй линией холмов в последней на пути к горе Сокаль лощине находился противотанковый ров со множеством изгибов.

2) Разведка перед атакой. Имевшиеся данные разведки были недостаточными, поскольку воздушная разведка не велась и снимков с воздуха не существовало, агентурных данных тоже не было.С монастырской башни Сокаля, с которой в первую очередь велась разведка, была видна лишь часть сооружений, в большинстве своем замаскированных, и противотанковый ров.

Невозможно было точно установить ни конструкцию, ни вооружение отдельных объектов. Секторы огня ДОТов и расположение бронированных башен не были установлены. Многочисленные сооружения на обратном склоне и хорошо замаскированные полевые укрепления также находились вне зоны видимости.

3) Подготовительные мероприятия. Подготовка к атаке должна была вестись исключительно осторожно и только в последнюю ночь, поскольку была хорошо видна противнику. Необходимые для переправы материалы были доставлены во время коротких ночей начиная с 19 июня. Для выхода на позиции личного состава оставалась ночь с 21 на 22 июня. Поскольку приходилось считаться с возможностью того, что противник разрушит исключительно важный мост, нужно было принять все меры к захвату моста в неповрежденном состоянии, а если мост все же будет разрушен — к скорейшему его восстановлению или сооружению переправы, способной выдержать штурмовые орудия.

На случай разрушения моста были приняты следующие меры, которые должны были позволить в сжатые сроки восстановить переправу:

1. Чтобы предотвратить сжигание моста, наполовину принадлежавшего русским, за много дней до начала военных действий у моста под видом пожарной команды был размещен саперный взвод лейтенанта Шлингманна. Этот взвод был оснащен маленьким пожарным насосом, огнетушителями, ведрами, баграми, пилами и надувными плотами, которые находились в ближайших к мосту домах. Задачей подразделения было предотвратить сгорание немецкой части моста.

2. Если же противнику удастся уничтожить свой конец моста или один или два пролета, переправа должна была осуществляться сначала при помощи множества наклонных шестов, прислоненных к уцелевшей части моста и упирающихся в находящуюся на русской стороне песчаную отмель. За это время следует доставить заранее подготовленные трапы, по которым смогут переправляться саперы и пехота с легким вооружением.

Чтобы сделать возможной переправу через мост легких транспортных средств весом около 4 тонн, в непосредственной близости от моста были подготовлены фрагменты мостового имущества «С», с помощью которых был бы организован съезд с уцелевшей части моста на песчаную отмель на вражеском берегу. Для окончательного восстановления и усиления конструкций моста в наличии имелся мостостроительный батальон.

3. Поскольку мост был исключительно важен для успешного развития наступления, необходимо было приложить все усилия к тому, чтобы захватить его неповрежденным. 2-я рота 51-го штурмового саперного батальона получила приказ готовиться к быстрому захвату моста и провела необходимую подготовку. Наряду с постоянным наблюдением вражеского берега и корректировкой данных о силах противника, уже в предшествующие ночи были приняты меры для расчистки поверхности моста, которая с немецкой стороны была обильно перегорожена колючей проволокой. Под покровом темноты проволока перерезалась, чтобы во время атаки ее можно было легко отодвинуть в сторону. Поскольку все приготовления необходимо было скрыть от русских, эти работы приходилось проводить очень быстро в считаные темные часы. Стоящая на берегу и шумно работающая электростанция в значительной степени помогала скрыть шум от работы инструментов. После перерезания проволоки ее следовало вновь скрепить таким образом, чтобы противник не заметил изменения обычной картины. Однако нужно было принять меры не только для быстрого захвата переправы. Поскольку мост мог выдерживать не более 16 тонн, необходимо было подготовить переправу для 22-тонных штурмовых орудий, которым предстояло поддерживать атаку штурмовых групп. Такую переправу можно было осуществить только вброд. Буг, который имеет, в общем, глубину 1,5—2 метра, годился для такой переправы отнюдь не везде. На отрезке полка нужно было разведать брод, который имел бы глубину не более 70 см. Разведданные, имевшиеся у батальона, указывали на наличие нескольких таких бродов, которые при ближайшем рассмотрении, однако, оказались непригодными.

В связи с этим лейтенанту Шлингманну было приказано во время купания незаметно измерить глубину реки в различных местах. Сначала ему не удалось добиться нужного результата, однако 21 июня в районе правой границы полка был обнаружен участок сравнительно ровного дна. Во время купания солдаты смогли приблизиться к противоположному берегу на расстояние до 20 метров и установили наличие брода глубиной 70—80 см с песчаным дном. Это место было назначено для переправы штурмовых орудий. Что-бы подготовиться к возможности того, что на оставшихся неразведанными 20 метрах глубина будет больше, 51-м строительным батальоном утром 21 июня были подготовлены 30 фашин толщиной 40—50 см, которые следовало опустить на дно в глубоких местах. Предпринятые накануне испытания этих фашин показали, что при проезде по ним штурмовых орудий они не очень сильно придавливались и не рассыпались, позволяя машине ехать в 30 см от дна. Таким образом, можно было надеяться на успешную переправу штурмовых орудий. Чтобы предотвратить всплытие фашин, было предусмотрено скрепить их металлическим тросом, идущим через имеющиеся на каждой фашине петли. Позднее выяснилось, что тенденция к всплытию, несмотря на использование свежесрубленной древесины, была довольно большой, и правильнее было бы вставлять в фашины железнодорожный рельс. Поскольку железнодорожные рельсы не были своевременно доставлены, пришлось нагрузить фашины металлическими цепями и большим количеством троса.

Все тяжелое оборудование, надувные плоты, фашины, части мостового хозяйства «С» были переброшены к мосту в ночь на 21 июня. На последнем отрезке пути грузовики пришлось катить вручную, чтобы не обеспокоить противника. Материалы были уложены позади домов и замаскированы с воздуха. Ночью перед атакой все это было вынесено на исходные позиции ротами, которым предстояло наступать в первой волне.

Во время разведки и развертывания большие трудности создавали малая ширина реки и хорошие возможности для наблюдения с вражеской стороны. Несмотря на все предосторожности, подготовку невозможно было скрыть от противника при условии тщательного наблюдения с его стороны.

4) Развертывание. После проведения всех подготовительных мероприятий началось развертывание частей 51-го штурмового саперного батальона для атаки. Для атаки усиленного 199-го пп были образованы две ударные группы. Правая ударная группа под руководством командира 51-го штурмового саперного батальона состояла из: усиленного 51-го штурмового саперного батальона, двух взводов 14-й роты 199-го пп, 3-й роты 197-го батальона штурмовых орудий (без одного взвода), двух стрелковых взводов 1-го батальона 199-го пп, двух пулеметных взводов 1-го батальона 199-го пп (для огневой поддержки во время переправы через Буг) и собственного 1-го батальона 199-го пп.

Левая ударная группа находилась под руководством командира 2-го батальона 199-го пп. Атака должна была быть осуществлена следующим образом:

Усиленный 51-й штурмовой саперный батальон должен был быстрым ударом предотвратить уничтожение моста противником, одновременно во многих местах переправиться через Буг, занять населенный пункт Бабинец и таким образом создать небольшой плацдарм на восточном берегу реки. За этой первой волной должны последовать две усиленные штурмовые роты, которые должны, наступая с плацдарма двумя отдельными отрядами, обойти гору Сокаль справа и слева и занять высоту 237, попутно ликвидировав оборонительные сооружения. После достижения этой первой цели наступления подразделения должны войти в лес восточнее высоты и достичь его противоположной опушки. 1-й батальон 199-го пп, который должен следовать за 51-м штурмовым саперным батальоном до захвата высот Сокаль, после этого проходит через боевые порядки саперов и движется дальше через лес, поскольку, по всей видимости, основная масса 51-го батальона должна будет задержаться для подавления сопротивления отдельных укреплений.

Каждой из наступающих на гору Сокаль усиленных штурмовых рот придается по одному взводу из 14-й роты 199-го пп, по одному взводу штурмовых орудий и по одному стрелковому взводу 1-го батальона 199-го пп для разгрома противника в предполье и для защиты с флангов.

Это развертывание 51-го штурмового саперного батальона было осуществлено в ночь на 22.06.41. Батальон со своими транспортными средствами выдвинулся из лагеря к южному выезду из Жабице и достиг его около 22.30. Там роты спешились и вышли со своим вооружением на исходные позиции. 2-я рота сосредоточилась в домах непосредственно около моста. Усиленная 3-я рота сконцентрировалась непосредственно позади 2-й в домах к югу от дороги, ведущей к мосту, 1-я рота — севернее дороги. Во время выхода на исходные позиции к ротам присоединились приданные им подразделения, так что выход на исходные позиции прошел гладко. Приданные батальону штурмовые орудия в связи с шумом, который они бы произвели, не были выведены на исходные позиции батальона, а остались значительно западнее железнодорожной линии. Перед и во время выхода войск на исходные позиции на КП батальона прибыли многочисленные корректировщики и офицеры связи от подразделений артиллерии и реактивных минометов. Командир батареи штурмовых орудий также находился поблизости от КП батальона и руководил оттуда по радио своими взводами.

Для переправы правой ударной группы помимо моста, на сохранение которого нельзя было рассчитывать наверняка, имелись 9 больших и 12 малых надувных плотов и 2 штурмовые лодки. Обещанные инженерным полком 6 больших и 24 малых надувных плота не прибыли. Отсутствие этих плотов не оказало серьезного влияния на развитие атаки, поскольку внезапный удар на мосту удался и переправа попала в наши руки неповрежденной.

Для непосредственной борьбы с имевшимися на противоположном берегу вражескими целями на западном берегу Буга имелись два пулеметных взвода 1-го батальона 199-го пп, 2 взвода армейских зениток (2-см калибра) и 4 не используемых в первой волне противотанковых орудия 14-й роты 199-го пп.

Борьба с находившимися на большем расстоянии вражескими позициями являлась задачей полевой и зенитной артиллерии и реактивных минометов.

Выход на исходные позиции 51-го штурмового саперного батальона был завершен, в общем, к часу ночи. Этот процесс происходил настолько бесшумно, что противник на другом берегу Буга ничего не заметил.

5) Атака. В 3.15 началась артиллерийская подготовка и одновременно с ней переправа через Буг. Первой ротой саперного батальона, перешедшей границу, стала 2-я рота под командованием обер-лейтенанта Штайнкампа. Ее боевые задачи были следующими:

1. Быстрый захват моста.
2. Создание плацдарма, захват населенного пункта Бабинец.
3. В случае взрыва моста — создание переправы для солдат и легкого транспорта.
4. Обеспечение переправы 1-й и 3-й роты 51-го штурмового саперного батальона и подчиненных ему частей 199-го пп.
5. Подготовка брода для переправы штурмовых орудий.
6. Вступление в соприкосновение с правым соседом, 179-м пп.

Для выполнения этих задач рота была структурирована следующим образом:

1-й взвод: Должен был четырьмя ударными группами переправиться через Буг выше моста, в том числе одна из этих групп в штурмовой лодке должна была предотвратить подрыв моста. Три остальные группы, имеющие по одному надувному плоту каждая, должны переправиться через Буг на участке длиной около 300 метров, занять деревню, образовать плацдарм на ее восточной окраине и создать двум другим штурмовым ротам исходную позицию для дальнейшего наступления. Командир взвода — лейтенант Рюлеманн.

2-й взвод: Аналогичные задачи, но ниже моста по течению на ширине 250 метров. Командир взвода — лейтенант Брандт.

3-й взвод: Ударная группа взвода должна достигнуть противоположного конца моста и предотвратить взрыв либо организовать вместе с другой группой строительство переправы для пехоты и легких транспортных средств в случае взрыва моста. Командир взвода — оберфельдфебель Вайсенборн.

Группа из 6 саперов и приданного им пехотного взвода должна разведать брод для переправы штурмовых орудий, обозначить его и при необходимости забросать фашинами глубокие места. Командир — лейтенант Шлингманн.

После артналета в 3.15 ударная группа 3-го взвода под командованием фельдфебеля Пюттихера быстро преодолела собственные проволочные заграждения, достигла противоположного конца моста и перерезала все имевшиеся там провода.

Оба стоявших в конце моста русских таможенника были застрелены специально выделенными для этого людьми в самом начале атаки.

Взводы, использованные слева и справа от моста, бегом достигли берега реки, разрезали проволочные заграждения и спустили надувные плоты на воду. Мягкая и заболоченная почва осложняла переноску надувных плотов, так что люди в самом начале сбегали в воду, чтобы иметь возможность скорее спустить плоты на воду. После того как плоты достигли противоположного берега, имевшиеся там проволочные заграждения были разрезаны, и ударные группы быстро проникли в деревню. Вражеское сопротивление в нескольких находившихся в разных местах домах было быстро подавлено с помощью огнеметов и ручных гранат. Уже через 20 минут 2-я рота имела в распоряжении исходные позиции для 1-й и 3-й рот. Потери роты до сих пор исчислялись одним раненым. Поскольку роте удалось занять мост внезапным ударом, другие роты поспешили последовать за ней так быстро, что 2-я рота, дабы исключить неприятные сюрпризы, получила от командования батальона приказ прочесать дома на плацдарме.

Создание предусмотренного изначально брода оказалось ненужным, поскольку штурмовые орудия смогли переправиться по мосту.

Уже в 3.55 2-я рота установила контакт со 179-м пп. Во время прочесывания населенного пункта 2-й ротой 1-я и 3-я роты начали наступление в предписанных направлениях. 2-я рота получила приказ двигаться позади 3-й в качестве резерва батальона. В 4.30 рота через высоту 237 достигли горы Сокаль.

Сразу же после переправы 2-й роты переправилась через Буг и 1-я рота, находившаяся на правом фланге усиленного 199-го пп. Задачей роты было наступать к югу от высоты 237, прорвать находившуюся там линию укреплений, далее повернуть в сторону горы Сокаль, в случае слабого сопротивления

противника достичь восточной опушки леса, расположенного к востоку от горы. Для решения этой задачи роте были подчинены стрелковый взвод, взвод противотанковых пушек и взвод штурмовых орудий. Сама рота была разделена на три ударных взвода, в каждом из которых насчитывалось по две ударные группы и по одной группе зачистки, кроме того, имелся пулеметный взвод. С началом артиллерийского обстрела в 3.15 рота с надувными плотами отправилась к реке, переправившись через Буг частично выше моста, частично по захваченному 2-й ротой мосту. 1-й ударной группе удалось при поддержке одного штурмового орудия подавить слабое сопротивление противника в южной части Сокаля (Бабинец) и начать быстрое продвижение в сторону укреплений к юго-востоку от населенного пункта. Непосредственно за ней следовали оба остальных ударных взвода, сопровождаемые вторым штурмовым орудием. Благодаря напору обоих передних ударных взводов удалось быстро вытеснить противника из предполья и за 45 минут достичь линии ДОТов, преодолев расстояние в 2 км. Стрелковый взвод следовал уступом вправо для прикрытия правого фланга. С началом непосредственной атаки стрелковый и пулеметный взводы были использованы на линии противотанкового рва для прикрытия фронта и правого фланга. В то время как 1-й ударный взвод атаковал ДОТ № 3, 2-й ударный взвод двинулся от противотанкового рва в сторону ДОТа № 4.

3-й взвод в это время занимался зачисткой полевых укреплений в предполье. Поскольку ДОТ № 4 уже был атакован 3-й ротой 51-го штурмового саперного батальона, 2-й ударный взвод прошел мимо него к бункеру 4а и атаковал этот последний.

Для огневой поддержки атаки обоих ударных взводов против ДОТов в распоряжении имелись два штурмовых орудия, которые поддерживали атаку самым активным образом. Взвод противотанковых орудий по причине быстрого продвижения саперов и пересеченной местности не успевал и прибыл так поздно, что не участвовал в бое. Впрочем, сама конструкция бункеров была такова, что вряд ли представлялась возможность противотанковые орудия эффективно использовать. В это время 1-й ударный взвод атаковал бункер № 3, который имел пулеметную и орудийную амбразуру и, кроме того, еще один пулемет в бронированном куполе. Благодаря расположению укреплений, которое неожиданно оказалось исключительно искусным, существовала возможность эффективной взаимной огневой поддержки ДОТов, что могло существенно затруднить атаку. Обстрел ДОТа и амбразур штурмовыми орудиями оказался практически неэффективным из-за хорошего качества бетона и низкого расположения амбразур с мощными сферическими масками. Под огневым прикрытием штурмовых орудий 1-й ударный взвод смог подобраться к ДОТу и первым строем вывел из строя бронированный купол взрывом 6 кг взрывчатки. Поскольку противник в ДОТе ожесточенно сопротивлялся и получал эффективную огневую поддержку из других укреплений, лишь после двухчасового боя удалось путем множества подрывов вывести амбразуру из строя и быстрой атакой подавить сопротивление на входе в бункер. При этом были взяты в плен 4 человека, один из которых вскоре умер. Пятый участник обороны лежал мертвым в ДОТе. Выжившие, находившиеся без сознания, были вынесены солдатами 1-го ударного взвода из ДОТа, после чего укрепление было взорвано изнутри.

2-й ударный взвод начал тем временем продвигаться между ДОТами № 3 и № 4 и попал под сильный огонь из двух других ДОТов, в связи с чем вынужден был залечь на длительное время. Только при поддержке второго штурмового орудия взводу удалось ползком преодолеть 500 метров, отделявшие его от ДОТа № 4а. Приданное взводу штурмовое орудие смогло подавить своим огнем противотанковую пушку ДОТа, так что у защитников укрепления остались только пулеметы.

Несмотря на исключительно сильный огонь ДОТа и фланговый обстрел из двух других, ударному взводу удалось приблизиться к ДОТу, с помощью нескольких взрывов подавить амбразуры и сломить сопротивление гарнизона. После этого 2-й ударный взвод продолжил наступление в предписанном направлении и попал под огонь из домов Кол. Хорбков (Восток). В ходе боя с этим противником было взято еще четверо пленных.

3-й ударный взвод после зачистки полевых укреплений в предполье прошел слева от 2-го ударного взвода и атаковал ДОТ № 4б. При этом его встретил огонь не только с фронта, но и с правого фланга, и он смог продвинуться вперед только после того, как подал световые сигналы штурмовому орудию, которое поддержало его огнем. Только после ожесточенной часовой борьбы, потеряв нескольких человек, взвод смог подавить сопротивление этого ДОТа.

Поскольку дальнейшему продвижению роты угрожали три больших ДОТа из соседнего участка на правом фланге, командир роты приказал частям 3-го взвода атаковать ближайший ДОТ № 3. Несмотря на то что противотанковые и штурмовые орудия уже были заняты выполнением другой задачи, солдатам удалось приблизиться к ДОТу и произвести ряд взрывов, которые временно вывели его из строя. При этом они попали под сильный огонь из множества фланкирующих ДОТов, сделавший невозможным полное уничтожение ДОТа без поддержки штурмовых орудий или иного тяжелого вооружения. Чтобы не нести дальнейших потерь в этой атаке, предпринятой без всякой огневой поддержки, командир батальона приказал прервать атаку на ДОТы, которые, помимо всего прочего, находились в полосе наступления другого полка. Потери, которые имела рота: убит один унтер-офицер, ранено 7 человек, некоторые тяжело.

После переформирования роты она была использована для прикрытия правого фланга и без серьезных боев прошла 2 км через лес до высоты 247 в 7 км юго-восточнее Сокаля. Сразу же после достижения этой точки рота была выведена из боя и подчинена 75 пд. Пешим маршем она достигла северо-восточного выхода из Сокаля к 18.00.

3-я рота 51-го штурмового саперного батальона, усиленная взводом штурмовых орудий, взводом противотанковых орудий и стрелковым взводом, получила задачу подавить вражеские укрепления на склонах высот Сокаль и в случае незначительного вражеского сопротивления достичь восточной опушки леса, расположенного восточнее высот. С началом атаки в 3.15 рота вместе с другими ротами батальона направилась по захваченному мосту на восточную окраину населенного пункта Бабинец, которую достигла к 3.25. Оттуда началось безостановочное продвижение на высоту 237. На этой высоте роту встретил слабый пулеметный огонь противника, не представлявший значительной помехи для продвижения. В 3.25 ударный взвод лейтенанта Хартунга, двигавшийся в авангарде роты, достиг противотанкового заграждения № 1 на обратном склоне высоты. Это заграждение состояло из перерезавшей склон стены примерно 4-метровой высоты, подходы к которой просматривались и находились в сфере огня ДОТа № 169. Дальнейшее продвижение для атаки этого укрепления происходило под огнем ДОТа, который, как позднее выяснилось, вел огонь спаренным пулеметом из главной амбразуры, а также огонь с открытых позиций рядом с ДОТом. Когда взвод преодолел примерно 150 метров, он внезапно попал под фланкирующий огонь из ДОТа № 128. В связи с этим взвод вынужден был окопаться в пшеничном поле.

Тем временем другие части роты после зачистки предполья были подтянуты к противотанковому рву. После того как они попали под огонь ДОТа № 169, пулеметный взвод был использован для подавления огня из амбразур ДОТа. Одновременно ударный взвод лейтенанта Фолькера получил задание взять штурмом ДОТ № 128. Лейтенант Фолькер выполнил этот приказ, осуществив несколько взрывов у амбразуры и входной двери ДОТа. Брошенными внутрь ручными гранатами был уничтожен гарнизон, состоявший из трех человек. ДОТ № 128 замолчал около 4.30. После этого ударный взвод лейтенанта

Хартунга смог продолжить продвижение к ДОТу № 169. Его поддержало штурмовое орудие, которое оказывало скорее сковывающее воздействие на противника, поскольку не смогло эффективно поразить ни амбразуру, ни бетонную стену ДОТа. У этого укрепления имелась пулеметная амбразура и оборонительная позиция у входа в ДОТ.

Взорвав и то и другое, лейтенант Хартунг смог заставить ДОТ замолчать и, бросив внутрь ручные гранаты, уничтожить гарнизон из 3 человек. Ликвидация ДОТа № 169 закончилась в 5.15.

Благодаря ликвидации ДОТов № 128 и 169 подразделения батальона получили возможность наступать по лощине между горой Сокаль и высотой 237 на укрепление № 24.

Во время борьбы за ДОТы № 128 и 169 были подтянуты остальные подразделения роты, прошедшие вдоль противотанкового заграждения, которое через 100 метров превратилось в противотанковый ров. Из выдвинутого вперед угла противотанкового рва № 1 ударная группа фельдфебеля Корха атаковала укрепление № 24. Она была поддержана одним штурмовым и одним противотанковым орудием. Ударной группе удалось приблизиться к ДОТу на 60 метров, после чего она попала под пулеметный огонь из расположенного перед укреплением окопа. Ручными гранатами удалось оттеснить противника внутрь ДОТа. Враг после нескольких выстрелов исчез за стенами укрепления. Противотанковое орудие, использованное фельдфебелем Корхом для обстрела амбразуры, было выведено из строя прямым попаданием 5-см снаряда. К 4.45 ударная группа подошла к ДОТу. Предпринятые ею попытки заставить ДОТ замолчать взрывами амбразуры провалились. В частности, не удалось продвинуть взрывчатку так далеко в амбразуру, чтобы взрыв повредил имевшееся там вооружение. ДОТ продолжал вести огонь 5-см орудием и пулеметом, прикрывая противотанковое препятствие № 2. Когда Корх к 5.30 израсходовал всю имевшуюся взрывчатку, к укреплению подошли части 2-й роты под командованием лейтенанта Штейнкампа, которые и вывели его из строя. 2-й взвод 2-й роты получил задачу окончательно уничтожить ДОТ. Из-за неожиданного упорства русских, которые сражались до последнего, борьба за ДОТ заняла много времени. Несмотря на орудийный обстрел, нескольким людям с огнеметами и взрывчаткой удалось подобраться к амбразуре. Однако из-за высокого качества русских материалов взрывы оказались безрезультатными. В ходе дальнейшего применения огнеметов и взрывчатки удалось подорвать входную дверь, после чего взобраться на ДОТ. После взрыва перископного отверстия и дальнейшего использования дымовых шашек и взрывчатки удалось увеличить отверстие настолько, что стало возможным опустить внутрь заряд взрывчатки.

Помимо этого, внутрь были залиты бензин и горючее для огнеметов. Произведенным взрывом внутренности ДОТа были полностью уничтожены. После этого удалось убедиться, что гарнизон ДОТа погиб в полном составе. В 6.00 рота доложила в батальон, что бункер взят.

В 7.00 бой переместился в Кол. Хорбков, и рота использовалась между 1-й и 3-й ротами в качестве флангового прикрытия с юговосточной стороны. Во время окончательной ликвидации укрепления № 24 2-й ротой ударному взводу лейтенанта Хермаль-Трагера удалось пересечь лощину, находившуюся между противотанковыми рвами № 1 и № 1а и находившуюся под обстрелом ДОТа № 4 и полевых укреплений. Подойдя к противотанковому рву № 1а, группа попала под огонь из ДОТа № 3. Используя изломы рва, удалось приблизиться к ДОТу. Лейтенант Хермаль-Трагер встретил там лейтенанта Портштеффена из 1-й роты, который уже направил части своей ударной группы для атаки ДОТа. Ударная группа лейтенанта Хильзе направилась сначала к ДОТу № 169. Однако, увидев там людей лейтенанта Хартунга, он двинулся к ДОТу № 129, вооруженному одним пулеметом. Противник был изгнан оттуда и бежал в лес. После этого ударная группа лейтенанта Хильзе соединилась с лейтенантом Хартунгом для атаки ДОТа № 181. Ударная группа лейтенанта Хартунга после ликвидации ДОТа № 169 двинулась к укреплению № 181. ДОТ имел две 7,6-см пушки, которые обстреливали находившуюся севернее лощину и серьезно осложняли продвижение частей левого батальона 199-го пп.

Уже на подходе ударная группа была обстреляна из полевых позиций. Примерно в 5.45 они достигли укрепления. Лейтенант Хартунг с несколькими солдатами взобрался на ДОТ и взрывами попытался вывести из строя амбразуры. Поскольку эта попытка провалилась, внутрь укрепления через смотровой купол были брошены дымовые шашки и ручные гранаты. Это тоже не принесло успеха. Через некоторое время часть гарнизона, примерно 10 человек, произвели вылазку и попытались отогнать людей лейтенанта Хартунга огнем из винтовок и ручными гранатами.

Эта вылазка была ликвидирована огнем двух пулеметов и ручными гранатами. Все 10 человек были убиты. Лейтенант Хартунг теперь начал бороться с ДОТом, забрасывая внутрь взрывчатку и дымовые шашки в две вентиляционные шахты. В это время укрепление продолжало вести огонь. Только через полчаса ДОТ замолчал. Это произошло около 7.00. Как выяснилось позднее, ДОТ состоял из трех этажей, имел два 7,6-см орудия, три пулеметные амбразуры и укрепление на входе. Гарнизон состоял из 20 человек, все они были убиты. Противник защищался упорно и ожесточенно, оказывая сопротивление до последней возможности. Подавление этого ДОТа потребовало 3 часов времени. Он был самым крупным на отрезке 199-го пп.

На южном склоне горы Сокаль тем временем происходило следующее:

После подавления ДОТа № 128 ударная группа лейтенанта Фелькера направилась к противотанковому рву № 1а. Он достиг его в 4.45, одновременно с тем как ударная группа Корха начала атаку укрепления № 24. Поскольку Корх, как казалось, подавил фланкирующий огонь укрепления № 24 по противотанковому рву № 2, а лейтенант Портштеффен атаковал ДОТ № 3, лейтенант Фелькер при поддержке одного штурмового орудия начал атаку ДОТа № 4. В этот момент огонь из укреплений № 24 и № 128, довольно слабый ранее, серьезно усилился, так что группа вынуждена была залечь. Также начался обстрел 5-см орудием из ДОТа № 24. Около 5.10 к противотанковому рву № 1а подошел пулеметный взвод, использованный для поддержки ударной группы лейтенанта Фелькера, на которую в этот момент обрушился огонь еще и из полевых укреплений между ДОТами, ранее остававшихся незамеченными. Через несколько минут штурмовое орудие приблизилось к ДОТу № 24 и начало его обстрел. Поэтому лейтенанту Фолькеру удалось с 3 солдатами преодолеть противотанковое заграждение № 2 и приблизиться к ДОТу № 4.

Там он встретил лейтенанта Турмана из 1-й роты, уже начавшего атаку этого ДОТа. Под прикрытием огня штурмового орудия командир роты подтянул пулеметный взвод к противотанковому рву № 2. Этому взводу удалось преодолеть полосу еще не подавленного фланкирующего огня у противотанкового препятствия № 2 и достичь ДОТа № 4. При этом были ранены унтер-офицер Виннике, ефрейтор Арнольдь, а из ударной группы лейтенанта Фелькера, остатки которой присоединились к пулеметному взводу, обер-ефрейтор Юнгманн. После этого ударная группа и пулеметный взвод были использованы в качестве охранения на опушке леса восточнее Кол. Хорбков. Это произошло в 6.15. Разведывательная группа, направленная в лес для разведки, доложила, что на опушке леса противника нет. До 7.15 остальные части роты собрались восточнее Кол. Хорбков и были использованы для охранения.

По приказу командования 199-го пп 51-й штурмовой саперный батальон должен был сначала не продвигаться через лес на восток, а оставаться на горе Сокаль для прикрытия выдвигающегося вперед полка и обороны от возможных атак противника с северо-востока.

Около 7.30 наша пехота начала движение через лес на восток. 3-я штурмовая рота была использована сначала в лесу для прикрытия правого фланга полка, а затем для решения той же задачи по ту сторону леса. Боевых столкновений при этом не было. Были взяты 2 пленных. Потери роты к этому моменту составили — 1 убитый, 9 раненых.

На следующий день роте было приказано вернуться в Бабинец, где концентрировался батальон.

В 12.30 в соответствии с приказом 199-го пп все три штурмовые роты были использованы позади 1-го батальона 199-го пп на высоте 247 к северу от Ксаверовки для прикрытия фланга с юга и юго-востока. Роты были выстроены друг за другом — 3, 2, 1-я — на расстоянии около 200 метров друг от друга. Наступление 1-го батальона 199-го пп на Тартаков развивалось медленно, и роты в это время попали под вражеский артиллерийский огонь и вынуждены были окопаться. Разведывательные группы установили связь с соседом справа.

Первая рота получила новое задание и была в связи с этим подчинена 75-й пд, достигнув к 18.00 северного выхода из Сокаля. 2-я рота получила в 20.20 приказ занять позиции в Потурзице и установить связь с 3-м батальоном 179-го пп. На отрезке этого батальона рота должна была, следуя в боевых порядках 3-го батальона 179-го пп, ликвидировать все имеющиеся на его участке ДОТы. Рота прибыла туда около 0.30 и возобновила наступление в 7.00 23 июня. Для решения этих задач роте были подчинены 2 взвода штурмовых орудий и одно 8,8-см зенитное орудие.

После разведки и распределения задач каждый взвод атаковал по одному ДОТу. Под прикрытием зенитки и штурмовых орудий саперы подошли к ДОТам с тыла. Благодаря тому, что штурмовые орудия взяли на себя подавление фланкирующего огня, ударные группы вплотную подобрались к ДОТам. ДОТы были уже накануне атакованы пехотой, получили некоторые повреждения, но не были ликвидированы. В связи с этим противник снова занял боевые отсеки и начал ожесточенный обстрел наступающих частей. Как и во время вчерашнего штурма ДОТов, в первую очередь были взорваны вентиляционные шахты. После этого ударные группы при поддержке огнеметов приблизились к амбразурам, прикрывающим вход, и взорвали сначала их, а потом и саму входную дверь. После того как проход внутрь был открыт таким образом, солдаты прочесали отдельные отсеки и привели в негодность вооружение. Из-за сильного задымления бой внутри ДОТа развивался сложно и занял много времени. Только около 11.00 были подавлены первые 3 ДОТа. До 14.00 каждый взвод заставил замолчать еще по одному ДОТу. Всего были выведены из строя ДОТы № 15, 25, 29, 105 и еще один не обозначенный на карте ДОТ.

В каждом ДОТе находились в среднем 3 офицера или унтерофицера и 4 солдата, большая часть из которых была убита или тяжело ранена. Несколько легко раненных были взяты в плен.

После обеспечения всем необходимым, перегруппировки и пополнения боезапаса 2-я и 3-я роты были еще раз использованы в бою для прочесывания укреплений, поскольку выяснилось, что из нескольких ДОТов, о которых докладывали как о ликвидированных, огонь возобновился.

В ходе этого прочесывания удалось установить, что некоторым гарнизонам во время боя удалось уйти из укреплений и спрятаться в пшеничном поле. Теперь эти люди вернулись и возобновили стрельбу. Во время прочесывания и подавления еще 2 ДОТов 2-я рота потеряла около укрепления № 102 одного унтер-офицера и 3 рядовых убитыми.

Во время использования 2-й роты 3-м батальоном 179-го пп 1-я рота была использована в полосе 75-й дивизии против укреплений севернее Кол. Тартаков. Перед этими укреплениями находились части усиленного пехотного полка, артиллерии и противотанковой артиллерии, которые уже понесли здесь очень большие потери и которым тем не менее не удалось ликвидировать укрепления. После получения данных у командира пехотного батальона командир роты в наступающей темноте успел провести разведку для атаки, которая по причине позднего часа была назначена на завтрашнее утро. Чтобы предотвратить ночной прорыв гарнизонов, рота вместе с другими подразделениями плотно окружила ДОТы. В 4.30 23 июня рота начала атаку укреплений, после того как с 3.30 до 4.00 был произведен их обстрел одной батареей 21-см мортир и одной батареей гаубиц. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, его воздействие на ДОТы было крайне незначительным. Так, одна из мортир произвела 22 выстрела по трехэтажному артиллерийско-пулеметному ДОТу и добилась лишь того, что отколола кусок бетонной стены примерно 60 см в глубину, 1,5 м в высоту и 1 м в ширину, не повредив ни одну из амбразур. Поскольку атака роты не была поддержана никаким тяжелым вооружением, кроме артиллерии, она вынуждена была атаковать вопреки сильнейшему огню оборонявшихся. Сразу же после окончания артиллерийского обстрела из амбразур начался сильный огонь, так что ударные взводы вынуждены были метр за метром ползти к ДОТу.

Разведка показала, что в системе укреплений имелось слабое место, и именно там 1-му ударному взводу удалось продвинуться без больших потерь.

Ударному взводу потребовалось 2,5 часа, чтобы полностью подавить ДОТ № 18, состоявший из 2 этажей и вооруженный 2 противотанковыми орудиями и 4 пулеметами. Только после ликвидации этого ДОТа другим ударным взводам удалось в период между 4 и 18 часами уничтожить 7 других ДОТов в ходе ожесточенной борьбы, в которой рота превзошла все мыслимые показатели выдержки и мужества, поскольку уже более 50 часов не имела ни пищи, ни воды, ни сна.

В подавлении этих ДОТов, которые были расположены особенно выгодно с тактической точки зрения, поскольку они располагали большим количеством противотанкового и другого вооружения, дивизия была особенно заинтересована. Дело в том, что эти ДОТы держали под обстрелом различного оружия, в том числе противотанковых пушек, главную дорогу Сокаль—Тартаков. Помимо больших потерь среди офицеров, унтер-офицеров и солдат, эти укрепления подожгли несколько машин, следовавших за пехотой подразделений, и полностью уничтожили прямыми попаданиями две 8,8-см зенитки.

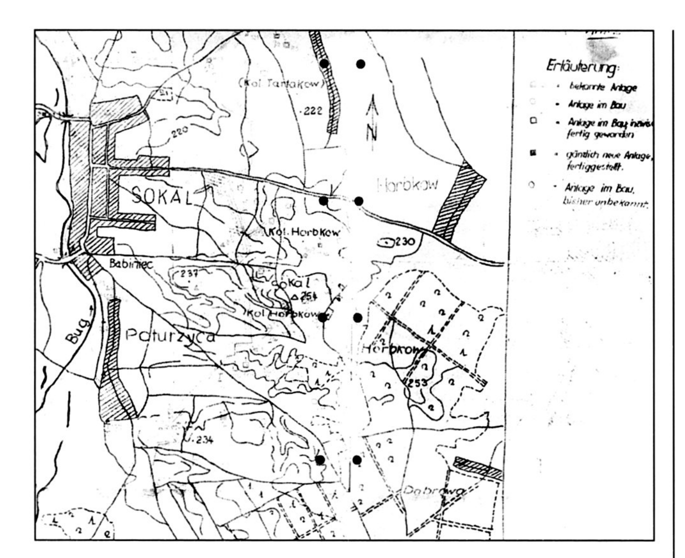
6) Описание укреплений. Расположение русских пограничных укреплений следует признать исключительно умелым, особенно в части искусного использования местности. Большинство ДОТов были незаметны с фронта, зато располагали амбразурами для обстрела с флангов и с тыла. Этим и объясняется тот факт, что большинство укреплений не удалось обнаружить к началу атаки. Только укрепления, стреляющие вперед, были известны заранее. Между бетонированными укреплениями русские искусно расположили множество полевых позиций и земляных укреплений, которые существенно усиливали всю систему. Из этих полевых укреплений, которые остались по большей части полностью не замеченными разведкой и амбразуры которых благодаря растительности были видны лишь с расстояния в несколько шагов, русские стреляли в атакующего практически в упор. В большинстве случаев ударные группы, приблизившись к ДОТам на минимальное расстояние, видели вбегавших внутрь русских.

Гарнизоны в большинстве своем состояли из молодых солдат, принадлежавших к молодежной коммунистической организации и потому сражавшихся особенно фанатично.

Русские солдаты оказали выдающееся сопротивление, сдаваясь только в том случае, если были ранены, и сражаясь до последней возможности.

Отдельные элементы русской укрепленной линии были исключительно хороши по части материала и вооружения. Бетон состоял по большей части из смеси гранита, цемента и железа, очень прочной и выдерживавшей сильный артиллерийский огонь.

Большая часть ДОТов состояла из боевого отсека и отсека для отдыха, расположенных один над другим, но некоторые

«Линия Молотова». Схема из отчета 51-го штурмового батальона

были даже 3-этажными. ДОТы были вооружены пулеметами, легкими и тяжелыми противотанковыми орудиями, частично пушками калибра 7,6 см, с возможностью смены вооружения и сферическими масками. Стволы пулеметов не выходили за пределы масок. Выдающиеся наружу орудийные стволы были прикрыты специальными трубами, установленными на масках. Оружие, особенно маски, было отличным. Только вентиляционные системы кажутся слабым местом укреплений. Амбразуры ДОТов были очень глубокими, что затрудняло их обстрел. Кроме того, они находились сравнительно близко к поверхности, что затрудняло их обнаружение и подавление. Работы по сооружению и маскировке ДОТов были еще не завершены.

Для наступающего было трудно прорвать полосу укреплений, особенно в связи с тем, что об укреплениях и о боеспособности русских было известно очень мало. Быстрый прорыв удался лишь благодаря умелым и инициативным действиям каждого отдельного солдата, не отступавшего ни перед какими неожиданностями. Поскольку попытки подавления находящихся за шаровыми масками стволов в большинстве случаев оканчивались неудачей, наши саперы должны были подбираться к неподавленным огневым точкам и имевшимися у них средствами выводить их из строя. Таким образом, в этом случае от саперов как в моральном, так и в техническом отношении потребовалось больше, чем в предыдущих случаях атак на ДОТы.

7) Полученный опыт. Опыт атаки укреплений показывает, что использование противотанковых орудий, которые их расчет должен перемещать по пересеченной местности, создает существенные трудности, а своевременное их использование не удается. Противотанковые орудия неэффективны в обстреле амбразур с шаровыми масками. Высокое качество бетона делает малоэффективным обстрел из артиллерийских и штурмовых орудий.

Штурмовые орудия могли не разрушать, а скорее сдерживать огонь противника.

Взрывы амбразур 3-кг зарядами взрывчатки не увенчались успехом. 6-кг заряд обычно выводил из строя пулеметную амбразуру, для полного разрушения были необходимы 10 кг. Для подрыва орудийных амбразур использовались 10-кг заряды, однако они уничтожали только стволы, сама амбразура не страдала.

Опыт показывает, что наилучший способ борьбы с русскими ДОТами — это вброс взрывчатки, дымовых шашек, бензина и топлива для огнеметов через вентиляционные системы.

На капитуляцию гарнизонов русских укреплений не приходится рассчитывать даже в том случае, если все вооружение выведено из строя, а помещения полны дыма. Необходима постоянная мощная охрана выходов. Даже раненые, вынесенные из полностью разрушенных ДОТов, возобновляли борьбу, как только им в руки попадало какое-нибудь оружие. Отдельные русские солдаты, которые были ранены в укреплениях и сочтены мертвыми или смогли уйти, часто занимали через несколько дней уже захваченные ДОТы и возобновляли бой. Были случаи, когда русские солдаты с несколькими ранениями в грудь или сквозными ранениями размером с кулак, потеряв массу крови и не получавшие медицинской помощи, через 10—15 часов вновь брались за оружие.

Чтобы избежать сюрпризов, необходимо основательное и систематическое прочесывание укреплений. При этом каждый ДОТ, в том числе нижние этажи, должен быть зачищен при помощи взрывчатки и горючих материалов. С полевыми укреплениями и дзотами надо обращаться соответственно.

К тому же необходимо полное окружение и прочесывание густыми пехотными цепями больших районов. Рабочие команды из пленных или гражданского населения должны сразу после прочесывания засыпать все полевые позиции.

Даже если для окружения и прочесывания потребуется большое число солдат, это окупится, поскольку из-за маленьких групп русских происходят и будут происходить большие перебои в снабжении и потери в тыловых частях, вынуждающие тратить силы на организацию прикрытия каждого подразделения и устранение источника беспокойства.

Подполковник, командир батальона /подпись/
NARA T314 R1138 frames 746—768.

Приложение 3

Укомплектованность авиационных полков, входивших в состав Военно-воздушных сил Юго-Западного фронта, самолетами и летным составом по состоянию на 22.06.41 г.

Авиационные дивизии	Авиационные полки	Наличие самолетов тип	количество	Наличие летного состава летчиков	летчиков-наблюдателей
14-я авиационная дивизия	Управление	И-16	2	3	–
	17-й истребительный авиационный полк	И-153	50	–	–
		И-16	1	54	–
	46-й истребительный авиационный полк	И-16	25	–	–
		И-153	28	–	–
		И-15	2	66	–
	89-й истребительный авиационный полк	И-16	66	68	–
	253-й штурмовой авиационный полк	–	–	7	–
	Итого	–	174	198	–

Авиационные дивизии	Авиационные полки	Наличие самолетов тип	Наличие самолетов количество	Наличие летного состава летчиков	Наличие летного состава летчиков-наблюдателей
15-я авиационная дивизия	Управление	МИГ-3	2	–	–
		И-16	1	5	–
	23-й истребительный авиационный полк	МИГ-3	48	–	–
		И-153	10	–	–
		И-16	7	–	–
		И-15	1	60	–
	28-й истребительный авиационный полк	МИГ-3	48	–	–
		И-16	12	60	–
	164-й истребительный авиационный полк	И-16	14	–	–
		И-153	28	–	–
		И-15	2	51	–
	66-й штурмовой авиационный полк	И-15	58	–	–
		ИЛ-2	5	69	–
	Итого	–	236	245	–
16-я авиационная дивизия	Управление	СБ	2	5	5
	86-й ближнебомбардировочный авиационный полк	СБ	35	–	–
		ПЕ-2	9	66	90
	87-й истребительный авиационный полк	И-16	60	–	–
		МИГ-3	4	88	–
	92-й истребительный авиационный полк	И-153	63	–	–
		И-16	5	–	–
		И-15	4	75	–
	Итого	–	182	234	95
17-я авиационная дивизия	Управление	ЯК-1	1	–	–
		И-153	1	–	–
		СБ	1	7	8
	20-й истребительный авиационный полк	И-153	26	–	–
		ЯК-1	63	70	–
	91-й истребительный авиационный полк	И-153	59	64	–
	48-й ближнебомбардировочный авиационный полк	ПЕ-2	34	–	–
		СБ	8	67	82
	224-й ближнебомбардировочный авиационный полк	СБ	13	60	74
	225-й ближнебомбардировочный авиационный полк	СБ	11	70	65
	242-й ближнебомбардировочный авиационный полк	–	–	55	57
	244-й ближнебомбардировочный авиационный полк	–	–	12	–
	Итого	–	217	405	286
18-я авиационная дивизия	Управление	ДБ-3Ф	3	8	9
	90-й дальнебомбардировочный авиационный полк	ДБ-3Ф	59	54	79
	93-й дальнебомбардировочный авиационный полк	ДБ-3Ф	57	55	83
	Итого	–	119	117	171
19-я авиационная дивизия	Управление	СБ	2	7	10
	33-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	АР-2	23	–	–
		ПЕ-2	10	–	–
		СБ	27	73	83
	136-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	ЯК-2	49	–	–
		СБ	4	58	63
	138-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	СБ	27	60	96
	Итого	–	142	198	252
36-я авиационная дивизия	Управление	И-16	1	4	7
	2-й истребительный авиационный полк	И-16	41	–	–
		И-153	16	46	5
	43-й истребительный авиационный полк	И-16	42	–	–
		И-153	12	57	4
	254-й истребительный авиационный полк	–	–	6	–
	255-й истребительный авиационный полк	–	–	–	–
	Итого	–	112	113	16
44-я авиационная дивизия	Управление	И-16	4	2	7
	88-й истребительный авиационный полк	И-16	71	31	–
	248-й истребительный авиационный полк	И-153	29	20	–
	249-й истребительный авиационный полк	И-16 20	–	–	
		И-153	12	21	–
	252-й истребительный авиационный полк	И-153	15	–	–
		И-15	15	11	–
	Итого	–	166	85	7
62-я авиационная дивизия	Управление	–	–	2	5
	52-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	ПЕ-2	15		–
		СБ	21	60	86
	94-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	СБ	63	59	72
	226-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	СУ-2	55	61	56
	227-й ближне-бомбардировочный авиационный полк	СУ-2	59	65	86
	243-й штурмовой авиационный полк	–	–	–	–
	245-й штурмовой авиационный полк	–	–	–	–
	Итого	–	213	247	305

Авиационные дивизии	Авиационные полки	Наличие самолетов тип	Наличие самолетов количество	Наличие летного состава летчиков	Наличие летного состава летчиков-наблюдателей
63-я авиационная дивизия	Управление	–	–	4	1
	62-й штурмовой авиационный полк	И-15б	9	–	–
		И-153	55	92	–
	165-й истребительный авиационный полк	И-16	4	–	–
		И-15б	8	–	–
		И-153	26	71	–
	Итого	–	102	167	1
64-я авиационная дивизия	Управление	–	–	1	–
	12-й истребительный авиационный полк	И-16	19	–	–
		И-153	47	–	–
		И-15	12	66	4
	149-й истребительный авиационный полк	МИГ-3	56	–	–
		И-16	13	–	–
		И-153	49	59	4
	166-й истребительный авиационный полк	И-16	42	67	–
	247-й истребительный авиационный полк	МИГ-3	1	–	–
		И-153	48	46	–
	246-й истребительный авиационный полк	–	–	–	–
	Итого	–	287	239	8
	315-й разведывательный авиационный полк	СБ	20	66	85
	316-й разведывательный авиационный полк	ЯК-2—1	31	–	–
		СБ	2	45	82
Итого по Военно-воздушным силам Юго-Западного фронта			2003	2355	1307

Приложение 4

Распределение потерь танков 10-й танковой дивизии

№	Характер потерь	Число потерь по маркам машин КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Бронемашин	Итого
1	Разбито и сгорело на поле боя	11	20	4	53	7	13	108
2	Вышло из строя при выполнении боевой задачи и осталось на территории, занятой противником	–	1	4	2	2	4	13
3	Не вернулось с экипажами с поля боя после атаки	11	3	–	3	3	7	27
4	Сгорело в результате бомбардировок	–	–	–	1	–	4	5
5	Осталось с экипажами в окружении противника из-за технической неисправности или отсутствия горючесмазочных материалов	2	–	6	1	–	–	9
6	Осталось из-за отсутствия горюче-смазочных материалов и невозможности его подать, так как район расположения машин захвачен противником	–	–	4	2	–	–	6
7	Пропало без вести с экипажами	–	–	3	–	–	–	3
8	Уничтожено на сборных пунктах аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при отходе	7	1	6	–	–	6	20
9	Оставлено при отходе части по техническим неисправностям и невозможности восстановить и эвакуировать	22	6	15	28	10	14	5
10	Застряло на препятствиях с невозможностью извлечь и эвакуировать	3	1	2	10	2	3	21
	Всего	56	32	44	100	24	51	307

Приложение 5

Сведения о наличии и потерях боевых машин 8-го механизированного корпуса по состоянию на 20 июля 1941 г.

	Числилось на 22.06.41 г.	Находится на рембазах и заводах промышленности	Оставлено на зимних квартирах	Выведено в бой	Передано другим частям	Потеряно в бою	Оставлено в пути	Пропало без вести	Погружено на ж.д.	Имеется на 20.7.1941 г.
КВ	71	5	6	60	11	13	15	9	12	—
Т-35	48	—	10	38	—	30	8	—	—	—
Т-34	100	—	5	95	22	18	16	24	15	—
Т-26 рад.	141	5	3	133	7	65	21	28	11	1
Т-26 лин.	139	4	4	131	—	84	13	34	—	—
Т-26 2б	10	2	7	1	—	1	—	—	—	—
Т-26 хим	50	3	1	46	—	22	19	5	—	—
СУ-5	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Т-26 тяг	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Т-27	80	14	66	—	—	—	—	—	—	—
БТ-7	242	42	48	152	39	62	49	4	28	2
БТ-5	20	3	13	4	—	—	4	—	—	—
БТ-2	15	1	9	5	—	1	4	—	—	—
Т-37	23	3	20	—	—	—	—	—	—	—
Т-40	17	—	—	17	—	6	4	—	5	2
БА-10	99	—	—	99	2	21	19	9	1	33
БА-20	75	5	5	65	7	18	19	8	8	13
БА-6	3	—	1	2	—	—	—	—	—	2
ФАИ	7	2	3	2	—	—	—	2	—	—

Примечание. Таблица была составлена штабом 8-го механизированного корпуса (под документом стоит подпись помощника командира корпуса по техчасти инженера 1-го ранга Горчакова). Соответственно все танки, ушедшие с группой Попеля, числятся как потерянные в бою либо как пропавшие без вести.

Литература и источники

1. *Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг. — М.: Наука, 1971.
2. *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1962.
3. *Архипов В.С.* Время танковых атак. — М.: Воениздат, 1981.
4. *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. — М.: Воениздат, 1971.
5. Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. — М.: Институт военной истории МО РФ, 1994.
6. *Владимирский А.В.* На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне—сентябре 1941 г. — М.: Воениздат, 1989.
7. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. — М.: Воениздат, 1971.
8. *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении — М.: Воениздат, 1965.
9. *Егоров А.В.* С верой в победу. — М.: Воениздат, 1974.
10. *Калинин Н.В.* Это в сердце моем навсегда. — М.: Воениздат, 1967.
11. *Калядин И.С.* За каждую пядь земли... — М.: Воениздат, 1983.
12. Киевский Краснознаменный. История Краснознаменного Киевского военного округа. 1919—1972. — М.: Воениздат, 1974.
13. Лето 1941. Украина. Документы и материалы. Ход событий./ Под ред. Замлинского В.А. — Киев: «Украина», 1991.
14. *Малыгин К.А.* В центре боевого порядка. — М.: Воениздат, 1986.
15. Полевой устав РККА (ПУ-39). — М.: Воениздат, 1939.
16. *Попель Н.К.* В тяжкую пору. М. — СПб.: Terra Fantastica, 2001.
17. *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат. 1990.
18. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 33. — М.: Воениздат, 1957
19. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. — М.: Воениздат, 1958.
20. *Слюсаренко З.К.* Последний выстрел. — М.: Воениздат, 1974
21. Тактика танковых войск. — М.: Воениздат, 1940.
22. *Тузов А.В.* В огне войны. Боевой путь 50-й гвардейской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. — М.: Воениздат, 1970.
23. *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь. — М.: Воениздат, 1991.
24. 1941 г. Документы. — М.: Международный фонд «Демократия», 1992.
25. 1941 год — уроки и выводы. — М.: Воениздат, 1992.
26. Braun J. Enzian und Edelweiss. Die 4.Gebirgsdivision 1940—1945. Bad Nauheim, Podzun, 1954.
27. Dierich W. Kampgeschwader 55 Greif. Stutgart. Motorbuch-Verlag, 1973.
28. Germany and the Second World War. Volume IV. Deutsche verlags-anstalt. Stuttgart, 1983.
29. Grams R. Die 14.Panzer-Division 1940—1945. Herausgegeben im Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14.Panzer-Division. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1957.
30. Jentz T Panzertruppen, Schiffer Military History.
31. Lannoy François de. Panzers en Ukraine. Juin — Dècembre 1941. Heimdal. 2001.
32. Lanz H. Gebirgsjäger. Der 1.Gebirgsdivision 1935—1945. Bad Nauheim. Podzun. 1954.
33. Mackensen Eberhard von. Vom Bug zum Kaukasus, Das III.Panzercorps im Feldzug gegen Sowjetrußland 1941/42. Neckargemünd. Kurt Vowinkel Ver lag. 1967.
34. Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verbaende im Ostfeldzug 1941/42. Neckargemuend: Kurt Vowinkel Verlag. 1959.
35. Ott E. Jaeger am Feind. Geschichte und Opfergang der 97. Jaeger-Division 1940—1945, Verlag der Kameradschaft der Spielhahnjäger, 1966.
36. Prien J. Die Jagd fliegerbaende dez Dentschen Lnftwafte 1934 bis 1945. Teil 6/I.
37. Schrodek G. Ihr Glaube galt dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11.Panzer-Division) — Munchen, Schild Verlag. 1976.
38. Schmitz G. Bildband der 16.Panzer-Division 1939—1945. Podzun. Bad Nauheim. 1956.
39. The initial period of war on the eastern front. 22 june — august 1941. Proceedings of the Fourth Art of war Symposium. Edited by Colonel David M.Glantz. Cass series on soviet military experience, vol.2. Frank Cass. London. 2001.
40. Werthen W. Geschichte der 16.Panzer-Division 1939—1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1958.

Исаев Алексей Валерьевич

Величайшее танковое сражение 1941

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5
Тел. (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.* E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3. Тел. +7 (383) 289-91-42.
E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

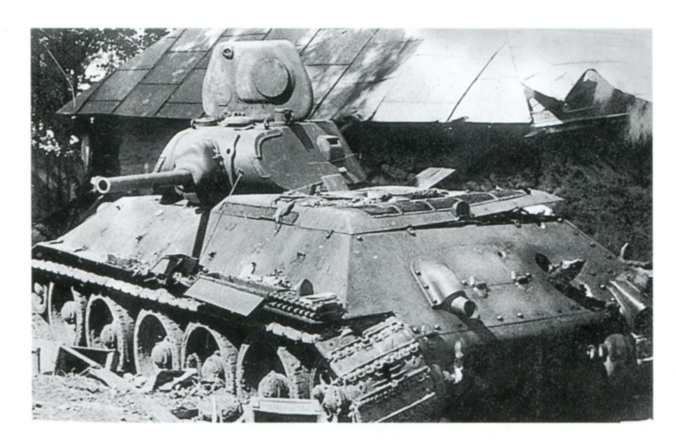
Подписано в печать 08.11.2011.
Формат 84x1081/16. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 1 500 экз.
Зак. № 8765.
Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-53796-9

Июньское танковое сражение 1941 года в треугольнике Луцк – Броды – Дубно до сих пор остается одной из самых загадочных страниц отечественной истории. Участвовавшие в нем пять механизированных корпусов Киевского Особого военного округа насчитывали 2800 танков всех типов, от легких БТ и Т-26 до гигантов КВ-2 и Т-35. Противостояли им всего около 800 танков и САУ 1-й танковой группы фон Клейста, из которых только 450 Pz.III и Pz.IV. Если бы эти две танковые армады просто столкнулись на поле подходящих размеров подобно рыцарской коннице, исход битвы было легко предсказать. Однако в реальности советские мехкорпуса потеряли большую часть бронетехники и уже через неделю начали отступление к старой границе.

Как такое могло случиться? Почему, несмотря на подавляющее численное превосходство, советский контрудар не достиг цели? Как немцам удалось справиться с 340 новейших КВ и Т-34? В чем причины сокрушительного поражения Красной Армии под Дубно?

Эта книга, основанная на недавно рассекреченных документах как отечественных, так и зарубежных архивов, впервые представляет не только советскую, но и немецкую точку зрения на величайшее танковое сражение Второй Мировой.

ISBN 978-5-699-53796-9

